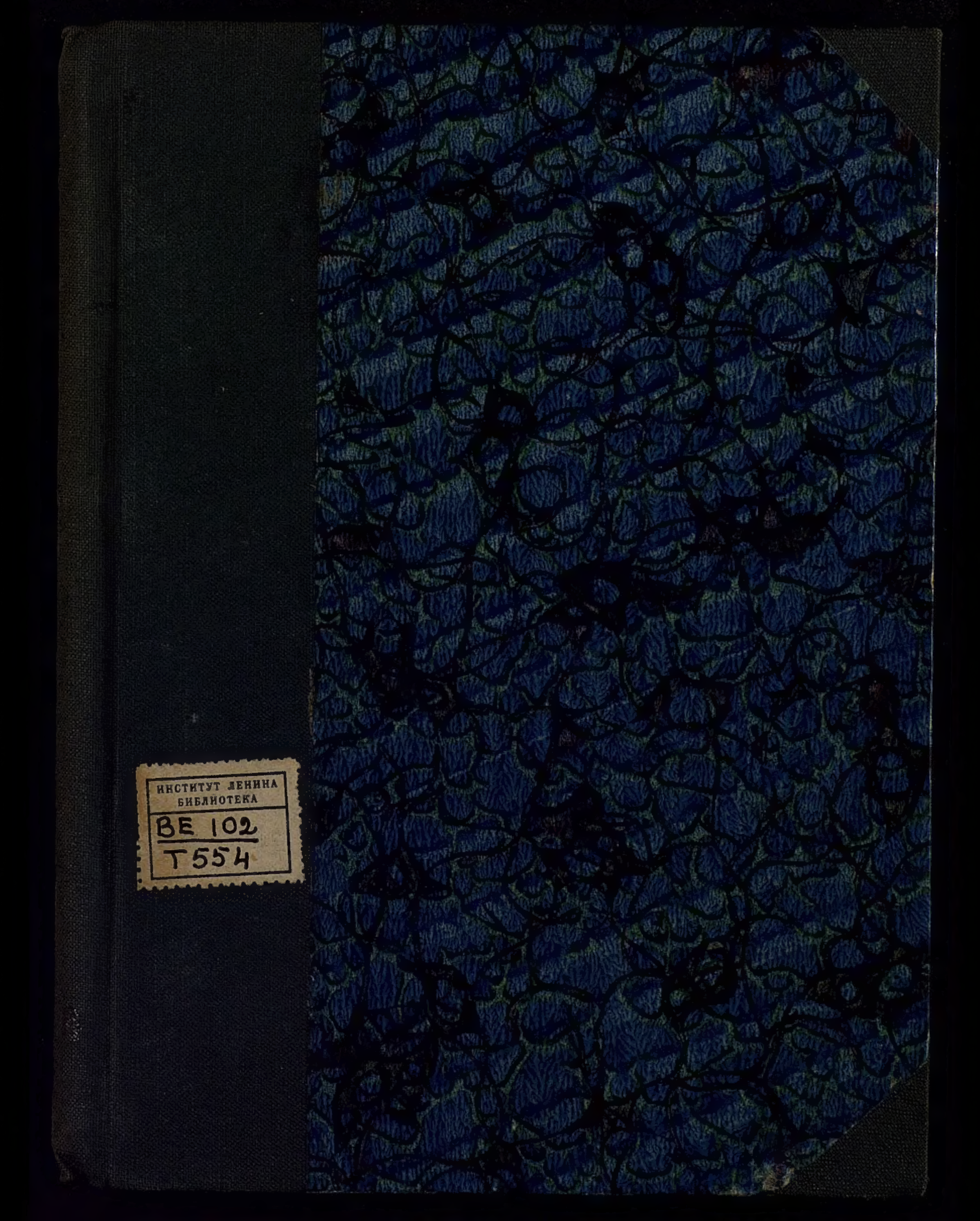
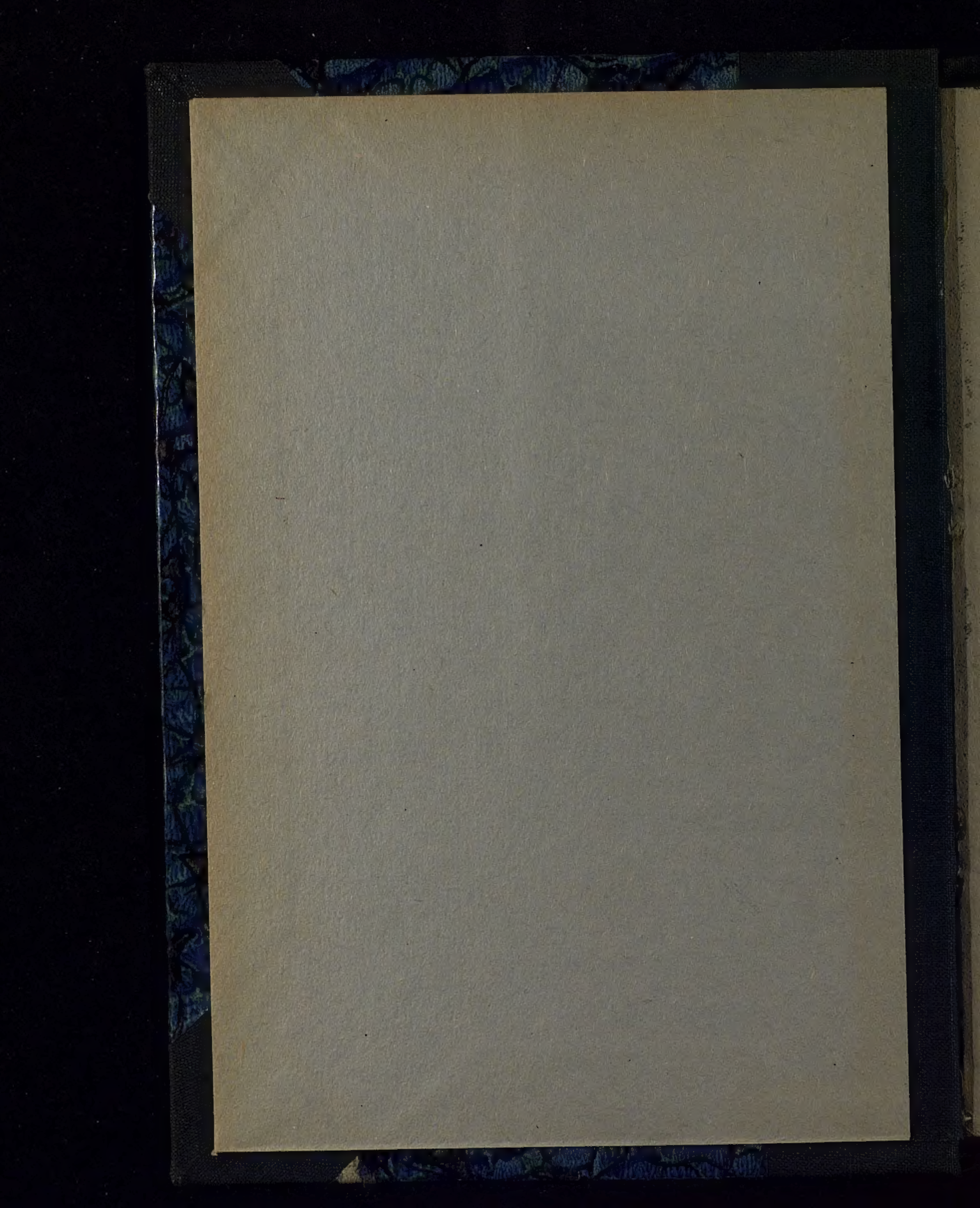

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
BE 102
T554





БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ

А. ТИРПИЦ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО





БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ



MCMXXV

А. ТИРПИЦ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Перевод с немецкого
Д. П. КОНЧАЛОВСКОГО

С предисловием
В. ГУРКО-КРЯЖИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва ★ 1925 ★ Ленинград

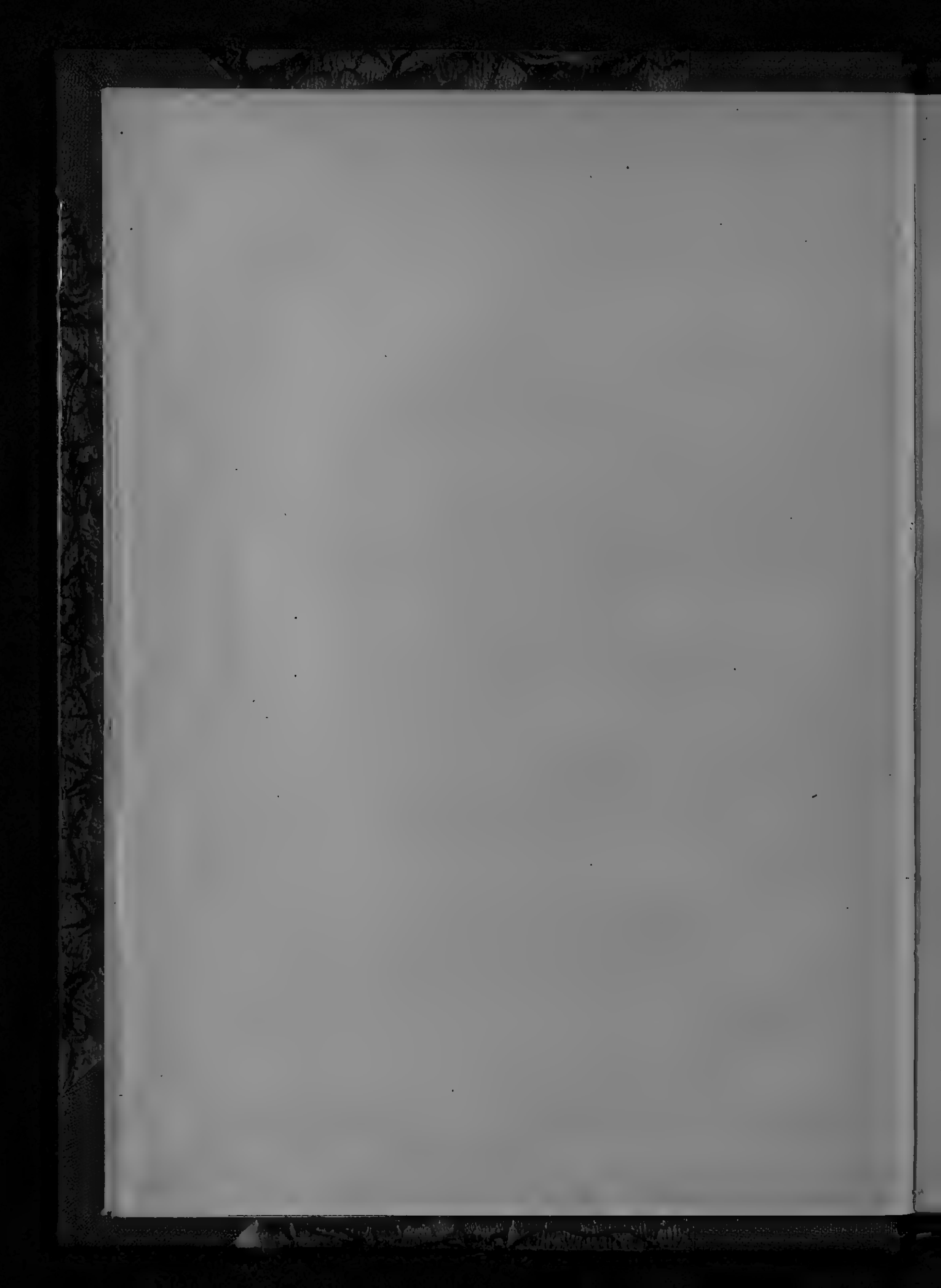




Напечатано в 1-й Образцовой
типографии Госиздата
Москва, Пятницкая, 71
в количестве 7.000
экземпляров
Гиз 8888
Главлит
30996

★

ОГЛАВЛЕНИЕ.



ПРЕДИСЛОВИЕ.

Адмирал Тирпиц, несомненно, является одной из самых ярких, колоритных фигур довоенной Германии. Вместе с А. Круппом, Балином, братьями Маннесманами и другими, он был одним из энергичнейших проводников немецкого империализма, признанным лидером пангерманских кругов, сторонником «мировой политики» (Weltpolitik) Германии, приводшей в конце концов к великой бойне 1914—1918 г.г.

Историческое значение Тирпица заключается в том, что именно на его долю выпала реализация одной из основных тенденций немецкого империализма, а именно стремления к морскому могуществу.

Германия Бисмарка, как известно, чуждалась моря. В течение пятнадцати лет, последовавших за победоносной франко-прусской войной 1870—1871 г.г., она представляла из себя чисто континентальную державу, политическая и экономическая экспансия которой ограничивалась лишь Европой. Правда, и в эту эпоху находились деятели, вроде первого морского министра Штоша (1877—1883 г.г.), которые мечтали о развитии немецкого флота, но их проекты не имели корней в тогдашней экономической действительности. Что касается до самого Бисмарка, то, как известно, он резко отрицательно относился ко всяким колониальным и морским авантюрам. По меткому замечанию Тирпица, еще до 90-х г.г. он в своих политических взглядах исходил из представления о Германии 1871 года и Англии 1864 года.

В конце XIX в. мощно-развивающейся немецкой индустрии становится уже тесно в Европе. Начинается эпоха «стремлений на Восток» (Drang nach Osten), поиски «места под солнышком» для отечественного капитала, пора колониальных захватов. В 1887 г. у Германии совершенно не было колоний; спустя каких-нибудь 12 лет — она обладала уже колониальной империей в 2.000.000 кв. клм. с населением в 3 милл. человек.

Потребности экспортной торговли вызывают к жизни огромный коммерческий флот. Знаменитый Балин дает колоссальный толчок Гамбургскому судоходству, превращая «Гамбургско-Американское акционерное общество почтовых пароходов» (Hapag) в мировой пароходный трест. Развитие торгового мореходства вызывает необходимость защиты морских путей, т.-е. создание военного флота. Погоня за колониями, за аннексиями (в Китае), стремление к мировой, т.-е. империалистической политике (Weltpolitik) также властно побуждает Германию, на-ряду с развитием милитаризма, увеличивать и ее маринизм. Начинается пора постройки огромных военных гаваней, устройства каналов, проведения в парламенте морских программ и т. п. Эпиграфом для этой эпохи могут служить слова министра финансов Посадовского: «Кто хочет действовать сообща с мировым концертом, тот должен иметь для этого нужный инструмент в виде флота».

Создателем морского могущества Германии и стал Тирпиц, так же как создателем немецкой военной индустрии явился Альфред Крупп.

Начиная с вступления в должность морского министра (в 1897 году), в течение почти двадцати лет он ведет огромную работу по созданию германского военного флота, подробно описанную им в «Воспоминаниях». Не ограничиваясь количественным увеличением флота, он осуществляет совершенно новую организацию его. Он отделяет администра-

цию от стратегии, разрабатывает комбинацию морских и сухопутных операций, наконец, всячески форсирует постройку подводного флота.

Против какой же великой державы был направлен бурно развивающийся немецкий маринизм? Разумеется, против «владычицы морей» — Англии. Именно благодаря этому обстоятельству деятельность Тирпица приобретает огромный обще-политический интерес, помогая нам разобраться не только в довоенных международных отношениях, но и в сложной проблеме происхождения мировой войны.

Как и надо было ожидать, Тирпиц делает все возможное, чтобы доказать, что морские вооружения Германии не преследовали решительно никакой агрессивной цели. В этом отношении его «Воспоминаниям» присущи те же тенденции, что и запискам, мемуарам и размышлениям, вышедшим после войны из-под пера решительно всех империалистов, начиная от Вильгельма II и кончая Людендорфом. Представление о том, что война спровоцирована военной кликой и автократическим режимом, это — «чистейшая легенда». Всю вину миролюбивый адмирал перелагает на плечи дипломатов, которые, также не желая войны, вместе с тем не сумели предотвратить ее. Конечно, он не отрицает, что главным врагом Германии была Англия, а вовсе не какие-либо континентальные державы. Однако морские вооружения Германии, как оказывается, вовсе не обостряли англо-немецкого антагонизма, а даже увеличивали шансы мира: ведь, по очаровательному, по своей глубокомысленной наивности, замечанию Тирпица, они увеличивали для Англии риск войны, а потому и заставляли ее быть миролюбивой.

Не разбирая подробно этой бесхитростной апологии милитаризма, мы должны указать, что действительные факты «немного» противоречат утверждениям адмирала. Несомненно, что в правительственных кругах Германии накануне мировой войны существовали две тенденции. Одна — мирная —

была как раз достоянием «штатских» политиков типа хотя бы мягкотелого Бетманн-Гольвега. Другая — военная — была представлена милитаристами всех сортов и оттенков, причем вдохновителями ее и являлись Тирпиц и его школа. Сначала они действительно исходили из идеи «вооруженного мира», но когда выяснилось «окружение» (Einkreisung) Германии державами Антанты, они громко начали проповедывать идею предупредительной (превентивной) войны, так как Германия, по их утверждению, очутилась перед дилеммой: «мировое могущество или крушение» (Weltmacht oder Niedergang).

Что касается до Англии, то смешно, конечно, думать, чтобы постройка немцами дредноутов и подводных лодок увеличивала бы ее «миролюбие». Чрезвычайно интересные записки лорда Хольдена [1]) (военного министра в период 1905—1912 г.г.) ярко рисуют то беспокойство, тот милитаристический под'ем, который испытывала Англия от морского строительства Германии. Ответом на нее было решение адмиралтейства на каждый немецкий киль спускать в море два киля (так наз. two powers standard). Уже до войны британский флот был сконцентрирован в Немецком море: ответом на постройку Кильского канала явилось создание мощных баз в Портсмуте и Розите. Характерно, что английские моряки многое перенимают в это время у немцев: так, они учреждают морской штаб, устанавливают связь между флотом и сухопутной армией. Наконец, «английский Тирпиц» — знаменитый адмирал Фишер проектирует даже внезапное нападение и захват немецкого флота без об'явления войны [2]).

Все вышесказанное достаточно доказывает, что в ряду причин, вызвавших мировую войну, огромное значение

---

[1]) Before the war (Перед войной). Намечена к выпуску Госиздатом.

[2]) *A. Fisher.* Memorics.

сыграло англо-германское морское соперничество, в каких бы лазорево-пацифистских чертах ни пытался изображать последнее адмирал Тирпиц.

Помимо своего исторического значения, «Воспоминания» последнего имеют в настоящее время известный специфический интерес. Ведь, подобно Людендорфу, Гинденбургу и др. «героям» довоенной милитаристической Германии, Тирпиц не является сыгранным человеком, вышедшим в политический тираж. Напомним вскользь, что Людендорф в своих «Воспоминаниях о войне», разоблачая планы устройства в 1917 году государственного переворота в Германии и установления военной диктатуры, называет в числе выдвинутых тогда кандидатов в диктаторы и Тирпица. В последние два года, в связи с ростом реакции в Германии, при выборах в рейхстаг, в правой печати неоднократно упоминалось имя Тирпица, как возможного кандидата в председатели рейхстага или даже канцлера.

В этом нет, конечно, ничего случайного. Помимо «исторических заслуг», обеспечивших за Тирпицом эпитет «наиболее крупного государственного деятеля после Бисмарка» — его политический символ веры настолько архи-реакционен, что под ним смело подписались бы даже вожди фашистских отрядов Гитлер и Росбах. Бравый адмирал рекомендует себя прежде всего в качестве открытого монархиста. Республиканские формы правления, по его мнению, не подходят для Германии, благодаря ее «опасному географическому положению»(?!), национальному многообразию и религиозной пестроте. Ввиду этого для Германии нужно регулирующее начало... в виде монарха, при чем указывается, что как никак, а Гогенцоллерны имели в прошлом большие заслуги. Отсюда вытекает и суровая адмиральская оценка революции, которая даже в шейдеман-носковской редакции, как оказывается, «выбросила за борт все, что создало наше величие, и явилась преступлением для будущего нашего народа».

Не имеет смысла прибавлять дальнейших штрихов к махрово-черносотенному политическому автопортету Тирпица. Однако—кто знает—весьма вероятно, что недавняя победа правых партий на президентских выборах откроет новые перспективы и для политической карьеры Тирпица. Ведь может случиться, что, подобно нашему кровавому адмиралу Дубасову, немецкий адмирал также окончательно обоснуется на твердой земле и, став у власти рядом с Гинденбургом, будет яростно уничтожать тот пагубный «материалистический» дух, на который он горько сетует в своих «Воспоминаниях».

В. ГУРКО-КРЯЖИН.

К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Так как по условиям издательства «Воспоминания» Тирпица, представляющие об'емистый том, выходят на русском языке с сокращениями, то представляется необходимым дать русским читателям об'яснение тех оснований, которыми руководствовался переводчик при выборе материала. Этот выбор определялся двумя условиями: 1) значением для русского читателя тех или иных вопросов, которым посвящены «Воспоминания», и 2) значением самой личности автора и той роли, которую он играл в истории Германии, как в общей ее политике, так и специально в области морских вопросов.

Книгу Тирпица, содержащую 19 глав и приложение, в котором особенное значение имеют отрывки писем Тирпица к жене из главной квартиры в период между 18 августа 1914 г. и 27 августа 1915 г., можно разбить на следующие пять отделов: 1) история германского флота и морского строительства до войны (главы I — XIII, стр. 1 — 139), 2) общие вопросы внешней политики в эпоху канцлерства Бетманна-Гольвега и отношение к ним Тирпица, как главы морского ведомства (глава XIV, стр. 140 — 166), 3) отношения к Англии и переговоры с лордом Хольденом в 1912 г. об общем соглашении или о взаимном ограничении морских вооружений (глава XV, стр. 167 — 203), 4) возникновение войны и дипломатические переговоры, непосредственно ей предшествовавшие (глава XVI, стр. 203 — 249), 5) главные

политические и стратегические вопросы войны и роль в ней германского флота, в особенности подводного (главы XVII—XIX, стр. 250—385). Приложение писем и некоторых документов о постройке флота имеют целью иллюстрировать и обосновать утверждения автора в этом последнем отделе.

Конечно, весь материал книги представляет огромную ценность для всякого, кто интересуется историей мировой войны и причинами ее возникновения. Но при поставленном переводчику условии самоограничения пришлось выбрать только то, что имеет общий интерес, и оставить в стороне как вопросы более специального характера, так и те вопросы, которые являются близкими и важными только для германского читателя. Таким образом первый отдел подлинника выпущен целиком, как посвященный специально морским вопросам, притом в их ранней стадии. Однако, так как судьба флота в мировой войне явилась последним звеном в его предшествующем развитии, представлялось необходимым изложить главнейшие факты и взгляды Тирпица в кратком введении к русскому переводу, ибо иначе читателю осталось бы не все понятно, что говорит Тирпиц в следующих главах книги. Напротив, второй, третий и четвертый отделы переведены почти полностью, лишь с самыми незначительными сокращениями, касающимися деталей, ибо отделы эти представляют небольшой интерес, ввиду общего характера трактуемых в них вопросов. Пятый отдел хотя и касается почти исключительно одной стороны войны, именно борьбы на море, тоже должен был быть включен в книгу, так как без него осталась бы непонятной общая точка зрения Тирпица на мировые отношения и внешнюю политику Германии как перед войной, так и во время нее. Близкий, даже мучительный интерес вопросы эти имеют, конечно, только для Германии, но так как сам Тирпиц—моряк и создатель морской мощи своей страны, так как его личность являлась фактором политики именно в качестве борца

за морское и колониальное развитие Германии, то выпустить этот отдел значило бы изуродовать книгу и дать читателю неясное и неполное представление о самом Тирпице. Сокращения в этом отделе произведены, однако, в большем размере (особенно в главе об океанском флоте). Что же касается приложения, то, ввиду ограниченности места, его пришлось выпустить, так как в сокращенном виде книга все равно утрачивает характер первоисточника, который она имеет в полном подлиннике.

Д. К.

ВВЕДЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ ГЕРМАНСКОГО ФЛОТА.

До создания новой Германской империи в войне 1870 — 1871 г.г. прусский флот, хотя и существовал, однако ни по качеству, ни, в особенности, по количеству не имел никакого значения. Как в войне 1866 года, так и во франко-прусской войне роль его свелась к нулю. Тирпиц (родился в 1849 г.), в то время уже состоявший в числе младших офицеров флота, говорит, что самым значительным достижением флота в эту последнюю войну был благополучный отвод его единственной броненосной эскадры, состоявшей всего из четырех кораблей различного типа, во внутренний бассейн Вильгельмсгафенской гавани с внешнего рейда, где он стоял, подвергаясь опасности нападения французов и зимнего шторма. «Достижением» этот отвод надо считать потому, что и бассейн и шлюзы, через которые надо было вести суда, не были еще готовы и находились в неудовлетворительном состоянии.

В 1871 году прусский королевский флот превратился в германский императорский. Время с 1871 г. по 1888 г. представляет особую, первую эру его существования, когда во главе морского министерства стоял генерал прусской армии Штош.

В тогдашнем международном развитии новой империи германский флот, ничтожный по составу, не имеющий собственной традиции, еще не играл почти никакой роли. Однако уже в эту эпоху зародилась идея, для своего времени

преждевременная, непонятная и вскоре пока оставленная, которой, однако, с конца XIX века снова суждено было воскреснуть и стать определяющим фактором развития флота. По какому-то парадоксу эта чисто морская, хотя и обще-политическая идея принадлежит сухопутному генералу Штошу. Она заключалась в том, чтобы созданием военного флота дать Германии основу и защиту для ее мировой торговой экспансии, грандиозный размах которой в будущем тогда еще трудно было предвидеть. По мысли Штоша будущий германский флот имел назначением посредством крейсерской службы в далеких морях покровительствовать германской внешней торговле. Необходимость такого покровительства весьма наглядно выяснилась уже в 70-х годах на опыте возрождавшегося промысла ловли сельдей в Северном море и Атлантическом океане. Германские рыболовы, лишенные непосредственной защиты на море, вследствие своей малочисленности, до такой степени боялись своих конкурентов, голландцев и шотландцев, что решались плавать не иначе, как под чужим флагом и были вынуждены терпеть засилье своих соперников даже в собственных, германских водах.

В 70-х годах заморская служба в качестве стационеров отнимала все силы и внимание германского флота, но даже скромные его выступления в защиту германских интересов встречали сопротивление со стороны Бисмарка и вызывали трения между ним и Штошем. Так, в 1873 г. по требованию Бисмарка командир броненосца «Фридрих-Карл» был отставлен от должности за вмешательство в междоусобную войну испанских инсургентов с их правительством, хотя это вмешательство произошло с согласия местных властей южно-испанских портов, имело целью защиту германских подданных и выполнялось совместно с английскими судами.

Идея Штоша повисла в воздухе, не найдя для себя подходящей почвы. В 70-х годах для колониального развития Гер-

мании не было сделано почти ничего, а между тем в эту эпоху колониальные приобретения были гораздо легче и доступнее, чем впоследствии. Население Германии росло; его избыток был вынужден искать себе средства к существованию, выселяясь за море. Еще не наступило то время, когда оно могло быть сохранено для отечества путем расширения вывоза собственных товаров. Однако эра Штоша для флота прошла далеко не бесследно. В Киле была основана морская академия, в программу которой было введено рядом со специальным также широкое общее образование моряков. Во флоте работали много и усердно, хотя главное внимание уходило на военную выправку и сухопутные упражнения в ущерб чисто морской тактической подготовке. Впоследствии эта односторонность вредно отразилась на командном составе флота. До начала XX века опытные и выдающиеся адмиралы в германском флоте были сравнительно редки.

В 1883 г. Штоша в морском ведомстве сменил Каприви, как и его предшественник, человек, не обладавший специальной морской подготовкой. В течение его пятилетнего управления программа морского развития в корне меняется. Тактические идеи Каприви исходили из его уверенности в близости войны, которую Германии придется вести на два фронта. В этой войне флот должен был играть роль вспомогательного орудия сухопутных армий. Возможность самостоятельного развития флота Каприви предусматривал только после победы Германии в этой войне. Вековая континентальная ориентация германской политики не позволяла Каприви (как впоследствии, в 1914 году, также и Бетманну-Гольвегу) видеть, что английская традиционная политика равновесия сил неминуемо обратится против Германии в том случае, если она выйдет победительницей из войны на два фронта. Если так, то о дальнейшем развитии на море нечего было бы и думать! В связи со своей идеей Каприви в отличие

от Штоша не умел покровительствовать развитию морских интересов Германии, а приверженность к ней германского политического руководства еще и позднее, уже во время мировой войны, равно как и вытекающее отсюда непонимание, что главный ее фронт лежал не на суше, а на море, привели к конечной неудаче Германии.

До войны 1870 г., в те времена, когда Пруссия представляла сравнительно скромную континентальную державу, а ее флот не имел собственной традиции и не только не играл, но еще и не обещал играть никакой роли, воспоминания об общей борьбе с Наполеоном сближали ее с Англией. Эта близость обеих стран выражалась в особенности в интимных, дружеских отношениях их флотов. Морская традиция Пруссии примыкала к английской; прусский флот, не имея собственных доков, пользовался услугами Англии, и в Плимуте прусские моряки чувствовали себя более дома, нежели на родине. Репутация английского флота стояла у них на недосягаемой высоте. При отсутствии собственной морской индустрии все материалы для флота, шедшие из Англии, казались неизмеримо лучшего качества. Но после 1870 г. эти отношения стали изменяться к худшему. Однако лишь в 90-х годах началось все усиливающееся недоброжелательство Англии, вызванное исключительно торговым соперничеством задолго до того времени, когда Германия принялась по-настоящему строить собственный боевой флот.

Значительная роль Тирпица в морском развитии Германии начинается вместе с наступлением 90-х годов, но впервые он обратил на себя внимание уже раньше, в 1878 г., своими работами в морской технике, в особенности усовершенствованием торпеды Уайтхеда. В 1892 г. Тирпиц был назначен начальником морского штаба и в этой должности занялся разработкой методов современной боевой тактики флота. Такая разработка являлась новостью повсюду, также и в Англии. Со времени Трафальгара английский флот дер-

жался старых боевых приемов; огромный перевес его сил давал ему возможность подавить любой флот какой угодно тактикой. В Англии методическая работа, предпринятая германским флотом, стала известна благодаря кражам служебных документов и их случайным находкам, например, на затонувшем миноносце; она возбудила к себе внимание английских моряков и заставила также и их развивать свою тактику и маневрирование. Как бы то ни было, маленький и молодой германский флот оказался впереди, а старая морская держава во многом использовала его пример. С 1896 г. англичане впервые стали считаться с германским флотом, как с возможным противником в будущем.

В последующие затем годы привлечение Тирпица к участию в осуществлении строительной морской программы сдвинуло это дело с мертвой точки, на которой оно находилось с начала царствования Вильгельма II благодаря хаосу часто противоречивых проектов и планов. Новая фаза в этой программе открылась зимою 1894 — 1895 г. личным докладом кайзера делегации рейхстага, специально вызванной для этого в Потсдам. В морском развитии Германии сам кайзер наиболее важным считал обладание крейсерским быстроходным флотом, который был бы способен в будущей войне защищать разбросанную по всему миру торговлю Германии. Влияние Тирпица заставило его признать важное значение также и за настоящим боевым флотом, могущим выдержать морскую битву. Тирпиц был убежден, что без такого флота торговое и морское развитие империи было возможно лишь потому, что Англия держалась прежнего принципа свободной торговли, и до тех пор, пока ей угодно было оставаться ему верной. Для Германии было важно сохранить за собою возможность «высылать товары вместо эмигрантов»; но это зависело единственно от наличия военного флота, который имел бы значение даже не столько сам по себе, сколько как фактор, способный привлечь к Германии морских союзников

со стороны и дать ей, таким образом, опору против Англии, которая теперь уже ясно обнаруживала зависть и недоброжелательство к новой торговой сопернице. Ибо о том, чтобы собственными морскими силами превзойти Англию, или даже только сравняться с ней, нечего было и думать. Таким образом идея Тирпица представляет продолжение и более полное определение идеи Штоша, в его время еще совершенно непонятой в Германии. Тем не менее, что касается оперативного плана германского флота, то и в 90-х годах он продолжал оставаться на почве идеи Каприви о войне на два фронта, в которой флот являлся бы вспомогательным орудием армий против Франции и России. Только после знаменитой депеши к Крюгеру в 1896 году [1]), поднявшей в Англии бурю негодования и протестов и вызвавшей впоследствии ее морские приготовления на случай войны с Германией, в обмене мнений между Тирпицем и бывшим морским министром Штошем наметился новый проект морской защиты, направленный специально против Англии. Однако окончательный план морских операций в возможной войне с нею был выработан позже, уже в XX веке.

В 1897 г. Тирпиц возвратился из плавания к восточным берегам Азии, целью которого было отыскать удобный пункт для будущей торговой и морской базы Германии в Тихом океане. Выбор Тирпица остановился на Тзиньтау, который впоследствии и был арендован Германией у Китая. В том же году Тирпиц вступил в должность морского министра, в которой и оставался почти двадцать лет до своей отставки уже во время войны 17 марта 1916 г.

Морская программа, которую необходимо было осуществить, в глазах Тирпица имела две стороны: военно-

---

[1]) Депеша эта, отправленная Вильгельмом по настоянию его министров, явилась выражением сочувствия Германии бурам во время невызванного ничем внезапного нападения на них англичаи в том же году.

техническую и политическую. Первая целиком определялась второй. Тот хаос проектов и планов, который царил в области морского строительства при его предшественниках, был вызван отсутствием ясного понимания *политического* значения флота. Два принципа боролись в этих проектах: принцип покровительства торговле и принцип береговой защиты. Оба принципа, по мнению Тирпица, были ложны. Крейсерский флот, призванный охранять торговые интересы Германии в отдаленных уголках земного шара, был бессилен против крупных морских держав. Прежде всего был необходим настоящий боевой флот, способный выдержать морское сражение с таким же флотом, а главное способный привлечь к Германии морских союзников. Но, не говоря уже о разногласиях в среде морских кругов, приходилось сталкиваться почти с полным непониманием значения моря для будущего развития страны, царившим в германском обществе и народе. Поэтому, прежде всего, надо было увлечь все общество, сделать флот национальным лозунгом. С этою целью Тирпиц совершил в 1897 г. поездку в Фридрихсруэ к Бисмарку, чтобы завербовать его в пользу идеи о необходимости флота. Уже почти ушедший из этого мира железный канцлер лично отнесся довольно холодно к идеям Тирпица, однако поездка все же имела успех в том смысле, что пресса Бисмарка стала относиться к морской программе сочувственно. Была поднята также кампания в университетских кругах, увлекшая в особенности политико-экономов, и в печати. В результате прошло два закона о флоте, первый в 1898 г., второй в 1900 г. Тирпиц особенно настаивал на *законах,* ибо ежегодные частичные ассигновки рейхстага на флот были недостаточны, чтобы придать работе планомерность, целесообразность и выполнять ее на началах экономии. Законы были, кроме того, защитой против изменчивости взглядов специалистов и самого кайзера.

Среди трудной борьбы с препятствиями со стороны широких кругов общества (особенно консервативной партии), морского ведомства и даже кайзера, благодаря его увлекающемуся и часто склонному к фантастическим планам характеру, Тирпиц, в конце концов, успешно осуществил военно-техническую сторону морской программы. Германский флот становился фактором, с которым Англии приходилось считаться более, чем с каким-либо другим флотом мира. Рядом с броненосным флотом, предназначенным для непосредственной борьбы с боевыми силами противника, появился крейсерский флот для охранной службы в отдаленных морях. Постройка была выполнена ценою сравнительно небольших затрат, а материал и техника во время войны оказались выше английских.

Что же касается *политического* назначения флота, то его осуществление лежало в руках уже не самого Тирпица, но высших руководителей правительства. По идее Тирпица флот был не самоцелью, но лишь средством. После достижения национального единства Германии предстояло приобрести мировое значение. Политическое назначение флота заключалось в том, чтобы сохранить для страны прирост ее населения, т.-е. дать ему возможность, не эмигрируя, но оставаясь на родине, жить средствами, извлекаемыми прямо или косвенно из морской торговли. Сохранение германской сущности должно было выразиться еще и в том, что окрепла бы связь между родиной и теми ее сынами, которые уже раньше покинули ее и, попав в чужую среду, рисковали утратить свое национальное лицо и самосознание. Мировое значение и морская мощь Германии, выражаемые ее военным флотом, должны были дать этим эмигрантам возможность снова почувствовать себя немцами.

Такая идея и такая задача в глазах Тирпица не заключали в себе ничего вызывающего и агрессивного. По его утверждению, *политически* значение флота было чисто обо-

ронительное. Но чтобы осуществить это оборонительное назначение в политике, флот, как военная сила, должен был быть способен действовать наступательно. Вот отуда вытекала военно-техническая задача — создать рядом с крейсерами настоящий боевой флот, — осуществленная Тирпицем в его строительной программе. Однако в своей ревности и ненависти к Германии Англия в постройке флота усмотрела акт враждебного политического выступления и на этом взгляде основала свое противодействие ее морскому строительству. Все же, несмотря на это противодействие, постройка флота в годы до войны постепенно приближала осуществление его политического назначения. Мировой конфликт 1914 года, в котором главными противниками оказались Англия и Германия и в котором суждено было погибнуть германскому флоту, был вызван не морскими, но континентальными политическими факторами.

Д. К.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МОРСКОЕ МИНИСТЕРСТВО И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

1.

Общественное мнение нередко составляло себе неточное представление о ходе дел в управлении государством. Бисмарковская имперская конституция не создала настоящего имперского министерства. В прусском министерстве, членом которого я был, вопросы внешней политики почти никогда не подвергались рассмотрению. Что же касается империи, то ею руководил один единственный человек, под начальством которого стояли главы ведомств в качестве подчиненных, а не в качестве сотоварищей. Имперский канцлер мог сам отдавать распоряжения в сфере морской политики через голову начальника ведомства и даже наперекор его воле, несмотря на то, что морскому министерству была присвоена доля принадлежащего императору права высшего военного командования. Противодействующее средство, заключавшееся в просьбе об отставке, можно было применять не при всяком политическом положении. К тому же такому начальнику ведомства, который сверх того является офицером, кайзер, несмотря на закон о правах чиновников, мог создать затруднения в его просьбе об отставке, да и в конце концов, вопрос о составе кабинета при слишком частом его возбуждении неминуемо должен был бы потерять свою силу.

От канцлера, в данный момент стоявшего у власти, зависело, будет ли он привлекать своих «заместителей», статс-секретарей, к участию в выработке политической линии, или оставит их в неизвестности относительно основных черт своей политики. Монархический склад должности канцлера, выкроенный Бисмарком применительно к своему собственному росту, заключал в себе то неоценимое преимущество, что он облегчал выдающейся личности непосредственное воздействие на ход дел. Зато при менее исключительной личности канцлера имперское министерство могло бы посредством коллегиального решения основных вопросов легче предупредить возможные ошибки или даже опрометчивые шаги. Однако изменение в порядке решения дел непременно предполагало либо более благосклонное отношение рейхстага и союзных государств к идее имперского министерства, либо же необычную дозу самоотречения со стороны того человека, который, второй вслед за кайзером, сосредоточивал в своих руках всю полноту власти. Общественное мнение обычно предполагало гораздо более вкоренившееся сознание совместной ответственности и гораздо более живой обмен мыслей между отдельными министрами, чем это было на самом деле, и оно было бы очень удивлено, если бы узнало, как случайна и ненадежна была та информация, которая, в течение серьезных годов, предшествовавших войне, поступала в столь важное в политическом отношении ведомство, как морское. Конечно, правление князя Бюлова внушало мне совершенно иное чувство уверенности, нежели впечатлительная и подозрительная натура его преемника, неопытного во внешней политике. В нечто совсем дикое превратился монархический характер должности канцлера во время войны, когда канцлер, не справляясь с мнением морских чинов, добивался у кайзера таких военных приказов по флоту, которые практически были совершенно невыполнимы.

Число политических мероприятий, к которым я имел касательство, было при таких условиях невелико. Так, например, я не принимал участия ни в переговорах об островах Самоа (1899 г.), ни в переговорах с Англией, происходивших накануне двадцатого столетия, ни во вмешательстве в дела Марокко. Равным образом меня обошли также и при отправке эскадры в Маниллу (1898 г.). Что касается экспедиции в Китай, то я высказался против отправления туда Вальдерзее с 24.000 человек, вследствие того, что высылка целой армии могла бы быть неправильно истолкована, а для достижения действительной цели было достаточно отправления морской пехоты, уже готовой к отплытию. Однако в высших сферах держались лозунга, что «решение должно теперь принадлежать потсдамскому военному плацу».

Поскольку меня приглашали высказывать мои политические взгляды, я советовал, во-первых, всячески сохранять мир, благодаря чему мы с каждым годом выигрывали, тогда как в случае войны мы могли бы выиграть мало, зато рисковали потерять все, и в связи с этим, во-вторых, избегать всяких инцидентов, которые могли бы произойти вследствие неприемлемых, в особенности для англичан, попыток, или вследствие вызывающего образа действий. Упрочение же нашего недавно возникшего мирового могущества я усматривал, в-третьих, в политике равновесия сил на морях. Поэтому я сожалел, что нашим союзом на жизнь и на смерть мы слишком тесно связали себя с Австро-Венгрией, которая не имела никакого значения на море, а также не без опасения взирал на нашу балканскую и восточную политику, которая влекла за собой для нас опасность из-за поводов романтического характера запутаться в вопросах второстепенного значения. То, что Англия при всяком удобном случае рекомендовала нам искать для себя выходов через эту заднюю лестницу, только укрепляло меня в этом убеждении. Напротив, мы должны были сосредоточить все наши

силы на том, чтобы держать для себя открытой парадную лестницу для выхода в мир, т.-е. Атлантический океан, тем более, что главное условие для этой цели, прочный мир на континенте, во всякую минуту мог быть нарушен благодаря нашим отношениям с Францией. Я не считал нас достаточно сильными для того, чтобы одновременно с затруднениями, которые испытывала наша политика вследствие соперничества с Англией в области мирового хозяйства, решать еще и дипломатические вопросы в связи с Багдадской железной дорогой, которые сулили гораздо меньше выгод для общих интересов народа, нежели для отдельных хозяйственных предприятий. В особенности же я боялся, что если наша политика не будет направлена только на самое существенное, то мы потеряем доверие тех держав, от которых, по моему убеждению, в конечном счете зависело все положение, а именно России и Японии.

2.

Своевременное развитие основных положений Бисмарка, касающихся наших отношений с *Россией,* было, по моему мнению, главным условием успешной политики. Мы должны были выяснить себе те пункты, в которых русские жизненные интересы встречались с немецкими интересами, не имеющими для нас такой важности, и в этих случаях пойти России навстречу. Мне неизвестно, была ли когда-нибудь перед войной сделана энергичная попытка в этом направлении. Об одном шаге, предпринятом во время русско-японской войны, который с самого начала едва ли мог оказаться успешным, я буду говорить ниже. Обычно же наши начинания заключались, главным образом, во встречах монархов, которые, конечно имели известное значение для поддержания старых династических традиций. Однако другие средства, например, использование прессы для наших целей, оставля-

лись нами без внимания. Стремление русской империи к земельным захватам — также и после образования Антанты — неизбежно сталкивалось с теми путями, по которым устремлялась мощь Британии. А тут еще мы сами несчастным образом вклинились на линии Берлин—Константинополь — Багдад. За нашим отказом от договора перестраховки (1890 г.) последовало заключение русско-французского союза. Панславизм, своим острием обращенный против Австрии и нас, наростал. Все же, несмотря на это, еще оставались в силе многообразные и крепкие традиции русско-германской близости и взаимные интересы. Особенно же существенной опорой являлся для нас русский царствующий дом.

При том положении, которое сложилось после отказа от договора о перестраховке, я был убежден, что возможность побудить Россию к настоящему союзу с нами наступит не ранее, чем она станет осуществима через посредство Японии.

Во время русско-японской войны, 31 октября 1904 г., я присутствовал на заседании у канцлера, на котором фон-Гольштейн, по инициативе кайзера, высказался за то, чтобы предложить России союз с нами. По мнению Гольштейна, военное давление соединенных сил России и Германии должно будет побудить также и Францию вступить в и без того уже столь желательную коалицию континентальных держав. Граф Шлиффен, также присутствовавший на заседании, стоял на чисто военной точке зрения. Он считал, что в случае возможного похода на Францию Россия всегда могла бы мобилизовать еще несколько армейских корпусов. Я заметил, что и теперь, как некогда при обсуждении китайской экспедиции, благородный и скупой на слова, в своей сфере столь значительный стратег обнаруживает некоторое пренебрежение к невоенному образу мыслей; впрочем я, как и статс-секретарь иностранных дел,

барон фон-Рихтгофен, считал психологический расчет Гольштейна ложным. Я сомневался в том, что вынужденный силою союз сможет когда-нибудь заставить французов мобилизовать свою армию ради наших интересов. Равным образом и в 1911 г. я держался мнения, что тот холодный душ, которым Киндерлен-Вехтер еще раз окатил Париж, уже не соответствует обстоятельствам момента. В упомянутом заседании 1904 г. я выразил также сомнение в том, что присоединение к нашей армии двух или трех русских корпусов действительно могло бы послужить к ее усилению; я с особою настойчивостью указывал на то, что союз с Россией, вместо ожидаемого успеха, заключавшегося в том, чтобы путем давления на Париж предохранить себя от военных замыслов Англии, напротив того, мог только усилить существовавшую тогда опасность войны. В случае же войны с Англией, при нашем еще неразвитом флоте, — который к тому же был бы тогда лишен поддержки русского балтийского флота, — нам пришлось бы расплачиваться нашей внешней торговлей и колониями, а при таких условиях достигнуть удовлетворительного мира с Англией было бы очень трудно. Предложение о заключении союза, которое хотя и соответствовало вполне моим принципиальным воззрениям, но в тогдашний острый момент войны казалось мне опасным, а также и безнадежным, было сделано. Россия, как сообщил мне впоследствии Гольштейн, отнеслась к нему холодно. Я предполагаю также, что русские министры уже тогда использовали наше предложение в своих отношениях с западными державами и сумели извлечь из него выгоду.

Николай II лично относился к Германии благосклонно. Как о многих политических взаимоотношениях и лицах, так и о царе общественное мнение осставляло себе ложное представление. Это был честный, лично бесстрашный человек, со стальными мускулами, в котором сознательное достоинство самодержца соединялось с корректной привычкой

немедленно передавать соответствующему министру все представляемые ему политические вопросы. Николай II всею душою стремился целиком уйти в тишину частной жизни. Вот почему он так любил Вольфсгартен в Гессене, где ничто ему не было так приятно, как быть свободным от визитов; по тем же причинам он так охотно вращался в кругу немецких моряков, где свободный от тисков своего сана, он чувствовал себя человеком среди людей и держал себя с нами открыто и любезно.

Когда же он вместе с кайзером появлялся в русском обществе, то ему обыкновенно бывало не по себе; это происходило, может быть, также и оттого, что кайзер тотчас же становился естественным центром всякого кружка и, одевая русский мундир, вращался среди русских совершенно как русский. Царь же, в характере которого при слабой инициативе была заложена чисто русская сила пассивного сопротивления, тотчас чувствовал себя на втором плане. Как в светских отношениях, так и в политике, инициатива всегда исходила от нас. Поскольку мне представлялся для этого случай, я всегда поддерживал в своем роде весьма энергичные старания кайзера завязать хорошие отношения с Россией. Я решаюсь утверждать, что царь оказывал мне особую благосклонность, хотя при его характере наши отношения никогда не шли дальше известного предела.

В наших собственных интересах я сожалел, что русско-японская война не была предотвращена, и уже 2 сентября 1904 г., когда в широкой публике еще рассчитывали на победу русского солдата, я раз'яснял канцлеру опасность, которая получится для нас, если, в случае поражения русских, наша позиция в Тзиньтау окажется аванпостной. Мы не могли подражать той наглости, с которой англичане поддерживали японцев во время войны, но все же в пределах нейтралитета нами было оказано советом и делом более услуг русскому флоту, чем французами. Когда адмирал

Рождественский перед своим отплытием с русским балтийским флотом просил о том, чтобы его сопровождал тогдашний германский морской атташе фон-Гинце, кайзер все-таки отклонил эту просьбу, как несоответствующую нейтралитету. Напротив, можно привести, как пример, что после начала войны англичане переправили в Японию построенные в Италии японские крейсера «Касугу» и «Ниссин», а английские офицеры, как при Порт-Артуре, так и в Цусимском проливе сыграли в штабе адмирала Того очень деятельную и значительную роль. В морском сражении при Порт-Артуре Того под впечатлением того, что его положение обещало мало успеха, собирался было уже прервать бой, когда один из англичан в его штабе побудил его продержаться дольше, и вскоре затем адмиральский корабль «Цесаревич» был выведен из строя. После поражения, за которое русские должны благодарить англичан столь же, как и японцев, в России стало замечаться тяготение к Англии в ущерб Германии. Рождественский после своего возвращения из японского плена в разговоре с фон-Гинце об'яснил это русским национальным характером: «Тому, кто помогает русскому и кто к нему хорошо относится, он наступает на ногу, ибо он смотрит на него как на своего лакея; тому же, кто бьет его кнутом, он целует подол платья». Несмотря на то, что с 1907 г. Россия уладила свои отношения с Англией, я оставался при том убеждении, что со стороны царя нам нечего было опасаться серьезной угрозы для нашего будущего.

Относительно возрастающего воинственного настроения русских сфер наше морское ведомство не оставалось слепым. Фон-Гинце, который благодаря своей ловкости затмевал при петербургском дворе германского посла, вскоре после японской войны извещал о признаках роста враждебного отношения к Германии в русской армии; в то время в Потсдаме его за это осуждали. Все же, несмотря на это,

не следовало переоценивать опасность со стороны русской военной партии, великих князей с их парижскими приятельницами и панславизма, а в то же время следовало стараться противодействовать им всеми средствами. Наша политика на Балканах от 1908 г. по 1914 г., в особенности же отправка нашей военной миссии в Константинополь, казалась мне небезопасною.

Николай II, который в одной из последних моих бесед с ним сказал мне от себя лично: «Я уверяю вас, что никогда не буду вести войны с Германией», также и в 1914 году не желал войны с нами. Я оставляю открытым вопрос о том, насколько нам могло бы удаться подавить влияние воинственных кругов Петербурга посредством более правильной тактики в отношении к царю и к сербскому вопросу в июле 1914 г. Война с Россией была основной ошибкой нашей политики, а по возможности скорое заключение мира с царем должно было быть безусловно целью государственного искусства, стремящегося к победе. Это заключение мира было несомненно затруднено вступлением Турции в союз с нами и невыполнением Гинденбургова плана кампании 1915 г. Но все-таки еще в 1916 г. было возможно заключить приемлемый мир, когда царь, который чувствовал, что его трон колеблется, назначил Штюрмера именно с этой целью. Стремлению Бетманна-Голльвега свалить свои политические ошибки на военное ведомство соответствует то, что самая непонятная из этих ошибок — польская прокламация от ноября 1916 г. — была старательно переложена с канцлера на генерала Людендорфа. Но этому противоречит то, что Бетманн уже на одном из заседаний имперского министерства зимою 1915 — 1916 г. указал на подобное разрешение польского вопроса, как на самое целесообразное. После заседания я выразил мнение одному из моих коллег, что если бы подобное выступление приняло действительно серьезную форму, то министерство должно было бы оказать этому

решительное сопротивление. После моего ухода я, незадолго до принятия решения относительно Польши, посетил генерал-губернатора фон-Безелера и частным образом высказал ему свой взгляд на нецелесообразность и роковую опасность этого шага. Мне было ясно, что этим не только создается новый враг для Германии, но и будет отнята одна из последних возможностей сепаратного мира. В самом деле, ввиду получившегося в конечном результате усиления боевого настроения в России, невозможно было придумать для нашего мирного предложения от декабря 1916 г. более нецелесообразного предварительного шага, как эта польская прокламация, которую царь, как говорят, назвал «пощечиной, нанесенной мне по лицу» и которая, по выражению Штюрмера, «убила мир».

Уже в середине июля 1914 г., ввиду предстоящего ультиматума Сербии, я из Тараспа письменно выразил моему заместителю в Берлине опасение, что неосведомленность Бетманна-Голльвега в английской политике может привести нас к непоправимому разрыву с Россией. Не представляя себе ясно деталей тогдашней дипломатии Бетманна, я писал: «Нужно только себе представить, что за политику повел бы по отношению к России и Германии английский Бисмарк. Канцлер сумасбродствует, он влюблен в свою идею искания милостей коварного Альбиона. Решается вопрос жизни и смерти германского народа. Мы должны coûte que coûte уладить свои отношения с Россией и променять кита на медведя. Все сентиментальности должны умолкнуть».

Сам Бетманн, конечно, не мог также и перед польской прокламацией добиться сепаратного мира с Россией, ибо эта последняя должна была думать, что, в конце концов, он все же перепродаст ее англичанам. То, что кайзер не нашел в себе силы в 1916 г. выполнить перемену фронта нашей политики и с этою целью уже тогда произвести смену канцлера, явилось для нас роковым.

В этих неудачах виновато также и тяготение нашей интеллигенции к западной культуре. Сама по себе эта культура односторонняя, ибо мы уже давно усвоили себе результаты западной образованности, а ее теперешняя гладкая утилитарно-капиталистическая массовая культура, быть может, менее способна оплодотворить германский дух, нежели упрямый идеализм русских и Востока. Однако здесь дело шло не о культуре, а о политике. Для того, чтобы быть в состоянии усилить и расширить германскую культуру, требовалась, прежде всего, наша политическая независимость по отношению к западным державам. Однако никакая политика, ведущая к образованию окраинных государств, не могла хотя бы приблизительно в такой степени обезопасить эту независимость, как всячески поддерживаемое согласие Германии с великими не англо-саксонскими державами востока.

Однако вопреки всякому историческому смыслу, среди ликования неисправимой германской демократии, Бетманн увенчал себя славою освободителя поляков. Я не решаюсь утверждать, что̀ сильнее побудило его к этому, ошибочное ли его суждение об английской политике, или же его желание одержать успех, к чему присоединяется также и умение поляков льстить слабостям немцев [1]). В будущем я не видел для нас никакой угрозы даже и в том случае, если бы русская империя вновь достигла своего полного могущества. Опасность я видел только в том случае, если бы мы были отрезаны от нашей заморской торговли, которою существовала почти треть немцев, а также и в том случае, если бы при невозможности вернуть себе наше мировое хозяйственное положение, мы были бы обречены на ужасное обнищание. Даже если бы предположения Бетманна оказались верны и

---

[1]) Ср. также о старшем Бетманне-Голльвеге. *Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, I, стр. 110 и след., II, стр. 13 и 97.

если бы нам удалось военное проникновение на восток, все же ничто не могло вознаградить нас за вытеснение Германии с морей, что Англия поставила себе целью. С какими угодно русскими людьми, также и с Керенским, я постарался бы, ценою огромных уступок с нашей стороны, заключить какое бы то ни было соглашение, которое действительно развязало бы нам руки против другой стороны. Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление немцев и русских in majorem gloriam англо-саксов.

Однако мы, по крайней мере, не должны были вступаться за поляков, не требуя с них в то же время ответных услуг. Чего только не приходится делать другим нациям за то, что англичане благосклонно берут на себя труд господствовать над ними? Мы же ничего не требовали от поляков даже в благодарность за их освобождение.

Вплоть до 1887 года оба флота, наш и русский, в течение долгого времени чувствовали себя почти братьями по оружию. Даже и после того как, вследствие охлаждения политических отношений, обмен ценными сведениями стал впредь невозможен, я все же, вопреки господствовавшей идее войны на два фронта, поддерживал хорошие личные отношения с русским флотом тем, что оказывал ему услуги, которые не могли принести вреда нам самим. Так, все изобретения, в пользе которых я не был вполне убежден, я переправлял в Петербург, где с настоящей жадностью хватались за всякую новинку. Там работали так, как будто хотели при помощи всех цветов радуги найти белый цвет. То горячее увлечение, с которым русское морское управление стремилось превратить свой флот в какой-то конгломерат изобретений, отнюдь не является преимуществом. Я же со своей стороны делал царю различного рода указания, которые все сводились к следующему: «Пусть его величество не выслушивает так много советов; нужно отыскать одного

человека и предоставить ему полную самостоятельность, иначе система никогда не станет определяющим фактором истории». Та высокая мера личного доверия, которую царь питал к немецким офицерам, и прежде всего к Гинтце, была ценным политическим капиталом, о котором мы, конечно, не сумели заботиться с пониманием дела, присущим Штейну или Бисмарку. Так, после отозвания Гинтце, мы не смогли вполне использовать тот источник доверчивого к нам отношения, который мы имели в лице прусского флигель-ад'ютанта, состоявшего при царе согласно давней традиции.

Победив Россию, Япония испытывала крупные денежные затруднения после того, как личное упорство царя и американское посредничество, за спиной которого ловко укрывалась английская дипломатия, отказались заплатить и без того уже небогатому государству ожидаемого им возмещения военных расходов. До меня доходило с разных сторон, что в период между 1905 г. и 1914 г. для Германии не раз являлась возможность достичь соглашения с Японией путем реализации для нее займа. Согласно личным впечатлениям, произведенным на меня японскими государственными людьми, с которыми я поддерживал дружественные отношения, я должен признать эту возможность весьма вероятной, и я сохраняю убеждение, что Япония дружески протягивала нам щупальцы, которых наша дипломатия не заметила или которым она не посмела пойти навстречу, вследствие страха перед англо-саксами. Правда, постичь политическую психологию Японии является нелегкой задачей.

Если бы мы, вместо того чтобы гоняться за призраками, вполне уяснили себе истинное соотношение сил, на котором покоится политика всего мира, то, может быть, мы вообще смогли бы при помощи Японии обезопасить себя от возможности мировой войны. Еще в 1915 г., даже в 1916 г. Япония одним жестом могла положить конец войне, если не придать

ей решительным образом благоприятный для нас оборот. Но в качестве предварительного условия для этого было необходимо, чтобы мы столковались с Россией и обратили главный фронт против англо-саксов. Мы должны были искать союза на жизнь и на смерть с великой державой Азии. Пока руководители судеб империи наносили в войне политические удары России и прилагали самые очевидне уысилия вступить с Англией в тесные отношения, было невозможно ожидать перехода Японии на нашу сторону. Когда мы склонились перед угрожающими нотами Вильсона, то Япония, конечно, оставила мысль войти с нами в какое бы то ни было соглашение.

Японцы властолюбивы и алчны. В этом отношении они представляют собой первобытный народ. Им хотелось бы завладеть всем. Но теперь, когда они достигли господствующего положения в восточной Азии, было бы глупостью с их стороны ссориться с Америкой из-за вопроса о тихоокеанских островах и из расового самолюбия. Главным спорным вопросом мог остаться Китай, рынок которого Америка не позволит снова отнять у себя, но над которым японцы надеются, конечно, установить когда-нибудь свое господство, как некогда это сделали манчжуры. Я не думаю, что японцы считаются с пробуждением Китая как с фактом ближайшего будущего. Они захотят так крепко забрать Китай в свои руки, чтобы он перестал быть для них опасным, но сделался, напротив, полезным.

Если политика японцев определялась не случайными моментами, то они должны были увидеть, что соглашение с англо-саксами, в конце концов, не принесет им никакой пользы и что их могущество будет покоиться на глиняных ногах, пока они не сделают всего от них зависящего, чтобы на случай сведения счетов с Америкой создать себе возможно лучшее положение в мировой политике. Сепаратный договор, который Япония в 1916 г. заключила с царем, все-таки показывает, что ее государственная мудрость искала опоры по-

всюду, где можно было предполагать наличие решимости занять твердую позицию против англо-саксов. После того, как Россия и Германия обратили одна другую в развалины, возможность германо-русско-японского тройственного союза, который обеспечил бы свободу всего мира, конечно, исчезла, по крайней мере, для ближайшего будущего; так что Японии приходится позаботиться о том, как бы самостоятельно привести к окончательному решению те огромные задачи, которые она на себя взвалила. В настоящее время будущее всех не англо-саксонских великих держав является проблематичным.

3.

В сущности, каждое военное судно, которое строилось где-нибудь на земле, вне пределов Англии, являлось для нас преимуществом, потому что этим усиливалось равновесие сил на море. Всемогущество англо-саксов на море, как и вообше в мире, до мировой войны еще не было об'явлено священным и неприкосновенным. Подобно тому, как, напр., Болгария или Румыния могли, на-ряду с континентальными великими державами, создавать свои собственные армии, которые, не имея самостоятельного значения, могли, однако, при случае приобрести огромную ценность в качестве союзников, точно так же рядом с британским строились флоты меньшего размера, которые приобретали значение в связи с идеей союза в той форме, какую придал ей Бисмарк. Раз монополия Англии на морях была признана, то становилась невозможной не только всякая постройка флота, не только всякая самостоятельная политика, но, позволю себе сказать, также и всякое чувство независимости других народов. В таком случае зачем же строили корабли Япония, Франция, Россия и Америка, зачем строила их Италия и маленькие государства? Если говорят, что было бы все равно бесполезно вступать в соревнование

с самой могущественной морской державой мира, то для всякого государства держать флот было совершенно бесцельным.

Собственно говоря, нет никакого основания считать, что интересы народов на море не могли бы быть приведены в такое же взаимное равновесие, как и на суше. Конечно, в военном отношении, тот, кто является самым сильным на море, благодаря господству над неограниченным пространством, имеет гораздо больше преимуществ, чем самый сильный на суше. Но его всемогущество может быть сломлено, благодаря военному счастью, которое в морских сражениях играет еще более решающую роль, нежели в сухопутной войне, а также благодаря заключению союзов. Я стоял на той точке зрения, что морская и союзная политика должны дополнять друг друга: одна без тесной связи с другой теряет свою сокрушающую силу. Однако союзная карта должна иметь различный вид в зависимости от того, рассматривали ли ее с точки зрения мировой и морской политики, или с точки зрения традиционного четырехугольника Берлин—Париж—Вена—Петербург, который представлял собою привычное поле зрения немецкой дипломатии. С первой точки зрения иное маленькое государство могло стать важнее, нежели иная старая великая держава. В смысле союза Германия получила значение для таких государств, которые были отделены от нас океанами. И так как принудительный интерес, который заставлял нас строить флот ради охраны нашего значения на морях, вполне сходился с интересами всех других держав кроме Англии, которые также строили флоты, то наши руководители государством, если они не хотели сами обесценить постройки флота в связи с этим новым кардинальным пунктом, могли и должны были сравнительно с прошлым отчасти расширить, отчасти сузить свои цели.

Рассмотрение в отдельности каждого промаха нашей дипломатии завело бы нас слишком далеко. При нашем поло-

жений уже один сколько-нибудь значительный союзник, будь то Россия или Италия, морское вооружение которого мы должны были постоянно всячески усиливать, имел бы решающее значение. Доброжелательный нейтралитет Японии, по всей вероятности предотвратил бы взрыв мировой войны. Надежный нейтралитет России в возможной англо-германской войне, при том состоянии, какого достиг наш флот в 1914 г., был бы совершенно достаточным для того, чтобы дать агрессивному духу нашего флота, направленному против Англии, полную свободу в материальном и духовном отношениях. Чтобы судить о том, каким козырем был бы в то время наш флот в руках деятельной дипломатии, мы должны себе представить, что, вследствие вынужденного нами скопления английских морских сил в Северном море, владычество Англии в Средиземном море и в восточно-азиатских водах практически было сведено на-нет. Наша тогдашняя союзная политика потребовала от германского флота только спасения Дарданелл, прорыв которых оказался не по силам британскому флоту, вследствие того, что слишком большая часть его была связана в Северном море. Вся польза, принесенная Австрией нашему флоту, заключалась в том, что наши подводные лодки имели починочную мастерскую в Поле и опорный пункт в Катарро. С союзниками, совершенно бессильными на море и отвлекающими нас от действительной мировой политики, мы вступили в такую войну, в которой германский флот противостоял морским силам всего мира.

Из мировой войны ослабленными вышли не только Германия, но и большинство не англо-саксонских народов, которые позволили впрячь себя в английскую победную колесницу. Наш флот, делавший борьбу с нами рискованной, заключал в себе притягательную силу для союза с нами; при нашем географическом положении он представлял собой единственный козырь в мировой игре; будь политика Германии одновременно отважна и осмотрительна (в действительности при

всей нашей робости мы были неосторожны), она могла бы так использовать этот козырь, что мир всего мира остался бы ненарушенным. Так как наша дипломатия не была в состоянии это сделать, то связь между политикой союзов и морской политикой осталась неосуществленной, а ведь только при этом условии было возможно соответствие между нашими целями и средствами.

Между прочим, мы должны были делать все возможное, чтобы приобрести дружбу маленьких соседних государств. Что касается морской политики, то более тесные отношения к Дании могли бы принести величайшую пользу; в этом отношении они были важнее, чем, напр., союз с Австрией, и я был бы готов, ради морского и экономического соглашения с этим германским родственным народом, пожертвовать некоторою частью территории, что могло снова вызвать в Дании более дружелюбное отношение к нам. Во время моих разговоров с герцогом фон-Глюксбургом, находившимся в родстве с датским королевским домом, я с разных точек зрения развивал мысль о пересмотре пражского мирного договора. Он уже около десяти лет придерживался того взгляда, что Дания без сомнения выиграла бы, пойдя нам навстречу в вопросах так называемых ютландских анклав северного Шлезвига. В силу моего служебного положения я не мог отдавать много внимания этим частным взглядам. Само собой разумеется, что подобное соглашение должно было бы иметь предпосылкой соответствующие уступки со стороны Дании. Если же Дания еще раз, как в более отдаленную эпоху, когда Германия была повергнута на землю, рассчитывает использовать наше несчастье только к собственной выгоде, то пусть она вспомнит о том, как эта эпоха окончилась в сражении при Дюппеле и пусть не рискует еще раз оставить рану в сердце немецкого народа.

Я хотел бы, чтобы интересы частных лиц скандинавской, швейцарской и голландской национальностей, поскольку им

самим это было желательно, встречали тактичную поддержку со стороны наших заграничных представительств и чтобы эти последние относились к ним так, как будто они были немцами. Эти маленькие, но для нас как и для всего мира столь важные государства сами дружески приветствовали бы развитие нашего могущества, если бы они были уверены, что при всяком затруднении найдут с нашей стороны поддержку и если бы *мы облегчили им* возможность видеть в нас ревностных и искусных представителей идеи «Европы». Во время своего пребывания в Берлине Рузвельт как-то сказал мне: «Вы должны были бы захватить Голландию». Это был, конечно, плохой совет, правильным для нас было как раз обратное. Мы должны были не завоевывать, мы должны были привлекать к себе тем, что вместе с нашими собственными важными морскими интересами мы давали бы маленьким государствам уверенность, что их свобода, важная также и для нас, будет надежно обеспечена против английского всемогущества.

Для нашего народа было несчастьем, что перед ним не ставили никакой великой цели, а между тем цель эта так ясно стояла перед нами. Как-то перед войной в разговоре я сказал Бетманну: «Мы должны бы указать нации цель», в ответ на что он с удивлением спросил меня: «Какую такую цель?» Я имею в виду, что эта цель должна была бы состоять в том, чтобы соединить все свободные народы вне всякой опеки англо-саксов. Громкие слова приносили нам только вред, но сознающая свою цель благородная пропаганда в этом направлении принесла бы нам пользу. В таком случае прочие народы Европы стали бы достаточно благоразумны, чтобы доброжелательно относиться к нашей мощи. Постройка флота оказала явно благотворное влияние на внутренние отношения нации: она подняла и укрепила единство партий, национальное самосознание и национальную гордость, а также уверенность наших выступлений во внешней

политике. Кроме того, она всегда соответствовала желаниям всех остальных народов, за исключением англичан. Однако, для нашего достоинства, как народа и государства, одной постройки флота было недостаточно: она требовала в качестве дополнения известной внешней политики. Только сильная, но мирная поддержка свободы не англо-саксонских народов давала росту нашего могущества всемирно-политическое оправдание и надежду на продолжительное существование. В столь решающие годы развития, какие мы переживали, ни один народ не смеет уклоняться от обязательств, которые вытекают из самого его роста. Через несколько десятилетий все это, вероятно, все сильнее будет выявляться в сознании человечества.

Когда вспыхнула война, я не был сторонником захватных целей ни на востоке, ни на западе. Германизация Бельгии также не соответствовала моим желаниям. Однако я считал необходимым, чтобы бельгийское побережье не подпало под верховное владычество Британии, так как это повлекло бы за собой верную гибель германского труда и германского рабочего. Поэтому я желал бы создания самостоятельной Фландрии, где нам принадлежало бы право занять гарнизоном Зеебрюгге. Во время войны немцы впервые уяснили себе промышленную будущность фландрского Кемпенланда, и вместе с этим явилось новое основание стремиться к дружбе в хозяйственных отношениях между Рейнскими провинциями и Бельгией вне всякого верховенства Британии. Я убежден, что жители бассейна реки Шельды поймут со временем, что эта мысль соответствовала также и их интересам. Маленькие государства Европы растворятся в группировке сил англосаксов, охватывающей весь Атлантический океан; тогда погибнет и мощь Европы, которая заключается в равновесии многообразных самостоятельных культур на небольшом пространстве, погибнет ее богатство, а вместе с ним ее перевес и возможность мирового положения для государств на-

шего континента. «The world is rapidly becoming english» [1]). Быть может, наша война была последней борьбой за свободу Европы против мирового капитализма англо-саксов или, пожалуй, она должна была бы и могла бы этим быть, если бы руководители государства поняли и осуществили идею этой войны. Наши социал-демократы, которые услаждали себя мечтою о борьбе с капитализмом, своим поведением во время войны и при ее окончании достигли того результата, что преследуемый ими германский капитал, который также давал средства к существованию немецкому рабочему, в значительной части потерпел крах. Взамен же немцы, как рабы заработной платы, выданы англо-саксонскому капитализму, в котором гораздо более грубости и антиобщественности и который прежде всего является чужеземным господством.

Только такое государство может внушить доверие, которое обладает силой и применяет ее твердо и мудро в одно и то же время. Мы должны были со всею решимостью противиться французской пропаганде в Эльзас-Лотарингии и польской пропаганде на востоке; с проникновением же датской национальности в северный Шлезвиг и т. д. мы, напротив, должны были бороться только культурными средствами (железные дороги, школы и проч.), а никак не силой. Этим мы показали бы, что умеем отличать вопросы жизненные от несущественных. С каким избытком были бы мы вознаграждены во время войны, если бы в мирное время мы исполнили сердечные желания датских патриотов. Поэтому также и во время войны я всегда стоял за то, чтобы показать миру, что, в противоположность лицемерному и грубому насилию англо-саксов и вопреки данным нам клеветническим прозвищам «боши» и «гунны», мы чище и гуманнее представляли дух Европы, чем какой-либо из наших противников. В той же связи моим желанием было, чтобы, несмотря на введенный

---

[1]) Мир быстро становится английским.

Англией варварский обычай интернирования беззащитных и безобидных гражданских пленных, мы не отвечали бы тем же. Я был также против того, чтобы подражать начатым врагами воздушным налетам на открытые города и мирное население, поскольку эти налеты, не причиняя значительного военного вреда, действовали только как булавочные уколы и представляли нечто совершенно отличное от сосредоточенного применения воздушного оружия для определенных и крупных военных задач (лондонское Сити и доки).

4.

Появление нашей эскадры перед Маниллой в 1898 г. вызвало ненужное ухудшение наших отношений к *Америке*. Когда я в 1896 г., сообразно данному мне поручению, посетил с восточно-азиатской эскадрой Филиппинские острова, то филиппинцы, находившиеся тогда в борьбе с испанцами, подали мне мысль о германском протекторате и старались побудить меня спасти жизнь одному мятежному предводителю, приговоренному испанцами к смерти. Само собой разумеется, что я отклонил от себя это вмешательство. Насколько мне известно, и позже никто в Германии не занимался серьезно мыслью о владычестве Германии над Филиппинами. Когда мы, во время испано-американской войны, появились перед Маниллой с эскадрой, которая была сильнее американской, то этим мы вызвали прежде всего натянутые отношения между обоими флотами, при чем по случаю столкновения с адмиралом Дьюэ, фон-Гинтце, в то время флаглейтенант, а позднее статс-секретарь, благодаря своему хладнокровию, спас честь Германии и предотвратил опасность конфликта. Однако в Соединенных Штатах, которые тогда сознательно вступили на путь мировой политики в крупном масштабе, осталось подозрение, что мы предприняли неудачную попытку захватить дичь на охотничьих

участках, открытых ими раньше нас. Это неудовольствие, искусно поддержанное английской прессой и дипломатией, превратилось в подозрение, что мы питали захватнические планы против американской территории. Американцы были в достаточной мере неосведомлены в европейских отношениях и достаточно проникнуты доктриной Монроэ, чтобы принять подобную бессмыслицу за правду.

Когда же в 1902 г. английское правительство пригласило нас, с согласия Рузвельта, вместе выступить против президента Венецуэлы, Кастро, который действовал несколько поразбойничьи, то, в соответствующем заседании ведомства иностранных дел, я на основании впечатления, полученного мною от характера американцев и английской политики, отсоветовал принять предложение англичан. В этом отношении меня предостерег Карл Шурц, в лице которого германо-американцы тогда еще имели мыслящую голову. Я заявил, что если бы дело дошло до вооруженного столкновения, то доктрина Монроэ могла бы вызвать раздражение в Америке, а в этом случае англичане, вероятно, бросили бы нас на произвол судьбы.

К сожалению это действительно так и случилось. Еще перед поездкой кайзера в Англию я непосредственно настоятельно советовал ему заставить англичан дать нам безусловное обещание в том, что они будут держаться с нами до конца. Вышло ли из этого что-нибудь, я не знаю; во всяком случае мы приняли английское предложение. Но Рузвельт не мог, даже если бы он этого хотел, сдержать негодование американцев, а британская пресса при попустительстве своего правительства имела достаточно низости тотчас же переменить фронт, начать травлю среди американцев и обрушиться на нас, «гуннов».

Нечего было больше и думать о том, чтобы германские интересы были сколько-нибудь обеспечены в тех случаях, когда обеим англо-саксонским мировым державам совместно

приходилось вступать с ними в соприкосновение. Для нас было почти безразлично, действительно ли Англия станет когда-нибудь «сорок девятой звездой в звездном знамени», как это говорил в Лондоне американский морской атташе нашему. На повороте двадцатого столетия Англия в последний раз окончательно обдумала, должна ли она занять позицию против Америки, и решила этот вопрос отрицательно. Мои личные впечатления совпадали с политическими уроками, и наше сентиментальное послушание по отношению к Соединенным Штатам не улучшило положения. Мне было тяжело присутствовать в качестве свидетеля при поднесении статуи Фридриха Великого скептическим янки, к чему меня обязывало мое служебное положение. Я никогда не разделял столь роковую и распространенную у нас иллюзию, будто Америка когда-нибудь и как-нибудь может быть для нас полезным союзником в борьбе против диктатуры Британии на море. Кроме того, из всех более крупных флотов я всегда придавал флоту Соединенных Штатов наименьшее значение в качестве активного фактора.

Конечно, чем дальше укреплялось бы наше морское могущество, тем богаче и свободнее стали бы открывшиеся для нас возможности мировой политики. Таким образом при *предположении, что мир с Англией* останется нерушимым, *не было ничего невероятного* в том, что между Америкой и нами могут развиться плодотворные взаимоотношения. Когда Рузвельт, который отлично знал меня и часто вступал со мной в продолжительные беседы, подал вышеупомянутый совет, что Германии следовало бы снова приобрести естественное господство над устьями своей главной реки и привлечь к себе мелкие нижне-германские государства по Рейну и Шельде, то он выразил при этом свое настоящее мнение и говорил по своему обыкновению «roughly» (напрямик). Он исходил из того, что мировое могущество Англии все более и более приходит в упадок и что мы должны были бы стать естественным

союзником Америки против Японии. В результате англо-японского союза Рузвельт стал придавать огромную ценность росту германского флота. Перед тем как американский флот (Панамский канал тогда еще не существовал) в 1908 г. был послан в Тихий океан, Рузвельт поручил своему берлинскому послу неофициально спросить меня, взял ли бы я на себя на его месте ответственность за этот шаг в смысле морской политики. Я отвечал «J should risk it» (я бы рискнул), при чем в этой отправке флота я усматривал выгоду также и для нас. В самом деле, одним из следствий этой экспедиции американского флота явилось то, что Австралия отдалилась от Англии и решительно склонилась на сторону Америки. Только мировая война вновь сблизила английские колонии с метрополией. Впоследствии Рузвельт прислал мне свою фотографию с лестным посвящением, содержащим следующую многозначительную прибавку «From one who sent the American Fleet round the world» (от человека, пославшего американский флот вокруг света).

Нет никакого сомнения в том, что симпатии Америки принадлежали Англии. Впрочем, несмотря на это, между нами и американской политикой уже зарождались деловые отношения. Перед войной американцы во всех отношениях очень серьезно относились к Германии и несмотря на то, что Европа в их представлении являлась понятием собирательным и весьма общим, они с тонким чутьем учитывали нашу растущую мощь и выказывали трезвое и почтительное отношение к заключающимся в ней перспективам. Они уже считались с возможностью, что наше экономическое и политическое развитие сможет опередить развитие Англии. В то же время они смотрели на себя, как на естественных наследников английских колоний. Если бы мы еще некоторое время дали этому развитию возможность совершаться в условиях мира, то общие нам с Америкой интересы из года в год продолжали бы расти путем естественного процесса. Когда в 1914 г. мы

неожиданно ввязались в войну, то одним из самых тяжелых последствий этого ужасного факта явилось то, что вместо усыпления взаимной солидарности англо-саксов мы в сущности дали первый толчок к ее развитию.

В свое время американцы, с целью присоединить Кубу, изобразили взрыв порохового погреба на «Мэне», как преступление испанцев; поэтому теперь они вполне хладнокровно отнеслись бы к нашему вторжению в Бельгию, если бы оно соответствовало их интересам. Америка представляет собой страну, стремящуюся к мировому владычеству, на что наши демократы не хотят обратить внимания. Внешнее превосходство сил наших противников с первого же дня войны внушило американцам убеждение, что нам не удастся победить и что мы и не должны победить; таким образом этот перевес определил и принципиальную позицию против нас. Несмотря на это, с 1914 г. по 1916 г. включительно, Америка еще не созрела для войны с нами и не была бы в состоянии противостать бесстрашной военной политике Германии. Только продолжительность войны, растущее сплетение интересов с Антантой, военные нужды Англии, фантастическая медлительная политика с постоянной переменой фронта вкривь и вкось, которую вел Бетманн и которая только усилила престиж Вильсона и, в конце концов, мексиканское письмо Циммермана подготовили и сделали возможным в 1917 г. вступление Америки в войну, которое лишь с большим трудом удалось бы, а может быть и вовсе не удалось, провести Вильсону в феврале 1917 г., когда я требовал подводной войны. Самое главное для нас заключалось в том, что мы должны были быстро окончить войну и во что бы то ни стало сохранить свой престиж.

Положение оказалось бы совершенно иным, если бы удалось избегнуть мировой войны. Англо-саксонская общность крови никогда не стерпела бы военного поражения Англии. Но если бы нам удалось мирным путем опередить Англию, то

на это взглянули бы как на естественное явление, а Германия приобрела бы благодаря этому в американском полушарии все более растущее уважение к себе и представилась бы как действительно мировой народ, в конечном счете вполне созревший для союза с могущественнейшей великой державой будущего. Эти возможности, как бы ни сложилась в дальнейшем жизнь Германии, уже миновали, и если наш народ, вообще когда-либо вновь достигнет способности свободно заключать союзы, то эта способность сможет относиться только к державам иного калибра. Перед мировой войной мы имели еще богатые возможности для установления равновесия сил.

5.

Для успешного выполнения постройки флота был необходим мир, а с другой стороны, сама эта постройка, чем больше она приближалась к концу, способствовала сохранению мира, в котором Германия для своего непрерывного процветания нуждалась более нежели какая-нибудь другая страна и который ей было всего труднее сохранить благодаря ее географическому положению. Последние десятилетия перед войной представляются для Германии временем наивысшего расцвета и наибольших опасностей при сильной, но еще не вполне достаточной охране собственной мощью. Бисмарка во многие моменты его господства представляли как «жонглера»; равным образом, бесспорно весьма выдающаяся личность князя Бюлова в столь печальный момент его отставки получила почетное прозвище «канатного плясуна». Германию в ее положении могло охранить от вреда только совершенно исключительное приспособление к изменяющимся условиям. Мы не смели позволить себе делать ошибки. Бисмарк сказал однажды, когда ему жаловались на рейхсканцлера, генерала Каприви: «Подождите, только, когда вы получите в канцлеры настоящего бюрократа, вам придется кое-что пережить».

Такой фантазер, как преемник Бюлова, благодаря своей недостаточной способности оценки, пал жертвою запутанности нашего мирового положения. Главным условием для всякого руководителя германской империи было и всегда останется уменье понимать иностранную политику. Для этого не требуется непременно черная магия дипломатии; необходимо знание действительных основных отношений мира и чутье вероятной реальности. Канцлер и демократия не имели никакого представления о действительных трудностях и опасностях нашего положения, до которого мы должны были прикасаться осторожно, вооружившись пинцетом.

Но смеет ли народ, который не проявляет никакого умения, справляться с собственными делами и который при отсутствии настоящего вождя склоняется к тому, чтобы бросить себя на произвол судьбы, надеяться на то, что провидение вновь возвеличит его через посредство какого-нибудь опекуна вроде Фридриха Великого или Бисмарка. Ведь мы видели, как в наши дни народные массы, лишенные всякого руководства, едва достигнув власти, ничем не занимаются с такою ревностью, как тем, чтобы разрушить и уничтожить все то, что еще осталось от нашей национальной традиции, гордости и энергии. Кажется, как будто эти массы хотят помешать тому, чтобы когда-либо вновь мог появиться великий патриот, который в будущем еще раз перевел бы народ через широкое море его самоунижения. В основе того, что в несчастьи мы проявляли недостаточно собственного достоинства, а в счастьи слишком мало сдерживали свои порывы, лежит иллюзия, будто бы стесненности нашего мирового положения можно было помочь чувствами и словами, а не напряженно и разумно направляемой силой.

Общая основная ошибка политики нашего времени заключалась в том, что тот крупный, но все еще недостаточный авторитет силы, который оставил нам в наследство Бисмарк, мы израсходовали по частям, в постоянно повторяющихся вы-

ходках, в которых сквозило наше миролюбие, но также и наша нервозность, и за которыми легко следовало простое подчинение, так что среди врагов могла укрепиться роковая для нас кличка «poltrons valeureux». Дурная привычка пользоваться такими бьющими на эффект выступлениями, начиная с Симоносеки, депеши к Крюгеру, Маниллы, а также китайской экспедиции и кончая Танжером, Агадиром и т. д., привела к плачевному завершению всего метода ультиматумом к Сербии в 1914 г. Долгое время положение оставалось еще сносным, благодаря тому почтению, которое внушали к себе старое прусское государство и испытанные качества германского народа. Но с нашей стороны было бы правильнее продолжать расти и собирать все новые силы в тишине, ибо в 1914 г. мы близко стояли у цели, когда было достаточно простого наличия нашей мощи, чтобы без всякой нервности сохранить мир. Трагедия развязки заключалась в том, что самая миролюбивая политика в мире вообразила, будто бы наше неблагоприятное положение может быть исправлено такими выходками, которые подавали нашим злонамеренным врагам повод заподозрить нас в стремлении к войне и таким образом давали им возможность, посредством самой чудовищной клеветы в мировой истории, исказить образ нашего народа.

Мы бросались другим в об'ятия, потом вновь расходились с ними и не пропускали случая поставить им на вид, каких великолепных результатов могли бы мы добиться. Мы никогда не умели понять образа мыслей других. Адмирал Сеймур, которому кайзер подарил картину «Немцы—вперед!» сказал своему германскому коллеге: «Вы, немцы, сильно двинулись вперед, только бы вы не тыкали нам постоянно в нос вашими успехами». Мы трубили в фанфары, что совершенно не соответствовало нашему положению. Затем все действительные или предполагаемые неудачи и поражения с агитационными целями раздувались и толковались вкривь и вкось обществен-

ным мнением, и таким образом наша демократическая пресса давала иностранцам право утверждать, будто бы Пруссия и Германия представляют из себя какой-то смирительный дом.

Положение в моем собственном ведомстве позволяло мне вдвойне осуждать всякое наше демонстративное выступление в мировой политике. С другой стороны, я не без страха замечал, какое слабое представление имели у нас вообще о политическо-стратегическом и хозяйственном положении в целом, о его гигантских перспективах и о свойственных ему особых подводных камнях. Та опасность, которой мы подверглись бы в случае, напр., блокады или вообще войны с Англией, которая могла обрезать как ножом все наше мировое положение и наше будущее, никогда не рассматривалась, как я часто замечал, с той серьезностью, которой она требовала. Ввиду стремления Англии посредством коалиции связать нас по рукам и ногам, нам следовало сохранять хладнокровие, в крупном масштабе продолжать наши военные приготовления, избегать обострений в политике и без лишних тревог ожидать момента, когда быстро шагающее вперед упрочение нашего морского могущества не вынудит англичан оставить нас в мире и покое. Мы же поступили совсем наоборот, так что как раз *в то мгновение,* когда стало чувствоваться, что атмосфера разряжается, рассеявшиеся было грозовые тучи опять разразились над нами бурей. Возможность войны с Англией должна была быть избегнута в 1914 г. так же, как и в 1904 г., а так как наш флот стал уже силой, делавшей борьбу с нами рискованной, то война, по всей вероятности, могла бы быть избегнута, если бы только наше политическое руководство своевременно и прямо взглянуло в глаза опасности подобной войны. Если бы немецкий народ и его политические вожди в июле 1914 г. проявили живое и развитое чутье силы и ее законов, то они не позволили бы возникнуть иллюзии, будто бы австро-сербский конфликт может быть лока-

лизован, и в таком случае мировая война была бы тогда предотвращена.

Трудность, в случае войны с Англией достигнуть сносного мира, уже в 1904 г. определяющим образом повлияла на высказанное мною тогда мнение. Даже и после того, как мировая война разразилась, семнадцатилетняя постройка флота все же улучшила виды на возможность приемлемого мира с Англией, однако только при условии самой напряженной военной энергии, дипломатической ловкости и полного отказа руководителей от всяких личных соображений. Поэтому я со всею силою, которою располагал, настойчиво указывал на единственные факторы, которые могли принести нам этот мир и отвратить от нас гибель: на морское сражение и своевременную подводную войну, на сепаратный мир с Россией и на единение немецкого народа перед лицом той смертельной опасности, которую ясно видели лишь немногие, но которой мы, тем не менее, шли навстречу.

В этом споре я был побежден; способность немцев создавать себе иллюзии еще раз допустила победу немцев над немцами же. Быть свидетелем того, как, благодаря слабости, ослеплению и партийным страстям была проиграна война, вот конец моей жизненной карьеры и моей веры в мой народ.

Я боролся против нашего самоуничтожения, не имея для этого достаточной силы. Занятый решением собственной задачи, я никогда не стремился к политическому влиянию. В декабре 1911 г., после марокккского кризиса, когда начался мой спор с Бетманном, начальник императорского кабинета, в ту минуту, когда я входил к кайзеру для доклада, сообщил мне, что существует предположение назначить меня канцлером. Вслед затем я во время моего доклада кайзеру передал начальнику кабинета записку, в которой сообщал ему, что я бы отклонил такого рода предложение, если бы оно действительно было мне сделано. Мне казалось немыслимым стать преемником Бисмарка. Только после того, как во время вой-

ны мне пришлось быть свидетелем того, как безрассудство и малодушие нашего руководства теряли одну за другой невозвратимые более возможности и как государство все ближе и ближе подвигалось к пропасти, я при всем сознании моих недостатков стал предполагать, что более подходящей личности нельзя было найти и, по всей вероятности, уже не отказался бы от поста канцлера. Ибо, при той картине, которую являли наши отношения внешнему миру, появление моей личности на посту рейхсканцлера ясно выражало бы собой резкий разрыв с господствовавшей у нас системой. С другой стороны следует вспомнить то ликование, которое поднялось в Англии, когда разнеслась весть: «Tirpitz exit» (Тирпиц уходит). Именно в этом разрыве, а не в какой-либо смене личностей лежало наше единственное спасение.

Мысль эта в то время неоднократно была высказываема мне; она, однако, исходила не из того единственного места, которое имело власть привести ее в исполнение.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АНГЛИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ФЛОТ.

1.

Некоторые думают, что в наше время Германия имела возможность добиться прямых и дружественных отношений с Англией и что только промахи германского государственного искусства, а главным образом постройка нашего флота воспрепятствовали осуществлению этой перспективы. Если бы только это представление укоренилось в головах у немцев, то в этом можно было бы прежде всего найти подтверждение того правила, что историю пишет победитель, а побежденному пришлось бы в этом случае исказить ее, для того, чтобы иметь возможность признать в своей исторической совести господство англо-саксов.

Теперь англичане оспаривают то мнение, будто они хотели войны с нами. Поэтому всякий, кто в Германии видит причину войны в постройке флота, само собой разумеется, не может обвинять за нее противника. Самообвинение следует по ложному пути; историческая правда лежит скорее в одном из последних заявлений Бисмарка, сделанных им в 1898 г., в то время, когда у нас не было еще вовсе флота: «Он де сожалеет, что существующие отношения между Англией и Германией не могут улучшиться. К сожалению, ему неизвестно никакое средство против этого, так как единственное ему известное средство, состоящее в том, чтобы задержать рост нашей, германской промышленности, неприемлемо».

Мы не могли бы приобрести дружбу и сочувствие Англии иначе, как превратившись снова в бедную земледельческую страну. Но разумное средство для существенного улучшения отношений заключалось в создании германского флота, который сделал бы для Англии самую мысль о нападении на германскую торговлю более рискованной, нежели это было в те времена, когда Бисмарк сделал свое заявление. В этом смысле германский флот, несмотря на то, что германская политика находилась не на высоте, все же до июля 1914 г. удовлетворительно решил свою задачу, и не его вина, если он не смог еще лучше и дольше выполнить свои цели, направленные к сохранению мира. Мне трудно понять, каким образом Бетманн-Голльвег еще и теперь обвиняет ту «так называемую флотскую политику», под которой он сам в течение восьми лет ставил свою подпись в качестве канцлера [1]). Это тем труднее понять, что он сам, так же как и Лихновский и другие осведомленные лица из министерства иностранных дел, констатировали заметное улучшение англо-германских отношений в годы предшествовавшие войне, и признавали, что германская постройка флота, чем более она близилась к своему завершению, по меньшей мере не помешала этому улучшению. Но внезапный взрыв мировой войны произошел не вследствие ухудшений англо-германских отношений; можно даже видеть особенно трагическое сплетение обстоятельств в том, что в 1914 г. Англия и Германия стали друг другу ближе, чем в 1896 г., когда у Германии вовсе не было флота, или в 1904 г., когда германский флот был очень слаб и когда князю Бюлову удалось перебросить мост через опасную зону. Германский флот, сообразно своему назначению, охранял мир. Заинтересованные лица стараются теперь поколебать значение этого совершенно очевидного факта. К этому присоединяется та черта самоуничтожения, свойственная германскому

---

[1]) «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 27 ноября 1918 г.

характеру, которая всегда склонна придавать веру всему для себя неблагоприятному и рада случаю сегодня бранить как неразумное то, что вчера казалось разумным.

Вплоть до начала 90-х годов укоренившееся у англичан сознание собственного благосостояния лишь слабо замечало появление германского конкурента в мировом хозяйстве. Конечно, уже изменение нашей таможенной политики в 1879 г. дало толчок развитию нашей промышленной и торговой мощи, но только после целого десятилетия внутреннего строительства, направленного на внешнее распространение, оно стало настолько заметно, что в Англии начала подготовляться общая перемена настроений. Первым экономическим отражением этой перемены было появление пресловутой марки «Made in Germany», первое же ее политическое выступление последовало за депешей к Крюгеру. В 1896—1897 г.г. я вернулся из Азии и Америки под тем впечатлением, что Англия весьма вероятно, будет всячески стараться стать поперек дороги нашему будущему развитию. В середине 90-х годов, задающие тон клубы обеих главных партий и лица английского общества, осведомленные во внешней политике, сошлись в том убеждении, что Германия является будущим врагом. Это соответствовало государственному принципу англичан, применявшемуся ими в течение столетий.

Как это всегда бывает, прошел известный промежуток времени между переменой фронта направителей политики и ее открытым проявлением. Затем последовала предпринятая в крупном масштабе обработка английского общественного мнения, направление которой было указано приблизительно таким лозунгом: «Germaniam esse delendam», и под этим боевым кличем «Saturday Review» писала уже в 1897 г. следующие строки, обратившие на себя большое внимание:

«Бисмарк уже давно признал то, что—как, наконец, теперь начинает видеть также английский народ—в Европе существуют две великие, непримиримые, направленные друг против друга, силы, две

великие нации, которым хотелось бы весь мир превратить в свой домен и требовать с него торговой дани. Англия... и Германия..., немецкий коммивояжер и английский странствующий торговец... наперерыв соперничают в каждом уголке земного шара. Миллион мелких столкновений создает предлог к величайшей войне, которую когда-либо видел мир. Если бы Германия была завтра стерта с лица земли, то после завтра не нашлось бы на свете ни одного англичанина, который не стал бы от этого богаче. Прежде народы годами сражались за какой-нибудь город или наследство неужели же они теперь не должны начать войну из-за ежегодного торгового дохода в пять миллиардов?»

Читая такие пророческие голоса, которые не оставались одинокими, но, напротив, являлись только выразителями тысячеголосого хора ненависти, принимая во внимание все то значение, которым они обладают после совершившегося теперь решения, непосредственно чувствуешь, что англичанам не могло быть приятно обосновывать ту ненависть, которую они желали внушить своему народу, только таким откровенным и отвратительным предлогом, как торговое соперничество, которое и в самом деле имело решающее значение. Им нужны были другие предлоги. Но в то время, когда нужно было пропитать этой мыслью общественное мнение, первый законопроект о флоте не был еще внесен, и флот, как предлог, тогда совершенно отсутствовал. Вследствие этого, руководителям английского общественного мнения пришлось привлечь к себе на помощь мнимые германские поползновения в Трансваале. После отпадения этого предлога, они в качестве нового предлога привлекли германский флот, которому они, рассчитывая на английских читателей газет, предписывали смехотворные завоевательные планы уже в то время, когда он еще только стоял на бумаге.

Благодаря закону о флоте, было положено начало тому, что воля англичан, направленная на уничтожение нас, стала остывать, потому что после завершения постройки нашего флота она не могла уже больше быть удовлетворена такой дешевой ценой. С другой стороны, само собой разумеется, что

самый факт постройки флота ощущался в Англии, как препятствие для сохранения ее монопольного положения на море и что по этой причине постройка флота прежде всего затрудняла наше дипломатическое положение. Поднимался вопрос о том, не пожелает ли Англия именно потому, что мы строим флот, задушить его в зародыше, т.-е. начать превентивную войну? В самом деле, в 1904—1908 годах мы были не слишком далеко от этой опасности; с одной стороны, тогда была признана серьезность работы нашего морского ведомства, но с другой — наша сила была еще слаба. Только неподготовленность Франции, точнее английской армии, в то время помешала столкновению. Это и была та опасная зона, которую нам, согласно взгляду Бюлова и моему, предстояло пройти; но в 1914 г. она уже была в существенном преодолена. Наш флот стал слишком заслуживающим внимания для того, чтобы Англия могла возыметь желание напасть на него без особенно важных поводов. Таким образом по мере того, как германское морское могущество все более привлекало к себе внимание, заносчивый тон боксера 90-х годов с течением времени уступал место более осторожному и трезвому взгляду, и в этом смысле германский флот с 1912 г. все более и более действовал как фактор, направляющий к сохранению мира. Никакой английский государственный деятель, оставаясь честным, никогда не сомневался в мирных тенденциях нашей политики и в чисто оборонительном значении нашего флота.

Наша постройка флота не помешала также и Чемберлену в 1901 г. искать союза с нами; правда, при этом он оказался почти в полном одиночестве в английском кабинете. В действительности же флот никогда не стоял поперек дороги союзу, если бы Англия когда-либо серьезно имела его в виду. Но также и при отсутствии флота, Германия 90-х годов, как мне сообщал Каприви в 1893 г., тщетно искала союза с Англией.

Англия не считала необходимым и целесообразным заключать формальные союзные договоры с другими державами подобно тому, как это делали мы с Румынией и Италией. Она довольствовалась тем, что, не связывая себе рук, устанавливала общие отношения взаимного доверия с теми державами, которые были нужны ей для ее главной цели, что для внутренней политики было удобнее, а для внешней действительнее. Еще до постройки германского флота, а именно при начале торгового соперничества, было положено основание для политики соглашений и для политики окружения, направленной против Германии.

Сближение французской дипломатии с Англией началось в 1898—1899 г.г. соглашением относительно Фашоды, которое многими в Германии было столь неверно понято, и уже в январе 1901 г. внутри британского кабинета существовало настроение в пользу присоединения к Франции и России, ценою английских уступок в Марокко, Персии и Китае. Пользуясь всеми теми средствами, которыми пренебрегало германское государственное искусство, Антанта стала с этих пор обрабатывать общественное мнение трех своих народов с тем, чтобы, отодвинув на задний план взаимно-противоположные их интересы, направить их общим фронтом против Германии. Те основания, которые выступили наружу в 90-х годах и которые указывали англичанам на необходимость уничтожить Германию, или, по крайней мере, связать ее по рукам и ногам, все еще продолжались, и нельзя было требовать от нашей постройки флота, чтобы она изменила основные мотивы английской политики. Было уже достаточно, если флот давал руководителям государства средство, несмотря на окружение, дать Германии более свободное пространство для действий, благодаря тому, что одним своим существованием он непрерывно увеличивал расстояние между склонностью к войне и решением англичан ее начать.

В конце 1904 г. Англия своею быстрой покладливостью по поводу гулльского инцидента ясно доказала, что свою традиционную вражду к России она ставит позади вражды к Германии. После того, как Япония в качестве английского вассала смирила Россию, Англия увидела, что пришел час, когда она одним нажимом на кнопку могла привести в движение Францию и Россию против Средней Европы. Однако эта грандиозная агрессивная политика, направленная против нас, была не безусловно воинственной. Эдуарду VII и его приближенным было бы гораздо приятнее мирным способом связать Германию по рукам и ногам, нежели пойти на риск войны. Германская постройка флота из года в год улучшала в нашу пользу почву для англо-германского соглашения, подавляя свойственную Англии склонность к войне и давая перевес трезвым английским политикам. Между тем как в первое десятилетие нынешнего века гигантский размах германской промышленности мог еще развиваться без поддержки военной силы главным образом потому, что Франция и Россия не были еще готовы, в 1914 г. выяснилось, наоборот, что Англия стала державой наиболее медлившей с об'явлением войны. Если бы не было германского флота, то мы недолго имели бы возможность продолжать наше торговое соревнование между трех держав Антанты. Благодаря же флоту, неизменная англо-германская напряженность отношений стала менее опасною. Согласно общему суждению посвященных лиц, в период, предшествовавший австрийскому ультиматуму Сербии, эта напряженность была менее опасна, нежели в течение долгого времени перед этим. Однако самое позднее начиная с 1903 г. основным государственным принципом Англии было не допускать больше военного ослабления Франции со стороны Германии, так же как и вообще нарушения военного европейского равновесия в пользу наиболее сильной континентальной державы — Германии. То был самый несчастный момент германской политики, когда

она в июле 1914 г. забыла этот основной факт и ужасным образом подтвердила язвительные слова одного французского офицера к германскому лазаретному врачу: «Vos armées sont terribles, mais votre diplomatie, c'est—un éclat de rire» [1].

2.

В первые годы политики окружения Англия не принимала еще всерьез германскую постройку флота. Все были убеждены, что с такими небольшими суммами, какие отпускались для этого, никак нельзя было построить первоклассного флота. Нашу технику считали неразвитой, а недостаток у нас организаторского опыта чересчур большим, и все привыкли к тому, что уже многочисленные прусские и германские проекты относительно флота оставались действительными только на бумаге. Впервые взглянули иначе на нашу морскую программу в 1904 г. В этот год, вопреки моему желанию, на кильской неделе на смотр Эдуарда VII были выведены все те корабли, которыми мы обладали, и кайзер в своем тосте торжественно отметил «вновь укрепляющееся морское значение недавно созданной германской империи». Король Эдуард отвечал холодно и во время смотра наших кораблей обменивался с первым лордом адмиралтейства Сельборном многозначительными взглядами и словами, которые подействовали на меня неприятно. Англичанам было не по себе при виде того, что мы создали так много при столь ограниченных средствах и сумели осуществить органическое развитие, которого планомерность превосходила их собственную. То, что германский способ работы заключался в терпеливой «кладке камня на камень», показалось им также и здесь опасным.

---

1) «Ваши армии наводят ужас, но ваша дипломатия вызывает взрыв смеха».

Направленное против нас сосредоточение английской эскадры, осуществленное затем лордом Фишером, было подчеркнуто в феврале 1905 г. речью гражданского лорда адмиралтейства Ли, который без всякого осязательного повода об'явил, что британский флот в случае необходимости сумел бы нанести первый удар, прежде чем по другую сторону Северного моря успели бы прочитать в газетах об об'явлении войны. Поведение Англии в 1904—1905 г.г. доказало, что она очень склонна была в то время одним военным ударом совершенно уничтожить все мировое положение Германии. Тогдашняя склонность к войне об'яснима тем, что сама по себе война не заключала еще для Англии никакого риска. Нашу же только что начавшуюся постройку флота адмиралтейство надеялось свести на-нет тем, что оно в 1908 г. перешло к постройке дредноутов, предполагая, что германский флот не будет в состоянии провести такие гигантские корабли через Кильский канал.

Эта цепь политических и морских угроз, бок о бок с которой шло дикое науськивание общественного мнения, вызвало в широких кругах Германии справедливое удивление. С одной стороны, в английских мероприятиях относительно флота лежало очевидное признание того, что наша постройка флота принимается всерьез. С другой же стороны, было известно уже почти десять лет длящееся желание Англии политически поставить нас на колени, а тогдашнее положение нашего флота было слишком незначительно для того, чтобы об'яснить такие мероприятия, как сосредоточение английской эскадры в Северном море. В основе этих мероприятий лежит скорее ясное намерение нас запугать и задушить в зародыше, в случае если бы это оказалось возможным, наше стремление к самостоятельности в мировой политике.

Вследствие этого меня в течение 1905—1906 г.г. с разных сторон осаждали просьбами провести значительное увеличение

германских морских сил для того, чтобы быть лучше подготовленными против английской угрозы войной и таким образом дать англичанам политический урок. Сам кайзер также находился под сильным впечатлением преследовавшей ту же цель пропаганды флотского ферейна и желал, чтобы я потребовал от рейхстага понижения срока службы наших больших кораблей. Этот срок как раз только вследствие парламентского недоразумения был определен в законе о флоте на 25 лет выше, нежели во флотах иностранных держав, что привело к значительной перезрелости наших кораблей.

Несмотря на это я воспротивился внесению такого законопроекта и в связи с этим в начале 1906 г. подал в отставку. Закон, который я внес в 1906 г. и который без возражений был принят рейхстагом, содержал только шесть больших крейсеров, которые были исключены рейхстагом в 1900 г., но тотчас снова предложены мною, как дополнительное требование для 1906 г. Далее я не преминул потребовать от рейхстага более крупные средства, которые вызывал переход к постройке дредноутов, к чему нас, так же как и все остальные флоты мира, принудили англичане. И, наконец, должны были быть ассигнованы средства на расширение Кильского канала, ставшие необходимым благодаря такому повышению размеров кораблей.

Моя сдержанность по отношению к оказанному на меня давлению, заставлявшему меня требовать большего, подействовала успокаивающим образом во внешней политике и усилила доверие рейхстага; весьма вероятно, что эти повышенные требования в 1904—1905 г.г., при создавшемся тогда положении, вызвали бы непосредственную опасность войны, а взамен не принесли бы нам в скором времени никакой выгоды и сверх того превысили бы тогдашнюю способность нашего флота справляться со своими задачами. Та цель, к которой я стремился из технико-организаторских и бюджетно-политических соображений, состояла в том, что-

бы строить по возможности непрерывно. Оказалось, что всего для нас выгоднее закладывать ежегодно 3 корабля. Этот строительный темп, заключавший в себе постройку трех больших кораблей в год, так называемый «трехтактный темп», не мог быть осуществлен посредством строительного плана, предусмотренного в законе о флоте. Поэтому мы стремились к тому, чтобы присоединить к основному закону о флоте законопроекты, дабы таким образом можно было установить трехтактный темп. С 1906 г. этого всего легче можно было достигнуть сокращением срока службы наших кораблей по образцу иностранных флотов, другими словами, ускорением новых построек. Моментом, когда мы должны были требовать понижения срока службы кораблей, был 1908-й бюджетный год.

Согласно законопроекту 1908 г. строительный план сложился теперь таким образом, что в течение 4 лет, с 1908 г. по 1911 г., закладывалось ежегодно 4 корабля, затем в течение 6 лет—с 1912 г. по 1917 г.—по 2 корабля ежегодно, между тем как с 1917 г. на будущее время становился постоянным трехтактный темп. Для того, чтобы предотвратить слишком продолжительный период двухтактного темпа, который вызывал крупные опасения в смысле строительной и бюджетной политики, мы в морском министерстве обратили внимание прежде всего на то, чтобы в 1915 или в 1916 г. нарушить двухтактный темп включением в число требовавшихся кораблей еще одного или двух. Это возможное (но еще отнюдь не решенное) будущее новое требование стало бы тогда вообще единственным и, конечно, в высшей степени незначительным расширением корабельного состава сравнительно с первоначальным флотским планом 1900 г.; ибо в 1906 г. мы только восстановили проекты 1900 г., а в 1908 г. мы вообще не увеличили числа кораблей.

Таким образом все эти соображения морского ведомства, от которых я, при их значении во внешней политике,

не могу совершенно избавить читателя, представляют вкратце следующую картину:

1. Ни в 1906 г., ни в 1908 г. мы не превысили первоначального, всему свету известного флотского плана 1900 г.

2. Восстановленный нами в 1908 г. срок службы кораблей соответствовал всеобщей тенденции всех флотов.

3. Мы стремились установить трехтактный темп, и если теперь по случаю большего числа устаревших кораблей, оставшихся от периода, предшествовавшего закону о флоте, временно в течение четырех лет строилось по четыре корабля в год, то это уравнивалось следующим затем периодом, во время которого ежегодно строилось преимущественно по два корабля.

Несмотря на это положение дел, омоложение кораблей и, конечно, еще более то обстоятельство, что мы тоже могли строить дредноуты, обещало нашему флоту такой существенный прирост боеспособности, что английские специалисты с адмиралом Фишером во главе стали косо смотреть на наш законопроект. При создании нашего морского могущества мы никогда не надеялись на одобрение со стороны англичан. Но та флотская паника (navy scare), которую теперь инсценировал Фишер, нарушала, как мы чувствовали, добрые обычаи международного общения, так как адмиралтейство и многие члены кабинета не отступили перед тем, чтобы взволновать свою страну преувеличенными и даже заведомо ложными данными касательно наших строительных планов. Случилось так, что как раз в этот год англичане заложили только четыре корабля. Британское правительство воспользовалось представившимися благодаря этому поводами для агитации, для того, чтобы склонить свое общественное мнение в пользу закладки еще четырех и, следовательно, в целом восьми дредноутов на 1909 г. Англичане прибегли к плутовству и сопоставили друг с другом строящийся германский флот в том окончательном состоянии, которого он едва мог

достигнуть в 1920 году, и британский флот в том состоянии, в каком он находился в 1908 году. Британский плательщик налогов, которому фактически не могло быть также хорошо известно, как британскому адмиралтейству, подавляющее превосходство британского флота, был взволнован ловкой и бессовестной агитацией ведомственных кругов и прессы и таким образом согласился на более крупные денежные жертвы. Боязнь неприятельского нашествия и нервный страх перед германскими военными судами, цеппелинами и шпионами начал проникать в английское общество и народные массы.

Германский посол в Лондоне, граф Вольф Меттерних, взирал на этот усиливающийся страх перед Германией с все возрастающими опасениями. Вплоть до того времени он стоял на правильной точке зрения, что англичане должны были привыкнуть к нашему закону о флоте и что они к нему привыкнут. С течением времени оказалось, что наш четырехтактный темп, продолжавшийся четыре года, не представлял для Англии никаких поводов для войны. Согласно суждениям наших дипломатов, англичане в 1914 г. фактически свыклись и примирились с нашей постройкой флота, включая сюда оба законопроекта от 1908 г. и 1912 г. Война, со всеми ее неисчислимыми возможностями являлась для них слишком серьезным обстоятельством, а в Лондоне осведомленные лица отдавали себе ясный отчет, что в политическом, военном и экономическом отношениях для нас было бы сущим безумием нападать на Англию.

Вполне понятно, хотя и не вполне извинительно, что граф Меттерних, под сильным давлением окружавших его английских сфер, начал в 1908 г. терять свой верный взгляд на действительные, глубже лежащие основания англо-германского соревнования. Это потому понятно, что теперь уже ему единогласно неслось навстречу уверение, что только германская постройка флота была виною того, что добрые

отношения омрачились. Не вполне извинительно это потому, что граф Меттерних мог и должен был, во-первых, знать историю натянутых отношений между Англией и Германией, в то время, когда у нас еще не было флота, а с другой стороны, убедиться, исходя из всего положения и из отношения мощи одного флота к другому, в чисто оборонительном направлении нашей морской политики. Сообщения нашего лондонского посла побудили князя Бюлова зимою 1908/9 г. войти со мною в обстоятельные обсуждения этого вопроса. С января 1909 г. я в процессе этого обсуждения с канцлером выразил свое согласие на то, чтобы мы сообщили английскому правительству наше согласие на такое длительное соотношение сил обоих флотов, которое навсегда закрепило бы некоторое превосходство за британским флотом. Я назвал сначала, в качестве исходного пункта для переговоров, соотношение сил, равное 3 : 4, с течением времени об'явил себя готовым принять отношение 2 : 3, и в конце концов остановился на отношении 10 : 16. Эта цифра была последней, которую предложило британское адмиралтейство при Уинстоне Черчиле и которая была тотчас же принята мною. Хотя Черчиль при этом до известной степени обеспечивал себе отступление, которое в действительности делало для английского флота возможным более выгодное отношение, нежели 10 : 16, я все же взглянул на это сквозь пальцы, в том убеждении, что планомерное выполнение закона о флоте позволит нам достигнуть тех оборонительных целей, к которым мы в действительности все время только и стремились.

Такое окончательное определение соотношения морских сил, дало британскому адмиралтейству фактическое доказательство в том, что мы отнюдь не стремились создать наступательного флота. Согласно взглядам всех авторитетов военно-морской науки, численное превосходство, которое при прочих равных условиях создает для нападающего на море вероятность успеха, составляет 30 процентов. Такое

и даже существенно большее преимущество мы предоставили англичанам. Большей гарантии в том, что нам были чужды какие бы то ни было агрессивные планы, мы дать не могли.

Было, однако, ясно, что для англичан было бы гораздо приятнее, если бы мы не обладали даже таким флотом, который уступал бы английскому на 50 или даже 100 процентов. Во-первых, история морских войн давала многочисленные, хотя быть может и случайные примеры, когда слабейшая сторона одерживала победу, если ей приходили на помощь особые обстоятельства и военное счастье. Главное же в политическом отношении значение германского флота заключалось в том, что он делал германскую империю способной привлечь к себе союзников по всему миру. Таким образом мы могли бы привлечь к себе благосклонность Англии единственно ценою отказа от постройки флота. Поэтому неутомимое старание британских политических виртуозов в эти годы было направлено к тому, чтобы отбить у нас всякую охоту иметь флот и, по возможности, пробив брешь в законе о флоте, привести к неудаче все наше начинание.

Основной ошибкой взгляда Бетманна-Голльвега в вопросе о флоте была его вера в то, будто бы известные поправки в нашем морском строительстве, т.-е. мелкие уступки, которые мы сделали бы англичанам в этой области, могли сколько-нибудь существенно изменить основы наших политических взаимоотношений с Англией. Напротив, для англичан было совершенно безразлично, будет ли у нас на несколько кораблей больше или меньше. Причины их неудовольствия лежали гораздо глубже, а вовсе не в дискуссиях по поводу ежегодных морских штатов, которые они умели постоянно возбуждать с величайшим искусством.

Казалось, что Бетманн-Голльвег согласен со мною в том, что закон о флоте, эта основа всего нашего будущего в миро-

вой политике, должен быть сохранен в неприкосновенности. Со своей строны, я был согласен с канцлером в том, что мы должны были всеми силами стремиться к улучшению отношений с Англией. С первого дня его вступления в должность я всегда поддерживал его в его склонности итти навстречу англичанам в отдельных вопросах, возбуждаемых ими. В особенности же я старался влиять в этом смысле на кайзера и не упускал случая поддерживать переговоры о морском соглашении, начавшиеся с 1908 года.

В течение этих переговоров, инициаторами которых явились частные посредники, и которые с английской стороны неоднократно чрезвычайно затягивались, я все более выносил такое впечатление, что английское правительство не придавало серьезного значения действительному морскому соглашению, но что оно стремилось исключительно к тому, чтобы все более внушить нашему иностранному ведомству идею, будто бы всему виною является наш флот и будто бы, не будь его, жизнь для Германии была бы земным раем. Английское правительство действовало при этом с искусством, отрицать которое невозможно; это должен подтвердить всякий, кто знает способ мышления нашего тогдашнего иностранного ведомства и неспособность канцлера проникнуть в психологию Англии. Одним из главных представителей взгляда, что единственным препятствием для полной солидарности обеих стран в области мировой политики является германский флот, был наш посол в Лондоне, фон-Кюльман.

3.

Единственный настоящий кризис англо-германских отношений в период между 1904 и 1914 годами наступил летом 1911 года; он был результатом того способа, посредством которого наше политическое руководство попыталось ликвидировать франко-германскую распрю из-за Марокко. Тогдаш-

ний министр иностранных дел, фон Кидерлен-Вехтер, которому, как и многим нашим дипломатам, недоставало чутья как раз для понимания Англии, своим неряшливым методом натворил немало беды. По его инициативе канцлер отправил 1 июля 1911 года канонерскую лодку «Пантера» в марокккский порт Агадир, а затем на запросы британского правительства о цели этой отправки в течение целых недель не давал никакого ответа. В результате, 21 июля Ллойд-Джордж произнес предварительно составленную в английском кабинете речь, в которой он предостерегал Германию, что в случае вызова с ее стороны она встретит Англию на стороне Франции.

Об отправке «Пантеры» я узнал частным образом в момент моего от'езда на летние каникулы. Если тот факт, что я, как морской министр, ничего не знал о столь важной для мировой политики отправке корабля, был уже сам по себе признаком известной дезорганизации государственного руководства, то, с другой стороны, мне стала ясна ошибочность этой демонстрации в Атлантическом океане в тот самый момент, когда я узнал, что мы предварительно не осведомили о ней Англию. Если Кидерлен полагал, что воинственный жест необходим, то он должен был сделать его на суше и направить исключительно против Франции. Само собою разумеется, я самым решительным образом воспротивился бы такому жесту. Поднять флаг бывает очень легко, однако часто обходится очень дорого спустить его, не нанося ущерба своей чести. Ведь мы не имели никакого желания затевать войну. Однако самую грубую ошибку в расчете наше политическое руководство совершило тем, что в первые недели июля оно окутало в тайну наши намерения. Кидерлен впоследствии уверял, что канцлер никогда и не думал о том, чтобы требовать для Германии уступки марокккской территории. Однако после угрожающей речи Ллойд-Джорджа дело получило такой вид, словно он уступал, только испугав-

шись занесенного меча Англии. Нашему престижу во всем мире был нанесен удар, да и общественное мнение Германии вынесло из всего дела впечатление нашего поражения. «England stopped Germany» (Англия не дала ходу Германии) таков был общий приговор мировой прессы.

С тех пор, как Бисмарк взял в свои руки политическое руководство Германией, это было первое тяжкое дипломатическое поражение, которое было тем более ощутительно, что глиняное здание нашего тогдашнего мирового положения покоилось не столько на силе, сколько, главным образом, на престиже. В момент отставки Делькассе (в 1905 г.) этот престиж оказался еще действительным; но теперь мы получили доказательство того, насколько он с тех пор уменьшился. Если мы попросту проглотили оплеуху, то этим самым мы усилили боевой задор Франции и ее «новый дух» и при ближайшем поводе подвергли себя возможности еще более глубокого унижения. Поэтому было неправильно замалчивать полученный удар, как это хотело сделать политическое руководство; напротив, следовало открыто признать его и вывести из него соответствующие заключения. Для государства, которое сознает, что благосостояние его граждан основывается не на рекламе, но на силе престижа, в подобных положениях, если оно желает избегнуть войны, существует лишь одно средство восстановить свою репутацию: оно должно показать, что не чувствует страха, и в то же время усилить свою защиту на случай новой возможности серьезных осложнений. Мы должны были сделать то, что в подобных случаях делал Бисмарк, а именно, сохраняя полное спокойствие и избегая вызывающих выступлений, внести новый закон о вооружениях.

С такими мыслями вернулся я осенью в Берлин и сделал канцлеру представление, что мы понесли дипломатическое поражение и должны загладить его новым законом о флоте. Канцлер стал возражать против слова «поражение», на ко-

торое он высказал свою обиду начальнику морского кабинета; что касается законопроекта о флоте, то он выразил опасение, что он вовлечет нас в войну с Англией.

Задуманный мною законопроект имел в виду собственно не увеличение резмеров флота, но повышение его боеспособности. Слабым пунктом нашей морской силы являлась ежегодная осенняя смена рекрут, которая при краткости у нас срока службы матросов парализовала флот в течение известного периода года. Средство повысить боеспособность без значительного увеличения числа кораблей заключалось в том, чтобы одну резервную эскадру превратить в активную, так что в будущем мы располагали бы не двумя, а тремя эскадрами действительной службы. Такая реформа организационного характера требовала увеличения строительной программы только на три корабля в течение двадцати лет и достигала с ничтожными затратами значительного качественного улучшения флота.

Ни один знаток британской политики не мог подумать, что прибавка к нашему флоту трех кораблей в течение двадцати лет была бы способна побудить Англию к войне, если бы она и без того не решилась на нее. Само собою разумеется, что и наш посол, граф Меттерних, не усматривал в этом никакой опасности.

С 1909 года и до конца войны недостаток правильного чутья являлся отличительным признаком наших руководителей внешней политики. Потому-то наша имперская бюрократия начала свою борьбу против морской реформы, руководимая страхом, что ею мы вызываем Англию на войну. Более удобного лозунга мы не могли дать Англии.

14 ноября 1911 года кайзер поручил канцлеру включить новый морской законопроект в бюджетную смету на 1912 г. 16 ноября Бетманн заявил мне, что он готов это сделать, но, как казалось, постарался обеспечить за собою одно условие. Он побудил военного министра внести военный законо-

проект; сам по себе этот факт заслуживал одобрения, однако он должен был вместе с тем отодвинуть на второй план морской законопроект; при этом канцлер, под предлогом приближающихся выборов в рейхстаг, хотел опубликовать смету на 1912 год *без* морского законопроекта. Такой шаг с точки зрения внутренней политики равнялся отказу от законопроекта, а с точки зрения политики внешней, после всего случившегося недавно, должен был нанести огромный ущерб нашему престижу. В начале января Кюльман прислал из Лондона докладную записку, в которой этот вообще неудачный дипломат ставил успех своих колониальных переговоров с Англией в зависимость от невнесения в бюджетную смету морского законопроекта; точно так же позднее (в 1916 г.) своим ложным предсказанием об'явления войны со стороны Голландии он оказал давление на решение нашего политического руководства в вопросе о подводной войне.

В январе канцлер без предварительного разговора со мной предложил кайзеру не придавать морскому проекту форму закона, но проводить его посредством ежегодных ассигновок. После того, как кайзер отклонил это новое удушение законопроекта, канцлер снова вернулся к своему требованию, чтобы образование третьей эскадры происходило постепенно и чтобы строительный темп до 1917 года заключал в себе прибавку третьего корабля только в каждом втором году.

Борьба с различными неожиданностями, при чем приходилось считаться еще с финансовыми тонкостями министра финансов Вермута, до такой степени вытеснила меня из моих позиций, что я согласился на требуемые канцлером уступки, но потребовал, чтобы никаких дальнейших сокращений не было. Канцлер уклонился от такого обещания. Тогда, 13 января 1912 года я просил кайзера принять какое-либо решение, дабы положить конец этим колебаниям, которые

были столь вредны и с внутренней, и с внешней точек зрения, и которые при всем желании не могли сохраниться втайне. Вслед за тем кайзер потребовал от канцлера ясного выступления в пользу законопроекта, при чем канцлер снова старался выиграть время, не принимая последнего решения. 25 января было окончательно установлено содержание морского законопроекта, а 7 февраля он был возвещен в тронной речи. На следующий день прибыл в Берлин английский военный министр Хольден, приглашенный имперским правительством. Атака против необходимого улучшения наших морских вооружений, исходившая из наших внутренних политических кругов, вступила в новую фазу, характерным признаком которой явилось присутствие свидетеля-иностранца.

4.

Соображения, которые предшествовали приглашению в Берлин британского государственного мужа в целях непосредственных переговоров, остались мне неизвестны.

Так как канцлер держал меня в неведении относительно своих целей и ожиданий, то я мог уяснить себе психологическое состояние английского кабинета при этих переговорах только в самом процессе бесед с Хольденом и в особенности из их лондонского эпилога. Небрежный образ действий Кидерлена вызвал в свое время грубый отпор со стороны Ллойд-Джорджа, а за ним последовало, по моему мнению, недостаточно выдержанное поведение с нашей стороны. Заискивание, проявленное нами в этой стадии отношений, вызвало в Англии только уверенность в том, что с нами справиться легко. Если теперь мы приглашали англичан в Берлин, то мы, конечно, должны были быть готовы принести какие-либо жертвы, чтобы не вовлечь себя снова в неловкое положение, которое получилось бы в результате неуспеха нашей инициативы. Нежелание Бетманна защищать законо-

проект в рейхстаге указывало англичанам тот пункт, нажимая на который они могли запугать нас, а может быть даже и вовсе сбить с толку нашу строительную программу, равно как углубить трещину, образовавшуюся в нашем политическом руководстве. Поэтому англичане охотно приняли, как неожиданный подарок, наше приглашение. Доверенный сэра Эдуарда Грея, военный министр Хольден, которого благодаря его удачной осведомительной деятельности в прусском генеральном штабе в 1906 году считали человеком близким германским кругам, был отправлен в Берлин с поручением по возможности отбить у нас охоту к морскому законопроекту, да и вообще к нашему морскому строительству. Так как в Англии понимали, что в Бетманне можно найти союзника против германского флота, так как, далее, Хольден являлся к нам, не напросившись сам, а будучи приглашен нами, то для британского кабинета не было никакой необходимости поручать ему сделать какие-либо серьезные предложения в нашу пользу. Тем не менее Хольден привез с собою нечто, имевшее вид подарка нам, о чем речь будет впереди.

Хотя очевидная антипатия канцлера к законопроекту уже значительно обесценила его с точки зрения внешней политики, все же при наличии ловкости в переговорах он представлял подходящее средство для того, чтобы предложить соглашение на основе реальных взаимных получений и уступок, даже предполагая, что англичане были не слишком склонны договариваться с нами как равный с равным.

4 февраля кайзер частным образом уведомил британское иностранное ведомство, что Германия готова пойти навстречу в вопросе морского законопроекта при условии, что одновременно она получит достаточные гарантии дружественной ориентации английской политики в том смысле, что обе державы обязались бы взаимно не принимать участия ни в ка-

кой комбинации или в таком военном конфликте, который оказался бы направлённым против одной из них. Такое соглашение в то же время дала бы возможность столковаться также и насчет расходов обеих сторон на вооружения.

Для переговоров с самим Хольденом кайзер выставил следующие принципиальные пункты: 1) морской законопроект на первых порах должен оставаться неприкосновенным, 2) Англия должна ясно изложить, какую программу она собирается преследовать: а) на основе нового законопроекта и б) на основе действовавшего до сих пор закона о флоте, 3) обсуждение вопроса об англо-германском договоре, предусматривающем союз или обоюдный нейтралитет, на основании которого можно было бы замедлить выполнение германского законопроекта, 4) требование, чтобы Англия отказалась от соотношения морских сил, равного 2 : 1, т. е. от принципа «два киля против одного» и согласилась бы на более приемлемое для нас соотношение. Канцлеру было поручено выяснить, получил ли Хольден от своего правительства полномочия вести предварительные переговоры, или он явился частным образом с целью просто позондировать почву. В зависимости от того или иного ответа канцлер должен был говорить либо от имени кайзера, либо только лично от себя. Кроме того кайзер предостерегал от преждевременного раскрытия наших козырей, в особенности он указывал на необходимости отстаивать право каждой державы самостоятельно определять средства своей обороны и сохранять в неприкосновенности морской законопроект впредь до принятия английских уступок. Как раз ввиду того, что мы внутренно решили пойти на уступки, мы, чтобы вообще достигнуть каких-либо результатов, по моему убеждению должны были соблюдать сдержанность, тем более, что Хольден, отличающийся высокой интеллигентностью и чрезвычайно искусный адвокат, принадлежал к той категории бри-

танских государственных мужей, которые ясно сознавали, что они могут играть германскими политиками.

О полуторачасовом разговоре, который Бетманн после полудня 8 февраля имел с Хольденом, мы имеем сообщения, исходящие из кругов, близких к английскому политику [1]). Если эти сообщения правильны, то канцлер заверил британского министра в своем непрестанном стремлении достигнуть соглашения с Англией и, идя навстречу Хольдену, выказал склонность растянуть на более долгий ряд годов постройку предусмотренных в законопроекте кораблей. С своей стороны он предложил собственную формулу нейтралитета. Хольден ответил на это уклончиво, выдвинул на первый план принцип «безусловной лойяльности Англии по отношению к ее соглашениям с Францией и Россией» и, как утверждает его сообщение, будто бы настойчиво указал канцлеру на английские военные обязательства по отношению к Франции, Бельгии и т. д., равно как с ударением предостерег его против германского морского законопроекта, на который Англия была бы вынуждена ответить осуществлением своего принципа «двух килей против одного». Он не пошел также на предложенную ему форму нейтралитета и, самое большее, на что он соглашался, было ничего не говорящее обязательство не предпринимать никаких *«ничем не вызванных* нападений (!)». Итак Хольден показал, что он твердо стоит на почве традиционной политики Англии.

При этом вступительном разговоре ошибка канцлера заключалась в том, что он осведомил своего собеседника

---

[1]) „The Vindication of Great Britain", Лондон 1916 и, кроме того, „The Manchester Guardian", от 1 сент. 1917 г. Во время печатания этой книги я познакомился с третьей версией из „Daily Chronicle" 1918 г. (Русский читатель может узнать точку зрения Хольдена из его книги „Перед войной", пер. Д. П. Кончаловского. Госуд. Издат., Москва, и точку зрения Бетманна из его книги „Мысли о войне", пер. В. Н. Дьякова. Госуд. Издат. Москва. *Прим. переводчика.)*

о законопроекте с теми сокращениями, которые были желательны ему самому. Если бы в качестве основы переговоров он взял законопроект в его *первоначальном* виде, то он дал бы нам в руки гораздо больший материал для компенсаций. Напротив, в угоду своей мании миролюбия Бетманн счел благоразумным в разговоре с англичанином несколько отступить от позиции официальных представителей германской вооруженной обороны, пресловутых «людей флота». Такая тактика произвела на Хольдена великолепное впечатление, облегчила ему задачу расширения той трещины в правящих кругах Германии, на которую ему указал сам канцлер, и дало возможность сочинить легенду о «военной партии», против которой приходилось бороться канцлеру.

9 февраля Хольден был принят кайзером, который пожелал принять участие в беседе, предполагавшейся первоначально между Хольденом и мной. Перед аудиенцией состоялся завтрак, на котором присутствовал также и канцлер. За завтраком о политике не говорили, однако все чувствовали себя довольно натянуто. При своем появлении канцлер просил меня не заговаривать первому о соотношении морских сил, равном 2 : 3. Чем об'яснить это желание, я не знаю; возможно, что он считал его все еще невыгодным для Англии. Вообще же канцлер не осведомил меня о состоянии переговоров, в частности о формуле нейтралитета, а во время последующей затем аудиенции, перед началом которой Бетманн удалился, я отчасти играл роль простого свидетеля, так как кайзер сам вел беседу.

В начале переговоров Хольден заявил, что он будет говорить от имени британского кабинета и с согласия своего короля, а между тем, вопреки этому заявлению, в заключение беседы он подчеркнул, что с его стороны она представляет только частную информацию. Хольден начал с того, что указал нам в перспективе обладание крупной африканской империей. Между тем как еще в январе кайзер относился

с сильным и не безосновательным недоверием к предложениям в колониальной сфере; в промежутке времени, истекшем с тех пор, удалось возбудить его честолюбие картиной грандиозного приобретения, при чем он недостаточно обращал внимание на трудности и опасные условия такой приманки.

Преувеличенность предложения колониальных владений, которые самим англичанам не принадлежали и располагать которыми они не могли, была рассчитана на темперамент кайзера. На меня это предложение произвело тяжелое впечатление, ибо средство было слишком грубо, а цель его слишком прозрачна. Уже, однажды, в прошлом, начиная с 1898 года, Англия попыталась приманить нас предложением португальских колоний, между тем как одновременно с этим она поддерживала Португалию в ее намерении вообще не продавать этих колоний. В настоящем случае, в котором мы по внешности торговались друг с другом, дело шло о том, чтобы открыть нам виды не только опять на португальские области, но также на французские и бельгийские. Таким способом Англия могла не только вести нас на поводу, но доказать нашу алчность на сей раз также французам и бельгийцам и усилить этим их зависимость от самой себя. Я восхищался Хольденом в тот момент, когда в этой перспективе будущего он с наивной скромностью заявлял для Англии притязание «*только*» на постройку железной дороги от Капштадта до Каира. Таким образом Англия получала в свое владение Африку! Если бы к английскому искусству в переговорах присоединилось еще решительное превосходство военных сил, в таком случае—горе Германии! Поведение Хольдена напомнило мне о словах того американца, который в беседе с одним германским адмиралом заявил, что, когда он сравнивает известных ему политических руководителей Германии и Англии и представляет их сидящими друг против друга за дипломатическим столом, то он удивился бы, если бы

в конце переговоров оказалось, что Германии удалось сохранить в своем владении даже Потсдам.

С своей стороны, я начал с заявления, что лично я чрезвычайно приветствовал бы соглашение. Когда в дальнейшем разговоре Хольден охарактеризовал тот принцип, что английский флот должен быть равен двум флотам других держав (two-powers standard), как традицию Британии, я предложил соглашение в смысле соотношения морских сил, равного 2 : 3, т.-е. то самое, что уже раньше предлагали Ллойд-Джордж, а позднее Уинстон Черчиль. Однако, Хольден в вежливой форме отклонил это соотношение под тем предлогом, что Англия должна гарантировать себя своим флотом против всякой возможной военной комбинации. На мое ответное замечание, что в таком случае и наша армия должна стоять на высоте для того, чтобы быть в состоянии отразить всякую возможную комбинацию, между тем, как по численности она едва равняется каждой из армий соседей, Хольден возразил, что это дело иного рода. Он заявил, что морская уступка с нашей стороны не представляет для Англии необходимости, которой он хотел бы потребовать от нас, но заметил, что морской законопроект может повредить духу всего предполагаемого соглашения. Прежде всего он осведомился относительно некоторого замедления постройки трех кораблей: не могли ли бы мы распределить их на срок в 12 лет? Тогда я попытался выяснить ему трудности, связанные с дальнейшими изменениями законопроекта, так как ввиду примирительной позиции Англии наша программа и без того подверглась значительному сокращению. При переговорах мне казалось правильным сохранять основное положение, что отступать можно лишь до предела, являющегося неизбежным, так как возможность дальнейших уступок всегда оставалась открытой. Я указал также, что Хольден должен был подумать о том, насколько его величество уже связал себя тронной речью. С этим Холь-

ден согласился и высказал взгляд, что при системе нашего военного набора нам нужна была третья активная эскадра. Требования, касающиеся военной службы и флотского персонала были для Англии безразличны. Он хотел бы иметь знак нашей готовности итти навстречу только ради формы — ведь дело шло не о денежной сумме (законопроект предусматривал прибавку только в 9 миллионов ежегодно!). Должен ли я был удовлетвориться тем, чтобы поставить в виду общую уступку в вопросе о флоте на случай политического соглашения, или же было правильнее уже в этой беседе определить границу, до которой мы считали возможным пойти навстречу? Я сделал последнее после того, как сам Хольден предложил, для того, чтобы «лучше наладить переговоры», либо замедлить темп новых построек, либо, в крайнем случае, отказаться от первого из трех предположенных кораблей. Он по собственной инициативе письменно набросал то самое предложение, которое я уже прежде сам проектировал, как возможную с моей стороны уступку. Таким образом я согласился пожертвовать этим кораблем.

За такое соглашение о нейтралитете, которое представляло бы действительно нечто солидное, я был готов отказаться от всего законопроекта, как я уже раньше говорил об этом кайзеру. В течение всех этих годов я вполне отдавал себе отчет в огромной ответственности, которая лежала на мне, и всегда предусматривал возможность взамен *действительного* равноправия в мировой политике и взамен свободы морей заплатить соответствующими компенсациями в области морских вооружений, которые я никогда не считал самоцелью. Возможность такого результата, достигнутого мирным путем с помощью только постройки флота оказалась два года спустя гораздо ближе к осуществлению, как это доказало согласие Черчиля на формулу 10 : 16. Но и в начале 1916 года, когда наш флот был слабее, чем два года спустя, я не мог знать точно, как велика была возможность

политического соглашения. Никогда канцлер не сказал мне ясно: «Конкретная цель, которой мы можем достигнуть, заключается в том-то и том-то», при совместной работе с ним всегда приходилось бродить более или менее в потем- ках; таким образом я пожертвовал третьим кораблем, посту- пив вопреки моим собственным дипломатическим принципам, не получив взамен ничего; при этом мною руководило жела- ние не ставить препятствий переговорам, которые, быть мо- жет, обещали успех.

То, что канцлер уже отказался от *первоначального* законопроекта, лишило меня возможности предоставлять компенсации за те маленькие подарки, которые давались нам в перспективах колониального будущего. Я мог жертвовать военными ценностями только взамен действительных и в известном смысле окончательных гарантий на море (соотно- шение сил, равное 2 : 3) или в политике (соглашение о нейтралитете). Отказываться от законопроекта, не получая взамен позитивных ценностей, было бы отступлением одной только нашей стороны. Однако именно этого мы должны были избегать всего более, если только мы не желали вер- нуться к эпохе английских угроз, как в 1896 и 1904 — 5 г.г., и без конца тормозить собственное движение. Именно по отношению к Англии мы должны были вести переговоры как равный с равным, если, несмотря на совершенные в июле 1911 года ошибки, мы продолжали стремиться к все боль- шему укреплению наших взаимных отношений.

Поэтому я не имел уверенности, не пошел ли я слишком далеко, для доказательства нашей уступчивости пожертвовав частью уже *сокращенного* законопроекта. Вскоре мои сомне- ния превратились в ясное понимание истинных целей Англии. Действительно, после того, как Хольден без всякой ответной уступки положил себе в карман *мою* уступку и выразил свое удовлетворение по этому поводу, он пошел дальше и в конце концов осторожно коснулся вопроса о том, следовало ли

вообще выполнять самый закон о флоте. Но тут вмешался кайзер, и Хольден поспешил спрятать свои щупальцы. Тем не менее у меня осталась уверенность, что английские желания направлены собственно не против такого пустяка, как три корабля законопроекта, но против действующего закона о флоте. В беседе Хольден сам при случае признал, что увеличение флота на три корабля, предусмотренные в законопроекте, вообще не играло никакой роли.

После того, как мы по внешности пришли к полному единению, а уступка была сделана только с нашей стороны, Хольден, как уже сказано, заявил, что вся беседа представляет пока только личную информацию. Тем не менее, хотя дальнейшие переговоры в Лондоне потерпели неудачу, я остался верен своему обещанию пожертвовать одним судном, дабы не оставлять никакого сомнения в нашей доброй воле.

Настоящие деловые переговоры с Хольденом были затруднены вследствие присутствия кайзера. Когда беседа перешла на вопрос, имеющий для нас решающее значение, а именно, на политическое соглашение, Хольден ответил уклончиво, что, мол, обязательство нейтралитета невозможно ввиду английских отношений к Франции.

Когда мы покинули дворец, Хольден выразил свое удовлетворение нашей беседой. Меня эта беседа привела к заключению: 1) что законопроект для англичан представлял вещь второстепенную, а их настоящая цель заключалась в парализовании развития нашего флота и 2) что для этой цели англичане с своей стороны не предлагали *ничего* такого, что можно было бы рассматривать, как честное морское соглашение на основе соотношения сил, указанного Ллойд-Джорджем в 1908 году. Им было скорее желательно, чтобы мы принципиально приняли неизменную и обесценивавшую наш собственный флот формулу «два киля против одного», что на долгое время означало бы подрыв нашего закона о флоте. Если бы мы подчинились этой формуле, то

Англии нужно было только удовлетвориться в течение нескольких лет постройкой двух или трех кораблей, чтобы в силу уговора заставить нас строить только два или полтора корабля ежегодно. Таким образом закон о флоте отпадал; момент риска для Англии, представляемый нашим флотом, был бы устранен, самый флот утратил бы свой raison d'être, а Германия потеряла бы всякую ценность в качестве возможной союзницы для кого бы то ни было в мировой политике. Нам думали навязать подобное отступление потому, что мы видимо так сильно стремились к «соглашению» какою бы то ни было ценою. Далее, беседа привела меня к заключению, 3) что Бетманновская формула нейтралитета не подверглась обсуждению, но что 4) наше морское подчинение должно было быть вознаграждено исключительно обманчивыми видами на африканские владения английских вассалов, а именно: французов, бельгийцев и португальцев, каковые виды были рассчитаны на фантазию кайзера и жажду успеха некоторых наших дипломатов.

Итак, Хольден действовал не на деловой основе: он, прежде всего, попытался вести переговоры для видимости, будучи готов подсластить нам наше подчинение и дать иллюзию некоего политического соглашения и колониального приобретения, если взамен этого мы практически согласимся стать в вассальное отношение к Англии.

Истинное лицо Англии обнаружил несколько явственнее первый лорд адмиралтейства, Уинстон Черчиль, который 9 февраля, в тот самый момент, когда Хольден, держа под мышкой подаренный ему бронзовый бюст кайзера, спускался по дворцовой лестнице в Берлине, произнес в Глазго за завтраком речь, в которой он назвал германский флот «роскошью».

Пока господствовал взгляд на германский флот, как на роскошь, пока английский кабинет сам отвергал соотношение морских сил, равное 2 : 3, предложенное некогда

Ллойд-Джорджем, до тех пор было бесполезно, а при образе мыслей наших политических руководителей в дипломатическом отношении даже вредно, приглашать в Берлин британских министров, которые не предлагали нам ничего, но взамен не без ловкости сеяли раздоры в нашей собственной среде.

Если бы Хольден обнаружил склонность к какому-либо разумному соотношению морских сил, то я был готов сказать ему: коль скоро соотношение, равное 2:3 получит право гражданства, а между нашими странами установится прочная дружба, тогда наступит подходящий момент завести речь о соответствующем изменении также и действующего закона о флоте. Однако метод переговоров, применяемый английским министром, рассчитанный на мороченье наших иллюзионистов, а не на заключение обоюдной сделки, само собою разумеется, заставил меня сохранить при себе мою мысль, которая могла быть правильно принята лишь после того, как Англия признала бы наше мировое положение и предложила бы нам взамен осязательные ценности. Если вообще была возможность принудить Англию к серьезным переговорам вместо тогдашней видимости переговоров, то она могла быть достигнута только нашей стойкостью в главном вопросе, а именно в законе о флоте.

Какие выводы извлек канцлер из неудачи этой своей попытки соглашения, которая с самого начала обнаружила непонимание английской души и базировалась на нереальных предпосылках? Канцлер стал искать козла отпущения и таковым в первый момент должен был оказаться я, ибо я не соглашался слепо и без ответного дара пожертвовать германским флотом.

О заключительной беседе, которую Хольден вел 10 февраля с канцлером, сообщение в «Manchester Cuardian» говорит следующее: «Хольден интересовался, главным образом, вопросом о флоте, и его обычный аргумент, что политическое

соглашение останется нереальным, пока Германия не пойдет на некоторые уступки в области флота, не уменьшил подавленного настроения канцлера, который, однако, решился, насколько было в его силах, не дать идее соглашения с Англией потерпеть фиаско по вине Тирпица».

Переговоры продолжались затем в Лондоне. Их течение делало все более ясным, что Англия стремилась лишь к тому, чтобы склонить нас на односторонние уступки в постройке флота, не давая нам взамен каких-либо ценностей. Иностранному ведомству не терпелось выполнить это одностороннее подчинение, и теперь оно оказывало давление на меня в смысле отказа от трех кораблей законопроекта. Это требование равнялось отказу от всего законопроекта. В таком случае мы уже не могли требовать также и увеличения людского состава, ибо все обоснование законопроекта после отказа от кораблей становилось нелогичным. Что здесь, не говоря уже о военном ослаблении себя вследствие сокращения реформы после всего происшедшего и особенно после того, как кайзер столковался с Хольденом, таился безответственный ущерб нашему престижу и вместе с тем мы вступали на покатую дорогу, где уже не было возможности остановиться, этого иностранное ведомство не могло взять в толк. Дальнейшая скорбная история законопроекта, подробности которой рассказывать здесь не место, показала, что наша дипломатия все более позволяла навязать себе ту точку зрения, будто бы Англия вправе определять размеры наших вооружений. Стойкость кайзера в конце концов предотвратила нашу капитуляцию и отказ без взаимной уступки англичан от законопроекта, торжественно возвещенного в тронной речи. В результате всего происшедшего канцлер должен был все же почувствовать несостоятельность нашего представительства в Лондоне, ибо наш тогдашний посол был заменен крупнейшей дипломатической величиной, бароном фон-Маршаллем.

5.

Князь Бюлов в 1908 — 1909 г.г. умел в неприкосновенности сохранять достоинство Германии, как ни хлопотал он об улучшении англо-германских отношений. Напротив, в 1912 году избранный нами метод переговоров дал англичанам возможность взять по отношению к нам тон господина, от которого они, однако, корректным образом вновь отказались, когда заметили, что мы все же не намерены итти к ним в подчинение. Столь заметное улучшение англо-германских отношений с весны 1912 года заставило даже Бетманна и Кюльмана в годы, предшествовавшие войне, признать без оговорок, что принятая мною точка зрения была правильна. Даже своим поведением в июле 1914 года Бетманн признал, что он видит во мне орудие мира. Когда, затем июльская катастрофа 1914 года возникла под действием факторов, которые не имели ничего общего с германским флотом, то Бетманн-Голльвег, конечно, снова вернулся к своему взгляду, которого он придерживался в феврале 1912 года, будто бы я являюсь козлом отпущения; в этом он нашел широкое одобрение, во-первых, со стороны англичан, которым нужно придать такой оборот делу, будто бы я являюсь подстрекателем к войне, а, во-вторых, со стороны германской демократии, которая теперь, после исхода войны, с радостью отказывается от того понимания необходимости военной опоры для Германии, которое ей было свойственно в период от 1900 — 1914 годов. Таким образом я и оказываюсь виновником неудачи честных примирительных попыток Хольдена.

В политике существуют кабинетные ученые, которые заявляют: в течение еще двух десятилетий нам, по примеру Бисмарка, следовало бы повременить с постройкой флота, пока мы не достигли бы на суше полного превосходства. Этим лицам, которые, очевидно, стоят в сущности на точке зрения Каприви, следует обратить внимание на то, что сказал сам

Бисмарк о неизбежном расхождении между Германией и Англией и о его причинах. Согласно своему трехсотлетнему государственному принципу Англия никогда не потерпела бы, чтобы какой-нибудь сильный экономический соперник, а тем более Германия, достиг преобладающего положения на континенте, не говоря уже о том, являлось ли такое положение целью, к которой нам следовало бы стремиться. Англия тем решительнее также и военными средствами стала бы противодействовать распространению нашей мощи на материке, чем менее сама она чувствовала перед нами страха. Поэтому уже в девяностых годах в Англии был ослаблен антагонизм с Францией и Россией, наоборот, антагонизм с нами был вызываем нарочно. Напротив, в 1914 году Германия, защищенная своим флотом, который почти уже миновал опасный период своего существования, успела мирным путем завоевать положение четвертой мировой державы, при чем Англии не удалось найти повода для вмешательства в это мирное преуспеяние. Только совершенно исключительные ошибки с нашей стороны могли доставить ей эти поводы в столь поздний момент. Один выдающийся государственный человек Германии назвал совершенный нами промах первоклассным шедевром дипломатического искусства, правда, в отрицательном значении. К мировому могуществу, кроме постройки флота, для нас иного пути не существовало. Никакой народ не может приобрести высшую ступень благополучия задаром, просто как подарок. Морская сила была естественной и необходимой функцией нашего народного хозяйства, которое в смысле мирового влияния спорило из-за первенства с Англией и Америкой, а все остальные народы уже опередило. Подобное положение таит в себе опасность; оно становится невыносимым, если налицо не имеется внушительной морской силы, которая делает для конкурента рискованной всякую попытку поразить на-смерть своего преуспевающего соперника.

Конечно, нашим отечественным доктринерам трудно внушить сознание того, что развитие мирового хозяйства и морской мощи народа совершается не по команде, но органически вытекает из внутреннего его развития, и что народ, насчитывающий семьдесят миллионов, скученный на тесной территории своей страны, не имея исключительной по размерам вывозной торговли, в буквальном смысле обречен на голодное существование.

6.

Годы, последовавшие за посещением Хольдена, принесли с собою улучшение англо-германских отношений, которое в Германии было встречено с единодушным сочувствием, но из которого, как оказалось впоследствии, были выведены частью ложные заключения. Наша морская политика в 1912 г. доказала свое миролюбие односторонним пожертвованием третьего корабля законопроекта и, что особенно важно, переходом в этом году с четырехтактного темпа постройки к двухтактному. В военном отношении это было небезопасно, так как это увеличивало преимущество англичан перед нами и фактически с осени 1915 года ухудшало наши шансы в случае морского сражения. Однако это реальное доказательство нашего миролюбия, которое никакая софистика не могла лишить его истинного смысла, получило политическое значение; оно принесло нам плоды и принесло бы еще большие плоды, если бы июльские события 1914 года, о которых речь впереди, не оборвали начавшееся благоприятное развитие.

При обсуждении растущей готовности англичан притти к соглашению с нами я хотел бы ограничиться лишь теми явлениями, которые относятся к морскому делу. Первый лорд адмиралтейства в 1912 году еще надеялся с помощью Хольдена навязать нашему флоту, рассматриваемому им как

«роскошь», английский принцип «два киля против одного»; но уже в 1913 году он согласился на предложенное Ллойд-Джорджем в 1908 году, а мною в 1912 году соотношение, равное 2 : 3 в несколько измененной форме — 10 : 16. Таким образом англо-германское морское соглашение было на практике достигнуто, и так как мы не предполагали больше никаких новых законопроектов, то по существу англо-германские морские переговоры этим были закончены и, таким образом, это яблоко раздора устранено. Я хотел, чтобы это благоприятное развитие совершалось без помех. Благонадежность германской политики была нашим лучшим оружием. Поэтому, в начале 1914 года я всячески противодействовал склонности наших иллюзионистов придавать слишком большое значение тому, что англо-германский антагонизм пока уладился. В это время кайзер в целях усиления службы флота в иностранных водах, которое соответствовало также и моим видам, намеревался предложить дополнительную смету для постройки новых четырех маленьких крейсеров, которые должны были служить на будущее время поддержкой наших растущих политических интересов в Средиземном море. Я возбудил самые серьезные сомнения насчет внезапного предложения дополнительной сметы, обоснованной подобными мотивами, которые могли вызвать политические осложнения того же рода, как и отправка военной германской миссии в Константинополь, произведенная без моего предварительного ведома и вызвавшая во мне глубокое сожаление. Чрез посредство начальника морского кабинета я просил об отставке, но моя просьба была оставлена без последствий. С своей стороны я намеревался осенью 1914 года внести дополнительную смету по случаю временного отбытия одного дивизиона линейных судов на всемирную выставку в Сан-Франциско, а при этом дополнительно испросить в порядке сметы пополнения средств для усиленной службы судов в иностранных водах. По челове-

ческому разумению также и в отдаленном будущем не предвиделось повода для внесения нового законопроекта. Я даже и не думал о дальнейшем увеличении числа наших броненосцев, напротив, в случае продолжения злосчастного роста размеров кораблей я предусматривал возможность сокращения их числа.

В момент, последовавший за посещением Хольдена, когда англичане ввиду нашего чрезмерного стремления к соглашению временно льстили себя надеждой, что с нами можно будет обращаться вроде как с Португалией, лондонское правительство, правда, отвергло взаимное обязательство нейтралитета, однако, выразило готовность дать обещание не участвовать в «ничем не вызванных (!) нападениях» против нас. За это ничего не значащее оказание дружбы Англия поставила кайзеру два условия, во-первых, чтобы законопроект о флоте был вовсе взят обратно, и, во-вторых, чтобы Бетманн оставался и впредь на своем посту канцлера. Это требование кайзер формально отклонил, как вмешательство в нашу внутреннюю политику. Когда между двумя народами, которые при условии правильной политики бывают довольны друг другом, как, напр., русские и немцы, интересы оказываются совпадающими, тогда желательно, чтобы доверие между их руководителями достигало высшей степени. Но когда резкие противоречия, хотя и сдерживаемые в узде, не могут быть примирены, как между Германией и Англией, то любовь к государственному человеку противной стороны не может подниматься выше известной температуры, не создавая некоторой опасности. Все же желание англичан было исполнено, и Бетманн остался на своем посту. Когда кайзер рассказывал мне об этом предложении англичан, он прибавил, что между прочим я получил характеристику «опасного человека» (a dangerous man). Я ответил, что за всю жизнь не получал лучшей похвалы.

В то время я еще не отдавал себе вполне отчета, насколько образ мыслей многих немцев отличается от политического инстинкта прочих народов; для этих немцев свидетельство «безопасности», выданное государственному человеку родной страны противником-иностранцем, является рекомендацией также и в своем отечестве.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

1.

Во время Кильской недели 1914 года наш посол в Лондоне, князь Лихновский, сообщил мне, что Англия примирилась ныне с постройкой германского флота; не может быть и речи о войне из-за нашего флота или нашей торговли; отношения с Англией стали удовлетворительны, наше взаимное сближение с нею растет. К этому сообщению он прибавил вопрос, можно ли ожидать внесения нового законопроекта о флоте? На это я ответил: «в таковом мы более не нуждаемся».

В течение этой же Кильской недели улучшение наших отношений с Англией нашло себе выражение в том, что теперь впервые за последние девятнадцать лет явилась к нам в гости британская броненосная эскадра. Я угощал завтраком у себя на корабле английских офицеров и великобританского посла, когда пришло известие об убийстве австрийского наследника. Спустя два дня английские суда отплыли обратно. 2 июля, как уже было предположено раньше, я отбыл в Тарасп для лечения. Весть об убийстве произвела на нас всех самое тягостное впечатление. Ожидали, что преступление вызовет возмездие в той или иной форме, и, следовательно, также известную напряженность европейских отношений. Мировой войны я не опасался. Кто ре-

шился бы возложить на себя такую ответственность? Кроме того наша военная разведка указывала на то, что если вообще пришлось бы считаться с нападением России, то никак не ранее 1916 года. Подозрение, что Сараевское убийство было задумано с ведома царя или Англии, никому не приходило в голову.

Ежедневное чтение английских газет и наши правительственные сообщения позволяли мне следить за тем, как утихает травля Германии в Англии и как улучшаются наши взаимные отношения. Правда, основное впечатление, что нам не желают давать хода, не изменилось; ни минуты нельзя было забывать о том, что в Англии все еще держались правила подавлять германское влияние. Однако в широких кругах Англии чувствовали, что момент, когда можно было повергнуть нас одним ударом, упущен. В 1897 г. хладнокровно обсуждался вопрос о разрушении лишенной защиты флота Германской империи. Еще в 1905 г. первый лорд адмиралтейства открыто грозил сокрушающим нападением крохотному германскому флоту. Даже в 1908—1909 г.г. боснийский кризис вызвал припадок страха перед нашим флотом, но не угрозу; меч уже не так свободно сидел в ножнах, тон Англии был уже не так высокомерен и груб, однако все еще очень неспокоен. В 1911 — 12 г.г., в годы Агадира и Хольдена, к враждебному тону примешивалась известная сдержанность и возрастающая осторожность. Когда в 1912 г. мы отклонили последнюю попытку навязать нам английскую гегемонию, выраженную во взаимном соотношении флотов, как 2 : 1, британские министры вскоре затем об'явили, что постройка нашего флота при отношении 10 : 16 для них приемлема, и при всех случаях стали оказывать нам более внимания. В 1912—14 г.г. они содействовали нашей поддержке австрийской точки зрения, при чем однако, должно оставить в стороне вопрос о том, насколько при этом принималось в соображение, как параллельная

цель, углубление русско-германских разногласий. В июле 1914 г. Англия, как мне стало известно позже, не имела никакого желания вызвать мировую войну из-за Сербии. Это об'ясняется присущим народу купцов особенно сильным желанием до тех пор сохранять всеобщий мир, пока собственный его интерес не подвергается опасности. Напротив, было бы ошибкой истолковывать такое поведение дружеским расположением к Германии. Англия охотно воспользовалась всяким ослаблением нашей бдительности, чтобы вернуть германский народ в то жалкое состояние, из которого его вывело только государство Гогенцоллернов и Бисмарка.

При этом благодаря усилению русской мощи опасность мировой войны сделалась в общем ближе, с тех пор, как Россия примкнула к Антанте, а наша, часто неловкая политика по отношению к соседке не сумела смягчить напряженное положение. Вооружения России и Франции были доведены до крайнего предела. В покровительстве этим приготовлениям и лежащим в их основе завоевательным аппетитам несомненно заключается вина Англии перед историей, тем более, что сама она, вследствие того, что война для нее сделалась рискованнее, стала в отношении к нам более осторожна, так что в неустойчивом состоянии Европы, созданном Англией, ее более трезвое поведение до известной степени уравновешивало возможности взрыва, заключающиеся в Антанте.

В самом деле, полвека мирного роста Германии сделало нападение на нее трудно выполнимым. Кабинет и общественное мнение Англии все более стали видеть собственный интерес в том, чтобы дать нам участие в мировом экономическом обороте. По мере того, как Англия сживалась с этой мыслью, в самой Германии теряли авторитет те, которые рассматривали английское преобладание, как нечто установленное свыше, а германскую мощь, как нечто необычное

и непозволительное. Также и те лица, которые раньше ставили себе целью не «раздражать» Англию собственным флотом, теперь, видя более вежливое обращение с окрепшей Германией, начали сознавать себя гражданами, защищенными собственными силами отечества. Мы почти уже переплыли неизбежную «опасную зону» постройки флота и стояли близко к нашей цели, а именно к мирному равенству с Англией.

С нашей стороны Англия отнюдь не опасалась нападения. Ручательством в этом ей служило наше невыгодное стратегическое положение в водном треугольнике, которое несколько сокращало боевую силу нашего флота и при отсутствии сильных на море союзников делало всех ответственных лиц Германии несклонными к войне. Ручательством этому служила также пропорция наших и английских морских сил, далее общеизвестное миролюбие кайзера, наипаче же всего самый факт нашего мирового положения, которое во время мира и благодаря миру получало такие выгоды, которые были совершенно недостижимы путем даже самой славной войны.

В своих беседах с немцами английские государственные люди, конечно, не придавали значения тому обстоятельству, что их почтительный тон и устранение возможности британского нападения на нас были существенным образом вызваны появлением в Северном море нашего флота, постройка которого близилась к завершению. Само собою разумеется, что они говорили только о собственном миролюбии, мало касаясь фактов, укреплявших это миролюбие. Теперь-то англичане довольны, что война произошла, в том смысле, как после об'явления войны американский посол Герард сказал мне, что ему непонятно, каким образом мы допустили войну, ибо через несколько лет мы опередили бы Англию мирным путем. Однако в июле 1914 г. англичане едва ли могли предполагать, что руководители Германии не позволят своему

флоту нанести им удар. Поэтому они думали о войне не с легким сердцем. Столь гениально созданная политика окружения, долженствовавшая затравить благородную дичь, Германию, благодаря укреплению нашего положения, была близка к тому, чтобы поетрпеть фиаско. Поскольку я честно послужил делу сохранения мира, я с удовлетворением оглядывался назад на труд моей жизни и чувствовал, что завершение закона о флоте уже близко, вместе с чем я мог бы передать моему преемнику законченное создание.

В течение своей долголетней истории Германия еще никогда не была среди великих мира сего в таком почете и в таком богатом расцвете, как в те дни. Согласно суждению опытных знатоков внешнего мира, как, например, князя Бюлова, мы уже были «по ту сторону перевала», и наше право на мировое значение было осуществлено. Оставалось немного лет спокойного, искусного руководства, и наше положение, как мирового народа, стало бы непоколебимо. Случай, который некиим образом символизирует трагизм мировой войны, сделал так, что как раз в день ее об'явления нашему лондонскому послу было представлено для подписи уже парафированное англо-германское колониальное соглашение.

Недоброжелательства Антанты нельзя было ни на минуту упускать из виду. Однако для германского государственного искусства положение было вовсе не безнадежно, когда летом 1914 года со стороны сербов последовал вызов Австрии. Следовало только действовать своевременно и открыто. Непосредственное обращение кайзера к царю с призывом оказать содействие в деле возмездия, обещало успех, и во всяком случае оно сделало бы наше политическое положение более благоприятным.

Что касается Германии, то опасный пункт заключался для нее не в воинственных стремлениях, но единственно в роковой посредственности управлявших ею политиков.

2.

5 июля 1914 года австрийский посол передал в Потсдаме кайзеру личное письмо императора Франца-Иосифа вместе с меморандумом, составленным еще до покушения на эрцгерцога. Как мне было сообщено в Тарасп, письмо и меморандум утверждали, что нити заговора восходят в Белград. Австрийское правительство намеревалось пред'явить Сербии требование самого полного удовлетворения, а в случае отказа — отправить в Сербию войска.

Кайзер Вильгельм, движимый рыцарскими чувствами, обещал австрийскому императору верную поддержку против сербских убийц. Согласно заявлению, сделанному кайзером моему заместителю утром 6 июля в парке Нового Потсдамского дворца, он считал вмешательство России невероятным, так как царь не станет поддерживать цареубийц, а Россия еще не готова к войне в финансовом и военном отношениях. Далее кайзер несколько опрометчиво предполагал, что Франция будет удерживать Россию, благодаря собственному неблагоприятному финансовому положению и недостатку тяжелой артиллерии. Об Англии кайзер не упоминал; о возможности осложнений с нею вообще и не думали. Итак, сам кайзер считал серьезную опасность невероятной. Он надеялся, что Сербия уступит, но тем не менее полагал необходимым быть готовым также на случай иного исхода австро-сербской распри. На этом основании уже 5 июля он вызвал в Потсдам рейхсканцлера Бетманна-Голльвега, военного министра фон-Фалькенгайна, товарища министра иностранных дел Циммерманна и начальника военного кабинета фон-Линкера. При этом было решено избегать мероприятий, которые могли бы возбудить внимание политического мира или вызвать особые расходы. Затем по совету канцлера кайзер отправился в уже раньше предполагавшуюся поездку по Северному морю.

Согласная конституции задача канцлера и высший его долг заключались в том, чтобы рассмотреть обещание, данное Австрии с точки зрения интересов Германии и сохранить в собственных руках его выполнение. Решение кайзера канцлер одобрил в предположении, что и без того поколебленное достоинство Австрии, как великой державы, падет окончательно, если она не получит удовлетворения со стороны жаждущего завоеваний сербского государства. Возможно, что на него оказали влияние также воспоминания о боснийском кризисе 1908—1909 г.г.

Мне ничего неизвестно о политической деятельности кайзера во время его морской поездки. Я однако имею основание думать, что он не видел серьезной угрозы для мира. Когда кайзер считал, что миру не угрожает опасность, он охотно распространялся в воспоминаниях о своих славных предках. Напротив, в моменты критические он вел себя чрезвычайно осторожно. Если бы он остался в Берлине, а правительственная машина продолжала бы работать нормально, то, быть может, уже в середине июля он нашел бы пути избежать войны. Но так как начальник генерального штаба, военный министр, начальник морского штаба и я в течение ближайшего времени удерживались вдали от Берлина, то дело попало в монопольное ведение канцлера, который, будучи неосведомлен в общеевропейском положении, не мог определить ценность своих сотрудников в иностранном ведомстве.

Даже письменно канцлер не запросил моего совета.

После опыта мировой войны можно было бы поставить вопрос, не должна ли была Германия своевременно столковаться с соседями и наследниками австро-венгерской монархии о ее разделе. Однако, если мы преследовали противоположную политику, которая соответствовала долгу верности и нашему историческому развитию и поддерживала нерушимость и цельность габсбургской монархии, как союзника, то канцлер был прав, считая необходимым получить доста-

точное удовлетворение Австрии со стороны Сербии. Ошибка, совершенная в Берлине и Вене, начинается только в вопросе о выполнении задуманного шага. Вопреки предостережениям графа Тиссы, Бетманн и Берхтольд не умели себе представить, что достаточное удовлетворение можно было получить не только путем угрозы вступления австрийских войск. Таким образом с самого начала Берлин поставил себе двоякую цель: во-первых, поддержать колеблющуюся Австрию в быстром и энергичном выступлении, а во-вторых, «локализировать» конфликт. В случае возможного неудовлетворительного ответа со стороны Сербии Австрия должна была настаивать на удовлетворении посредством отправки войск в Сербию, при чем согласно намерению Вены, встреченному, впрочем, скептически в Берлине, Болгарии предоставлялся случай примкнуть к военным операциям. Однако на-ряду с этим предполагалось пустить в ход все средства, чтобы не дать этой местной, ограниченной Балканами, войне распространиться на Европу. Вопреки самому ревностному стремлению канцлера сохранить мир между великими державами, мировая война все же разразилась; поэтому возникает вопрос, каким образом, несмотря на несомненное право Австрии на удовлетворение и чистку заговорщического гнезда в Сербии, каким образом, далее, несмотря на все усилия германского правительства сохранить мир, враги Германии сумели почти весь свет убедить в том, что в мировой войне виновна Германия.

В дальнейшем я намерен сообщить некоторые данные для решения этой загадки, что возможно только путем исследования политической психологии Бетманна-Голльвега.

Как я узнал спустя несколько лет, уже 11 июля иностранное ведомство в Берлине имело убедительные данные, что Антанта даст в Белграде совет уступить. Таким образом, концлер получал в свои руки средство, чтобы развязать узел. Однако, из предположения, что Антанта не желает

войны, он сделал близорукое заключение, что Австрия может, не считаясь с Антантой, осуществить отправку войск в Сербию, не подвергая опасности мир Европы. Ибо, как сказал Циммерманн уже 8 июля, в Берлине предполагали, что «если Австрия вступит в Сербию, Англия и Франция совместно с нами постараются воздействовать на Россию в целях локализации конфликта». Тут сказывалась недооценка прочности связи между тремя великими державами, а значит и опасности всеобщей войны. Понятное нежелание людей сознаваться в совершенных ошибках, мешает ныне канцлеру и его сотрудникам открыто признать их тогдашний оптимизм, оказавшийся столь гибельным для Германии. Однако в сообщениях моих собственных подчиненных я имею достаточное количество отражений тогдашнего настроения на Вильгельмштрассе.

13 июля канцлер получил сведения о важнейших пунктах предположенного ультиматума, о чем дал мне знать в Тарасп мой заместитель в министерстве. Относящееся сюда место адресованного мне сообщения гласит следующее:

«Наш посол в Вене, фон Чиршки узнал, частным образом, а также и от самого графа Берхтольда, что нота, отправляемая Австрией Сербии, поставит следующие требования:

1. Прокламация короля Петра к своему народу, в которой он призовет народ воздерживаться от великосербской пропаганды.

2. Участие одного из высших австрийских чиновников в расследовании покушения.

3. Отставка и наказание всех офицеров и чиновников, коих участие в покушении будет доказано».

О том, что Антанта советовала в Белграде держаться мирно, как в то время оптимистически предполагали на Вильгельмштрассе, мне не было неизвестно. Мне и по сей день кажется странным, что Антанта не смогла представить убедительных документов, свидетельствующих о ее воздей-

ствии на Белград в целях мира. Когда я получил вышеупомятнутое сообщение в Тараспе, первое мое впечатление было таково, что подобный ультиматум для Сербии окажется неприемлем и легко сможет привести к мировой войне. Я не верил в возможность в виду России «локализировать» вооруженное выступление Австрии против Сербии, равно как и в нейтралитете Англии в случае континентальной войны. В этом смысле я написал моему заместителю и посоветывал притти к соглашению с царем. Однако мой совет не оказал никакого влияния.

Опасность положения я усматривал в том, что конечным звеном в цепи Антанты являлась Англия.

Традиционное недоброжелательство панславизма к Германской империи и русско-австрийское соперничество на Балканах, несмотря на встречу в Потсдаме в 1910 г., продолжали существовать, а русская интеллигенция была раздражена нашей балканской политикой 1908—1914 г.г. Круги «Нового Времени» желали войны, хотя и не раньше 1916 г. Все же Сазонов и царь достаточно крепко держал вожжи в руках, так что, по моему глубокому убеждению, наша политика еще могла отвратить от нас и от Австрии стремление России к экспансии (расширению), при условии дать ему выход в других, для нас не существенных направлениях. Только неумелость нашей политики дала перевес русской военной партии и в конце-концов позволила Сухомлинову обмануть царя.

Правда, Россия не имела никакого нравственного права начать войну из-за наказания Белграда, однако, нельзя было пренебрегать опасностью, что широкие русские круги смогут этого потребовать. До ультиматума я, конечно, был убежден в том, что исполненные взаимного доверия переговоры с царем удержат петербургскую военную партию; однако если бы мы стали действовать слишком резко, то можно было рассчитывать почти наверняка, что Англия,

согласно своей вековой политической традиции поддерживать «континентальное равновесие» в ее собственном смысле, вызовет войну. В разговоре с принцем Генрихом, посетившим меня в Тараспе в середине июля, я подчеркнул этот риск пробудить дремлющее стремление Англии к войне. Мой взгляд разделяли также присутствовавший там министр фон-Лёбелль и саксонский посланник фон-Зальца.

Вопрос о перерыве моего лечения был решен отрицательно, ибо канцлер передал мне свое желание, чтобы я не возвращался в Берлин, дабы не возбуждать излишнего внимания. Даже 24 июля из канцелярии канцлера было по телефону передано в морское министерство, что мое возвращение ухудшит положение. Самовольное возвращение я считал некорректным да и бесполезным, тем более, что канцлер, задетый за живое исходом спора из-за морского законопроекта 1912 года ревниво держал меня подальше от иностранного ведомства и начал распространять слухи, будто бы я вмешиваюсь в его политику. Вообще же из ежедневных сообщений моих подчиненных, которые, конечно, были лишь частично осведомляемы иностранным ведомством, я не мог составить себе ясную картину положения и находился под тем впечатлением, что ни одна держава не решится взять на себя ответственность за расширение конфликта. К такого рода напряженным моментам мы привыкли уже давно. Бюлов всегда умел справляться с ними. Обострение положения после отправки ультиматума, в особенности же весть о возвращении нашего флота в свои порты заставила меня в конце-концов вернуться домой 27 июля, не спрашивая канцлера.

Ультиматум был представлен сербскому правительству 23 июля. Первоначально предполагалось сделать это 16 июля; однако Вена отсрочила передачу, чтобы выждать от'езда из Петербурга президента Пуанкаре, настроенного вообще воинственно. Об этой отсрочке в Берлине сожалели, ибо,

таким образом, свежее впечатление покушения и мотив австрийского вмешательства утратили свою силу. В этом расхождении взглядов Вены и Берлина оба правительства ставили себе целью сохранение европейского мира; они лишь по-разному понимали тот способ, какой был нужен, чтобы запустить руку в сербское осиное гнездо, не подвергая опасности этот мир. Без сомнения Берлин стоял на более правильной точке зрения. Если уже вообще было признано необходимым посылать войска в Сербию, что впрочем было гораздо рискованнее, чем воображали авторы проекта, то действовать следовало быстро и импозантно, для того, чтобы после захвата залога, тем с большей готовностью завязать переговоры.

Самую трудную психологическую загадку представляет германская политика в тот момент, когда стал известен ответ Сербии.

25 июля Сербия в главном приняла требования австрийского ультиматума и выразила готовность вести переговоры об остальном. Мне неизвестно, в какой мере Англия, Россия, Франция и Италия своим давлением в Белграде способствовали этому до известной степени дипломатическому успеху Австрии. Во всяком случае невозможно отрицать, что сербский ответ означал неожиданный шаг навстречу, и я не думаю, что австрийское правительство обнаружило верный взгляд, когда оно признало этот ответ неприемлемым в качестве основы для дальнейших переговоров. Бетманн-Голльвег и граф Берхтольд не поняли, насколько существенен был уже достигнутый дипломатический успех. Так как честь Австрии была спасена, а Бетманн-Голльвег стремился во что бы то ни стало предотвратить европейскую войну, то ее опасность уже 25 июля могла бы, вероятно, считаться устраненной, если бы Австрия приняла во внимание уже достигнутый ею успех. Можно было назначить Сербии короткий срок для немедленного выполнения сделанных ею уступок в ка-

честве условия для переговоров об остальных требованиях. Если бы далее последовало международное вмешательство по поводу также и этих требований, то это обстоятельство не уменьшило бы той огромной ценности, которую представляло для Австрии уже достигнутое с согласия Англии унижение Сербии.

Дело приняло иной оборот. Бетманн и Берхтольд не сумели ясно разглядеть те невесомые факторы, которые выступали на сцену, если они делали этот сербский ответ основанием для отправки войск. Хотя ответ давал возможность для дальнейших переговоров, его оставили без последствий, не замечая, как опасно усиливали при этом позицию петербургской военной партии. Уверенность в мирных намерениях Антанты, особенно Англии, порождала у государственных людей Германии и Австрии надежду на локализацию сербской распри и приводила Вену к чрезмерному повышению тона против Сербии. С целью помешать Сербии подкапываться под Австрию, бросились в гораздо большую опасность и, чтобы спастись от дождя, прыгнули в воду.

Напряженность положения побудила в особенности канцлера и Эдуарда Грея выступить с предложениями посредничества. Я не могу говорить об ошибке, которую, по моему убеждению, совершил канцлер по отношению к начавшимся 25 июля британским предложениям посредничества, не указав предварительно на то, что канцлером руководили наилучшие намерения.

Свое стремление не допустить мировой войны канцлер безусловно, убедительным образом, выразил в дипломатических шагах. Я имею здесь в виду его содействие возобновлению прерванных по недоразумению австро-русских переговоров, затем непосредственное умеряющее воздействие Бетманна на Вену, начиная с отклонения сербского ответа, и, наконец, добровольное предложение посредничества, имевшее в виду ограничить австрийскую оккупацию Сербии сроком,

когда Сербия даст с своей стороны требуемое удовлетворение. К этим доказательствам миролюбия Бетманна присоединяются другие, о которых речь будет позже. Однако, каким образом стало возможно, что вопреки всей доброй воле дело мира потерпело крушение? Причина в том, что в самой своей основе ложная надежда на действительное желание мира у Антанты, особенно у Англии, которая внушила веру в возможность локализации, направленной против Сербии экзекуции, продолжала оказывать свое действие и понижала и без того слабое дипломатическое искусство наших политических руководителей.

Когда 26 июля Эдуард Грей предложил, чтобы Англия и Германия при участии Франции и Италии выступили в качестве посредников, канцлер проглядел представлявшуюся ему возможность и на этот раз, как раньше, при оценке сербского ответа. Правда, по отношению к английскому предложению конференции следовало соблюдать осторожность. Как показал опыт, благодаря дипломатическому перевесу сильнейшей морской державы и в соответствии с этим пристрастному отношению всего собрания, Германия на подобных конференциях оказывалась в менее выгодном положении. Однако, в данный момент нельзя было отклонять греевское предложение европейского «Ареопага», ибо оно представляло единственную возможность избежать мировой войны. Бетманн мог тотчас принять это предложение с условием, что Австрии разрешалось обеспечить себе силою залог со стороны Сербии, на что Грей позже (30 июля) согласился по предложению Бетманна. Однако канцлер стал на такую точку зрения, которая дала врагам повод утверждать, что канцлер считает несовместимым с достоинством Австрии принять «добрые услуги» четырех великих держав; кроме того Германия, по его мнению, не желала вмешиваться в сербские дела; австро-сербский конфликт произошел и был неизбежен. Можно было, по его мнению, стремиться только к тому,

чтобы его локализировать. Согласно этому, он телеграфировал Лихновскому 27 июля: «Мы считаем невозможным привлекать к европейскому суду нашего союзника в его конфликте с Сербией». Согласно сообщению австрийского посла, Ягов в тот же день осведомил его о нежелании германского правительства согласиться на греевское предложении конференции.

Степень лойяльности греевского предложения могла возбуждать сомнения. Однако, такие сомнения не могли быть решающими в вопросе о его принятии. Среднеевропейские державы должны были обеспечить себе гарантии; как уже сказано, 30 июля Грей не стал ставить никаких препятствий, когда Бетманн потребовал такой гарантии в виде залога от Сербии. Если Грей сам взял обратно свое предложение от 26 июля еще раньше, чем ему стало известно его отклонение Бетманном-Голльвегом, то невозможно сказать наверно, руководило ли им намерение затруднить переговоры. Быть может, и сам он в то время еще ожидал чего-либо от непосредственных австро-русских переговоров. В этом он сходился с канцлером, который, с своей стороны, отказавшись от идеи конференции, старался наладить непосредственные сношения между Веной и Петербургом.

Вторичная ошибка, совершенная в Берлине благодаря отклонению конференции, была столь же велика, как и первая, состоявшая в слишком большом доверии к миролюбию Антанты. Бетманн проявлял чрезмерную щепетильность к достоинству Австрии, которая была не тождественна с Германской империей, но с судьбой которой именно тогдашняя политика канцлера связала нас на жизнь и на смерть. Даже Бетманн утверждал, что мы не вмешиваемся в предприятие, которое с 5 июля было принципиально одобрено им самим и иностранным ведомством. Ягов проявлял столь мало интереса к австро-сербскому конфликту, что 27 июля он признался французскому послу, что до сих пор

он еще не нашел времени вообще прочесть сербский ответ Австрии. Где об'яснение этим дипломатическим промахам в роковой час? Их можно понять только, имея в виду общие черты политической системы, возглавлявшей нашу империю с 1909 года. В основе подобного поведения лежит то более глубокое свойство, которое принесло роковой исход большей части политических шагов, совершенных в эпоху канцлера, а именно недостаток чутья действительности, общий многим немцам.

3.

В течение многих лет Бетманн-Голльвег занимался постройкой того, что он сам называл «карточным домиком», т.-е. англо-германского соглашения, основанного не на фактах, но на дипломатическом кокетничаньи.

Люди неделовые воображают, будто, садясь за стол на конференциях и говоря друг другу любезности, устраняя недоразумения и открывая перспективы на отдаленное будущее, мы этим самым подвигаем дело вперед. В таких случаях английская политика использовала положение, чтобы только запутать других; сама же она стремилась определить результат переговоров теми реальностями, которые в это время незатронутые лежали под столом. После того как в 1912 г. Бетманну помешали в обмен на английские любезности и перспективы будущего отдать единственную благоприятную для нас реальность, — германский боевой флот, шансы на длительное и реальное соглашение с Англией значительно повысились. Однако оставлять без внимания реальности, говорившие в пользу Англии, тоже было невозможно. Мир вообще повиновался велениям сильнейшей морской державы. Мы были значительнейшей силой противоположной стороны, но именно вследствие этого должны были остерегаться итти дальше, чем этого неотвратимо требовали наши собственные интересы. Те самые иллюзии касательно

Англии, которые в 1912 году едва не уничтожили боевую ценность нашего флота, что предопределило бы неуклонный, хотя, быть может, и медленный упадок Германии, представляли теперь прямую угрозу миру. У нас идеализировали те мотивы, которые побудили Англию занять «лойяльную» позицию по отношению к Австрии и к нам в балканских войнах 1912 — 1914 г.г., и потому питали веру, что балканская война, в которой приняла бы участие сама Австрия, могла быть локализирована этим бурным уголком Европы.

Еще 9 июля в иностранном ведомстве держались взгляда, что, если вопреки ожиданиям сохранение европейского мира не удастся, Англия несомненно тотчас станет на сторону наших врагов, не дожидаясь результатов военных действий. Однако мирная позиция английской дипломатии в течение следующих недель все более и более обманывала близкие Бетманну круги. Повидимому, и в генеральном штабе склонялись к мысли о мирных намерениях Англии. Когда после передачи ультиматума стало известно предостерегающее заявление Грея: «Положение весьма опасно и легко может привести к войне четырех великих держав», то наши ученые педанты Вильгельмштрассе извлекли из этих слов уверенность, что Грей хотел подчеркнуть, что на пятую державу, т.-е. Англию, опасность не распространяется. Ягов, Штумм и другие поддерживали канцлера в столь неосновательных предположениях. Удалось поддержать их также и в кайзере. Когда 25 июля находившийся в норвежских водах флот получил приказ вернуться, кайзер хотел отправить в Балтийское море все большие боевые суда. Того же хотело и иностранное ведомство с целью не раздражать Англию. Тогда же кайзер резко заявил командующему флотом, что сомнение в мирных намерениях Англии недопустимо. А посему весь флот должен быть наготове выступить против России. Только технические соображения за-

ставили его согласиться отправить часть кораблей в Северное море.

Я должен сделать британскому кабинету серьезный упрек за то, что он, зная точно миролюбие и манеру Бетманна, своей неясностью насчет позиции Англии в разразившемся кризисе взвалил на себя тяжкую ответственность за войну, если даже мы признаем, что вначале кабинет действительно желал мира и не имел с первых же шагов задней мысли заставить Бетманна наскочить на заранее заготовленный штык. Грей мог бы сохранить мир, если бы он своевременно об'яснил ему позицию Англии в том случае, если австро-сербский конфликт распространится на Европу. Что он не сделал этого, кажется тем более удивительным, что в июле 1911 года Ллойд-Джордж не замедлил выступить с угрожающей речью по поручению кабинета, хотя в то время положение было далеко не столь острым. На этот же раз Англия воздержалась даже от предупреждения с глазу на глаз. Умолчание Грея насчет позиции Англии укрепило берлинских сторонников выступления в их предположениях. Грей и британский кабинет знали точно, что Бетманн приложит все усилия, чтобы избежать войны с Англией. Кроме того они знали, что в Германии лишь немногие политики ясно представляли себе способность Англии беспощадно уничтожить другой народ. Лишь немногие из нас были способны вникнуть в душу Англии, холодное равнодушие коей к подчиненным народам, напр., к ирландцам или индусам, стало понятно для среднего немца только в 1919 году. До этого многие у нас воображали, что чем беззащитнее будет Германия, тем более свободное пространство предоставит ей Англия. Только если бы наши политики распознали истинный дух английской политики, они, с одной стороны, вооружались бы до последней степени, а с другой, — соблюдали бы величайшую осторожность в дипломатии, чтобы не дать Англии удобного случая уничтожить наш народ. Теперь бри-

танские министры знали, в каком ужасающем заблуждении находились многие немцы относительно опасности положения для Германии. Они знали также, что Германия из большей или меньшей удовлетворительности сербских гарантий не станет делать для себя вопроса жизни и смерти. Вопреки этому, они не позаботились о своерменном предупреждении. Удастся ли историческим исследователям выяснить все значение и причины этой двусмысленности Англии, это решит будущее.

Благодаря своему незнакомству с мировыми отношениями, руководители Германии в эти июльские дни взвалили на себя тяжкую вину перед германским народом, но отнюдь не перед Англией или Антантой. Англия, которая во Франции разжигала стремление к реваншу из-за полузабытой Эльзас-Лотарингии, а России сделала значительные уступки, чтобы направить обе эти страны против Германии, теперь, вступая в войну, только пожинала плоды своих стремлений. В Англии неослабно существовали сильные стремления напасть на нас, равно как и в Германии не исчезала вызванная Англией и вполне обоснованная забота, что политика окружения тем или иным путем когда-либо приведет к насилию. В таком случае, неважным является вопрос, считала ли Англия момент для себя подходящим уже в июле 1914 года. Именно тогда пришел момент, о котором Грей в сентябре 1912 года сказал Сазонову, «что, если наступят соответствующие обстоятельства, Англия поставит все на карту, чтобы нанести страшный удар германскому могуществу». Сомнение может возникнуть только о том, когда именно в июле наступил этот переворот в настроении британского кабинета. Географические и военные условия давали Англии счастливую возможность держаться на заднем плане и с обычной ловкостью сохранять свою пуританскую маску гуманности даже в тот момент, когда она уже решилась на войну. Таким образом британский кабинет сумел обольстить не только английский

народ, но также и германский, который уже со времени готов вечно попадался на удочку лицемерия. Никогда не удалось бы Сухомлинову пустить в ход военную машину, если бы он не был уверен, что британская мощь готова принять в ней участие.

События последних лет не допускали сомнения в том, что Англия ни за что не позволит нам ослабить Францию, и при отправке военных отрядов в Сербию следовало все же считаться с возможностью войны против России, а стало быть, и против Франции. Но так как Бетманн в возрастающем миролюбии Англии не желал видеть следствие нашей усиливающейся морской мощи, но об'яснял ее скорее сентиментальными причинами, то он легко терял также и способность ощущать реальные *границы* этого миролюбия. Растущая вопреки всему склонность Англии к соглашению, как уже сказано, покоилась исключительно на трезвой оценке убывающей выгодности войны. Англия начала признавать нашу мощь, поскольку мы уважали ее мощь, как она сама ее понимала. Хотя бы мы считали ее идущею слишком далеко, мы все же должны были примириться с общим мировым положением. Напротив, Бетманн, который в 1912 г. не сумел распознать интересы Германии, на этот раз ошибся в оценке британских притязаний и в июле 1914 г. снова надеялся на разрешение кризиса с помощью добрых чувств, а не обмена интересов. Тот же недостаток чутья реальности, который заставлял вяло относиться к нуждам собственного государства, мешал также ясно видеть ход британской мысли и потому своим неловким вмешательством давал Антанте случай затянуть наброшенную на нас петлю.

Англия желала предоставить Австрии известный дипломатический успех над Сербией, но она не могла допустить дипломатического поражения России, без того, чтобы мощное строение, созданное ею против Германии, не пришло в расстройство. Напротив, вызывающая политика Бетманна

и Берхтольда была основана на ожидании, что проявленное Англией в последние годы миролюбие зайдет так далеко, что в крайнем случае она заставит царя либо отказать сербам в традиционном покровительстве, либо решиться на континентальную войну без помощи Англии. Германским руководителям не хватало чутья того, что своим образом действий они угрожали перерезать нерв английской политики соглашений.

Благодаря, в особенности, тому, что отношения Англии к Франции и России основывались не на формальном союзном договоре, а на более свободном соглашении, она могла в течение всего периода окружения все свои дружеские из'явления по нашему адресу сопровождать недвусмысленными кивками в сторону наших противников. Во время упомянутого пребывания английского флота в Киле в конце июня 1914 года британский посол в Петербурге, Бьюкенен, опубликовал только что заключенную морскую конвенцию с Россией. Любезная супруга командира английской эскадры, лэди Уоррендер, англичанка того типа политических дам, который не встречается в Германии, пришла в некоторое замешательство, когда я с легкой иронией указал ей на то, что для нас совершенно безразлично, как будут действовать английский и русский флоты в случае войны, вместе или отдельно, но что все же легко может возникнуть недоразумение, если как раз в такой момент дается выражение подобному образу мыслей. Моя собеседница назвала Бьюкенена наивным простофилей. Права она была, или нет, но самый факт конвенции должен был заставить нас держать ухо востро.

В то время, как мы грубым и неловким подражанием боснийскому кризису 1908—09 г.г. ставили Англию перед альтернативой либо вызвать раздражение в партии великих князей, либо начать войну при особенно выгодных обстоятельствах, в Англии возобладало настроение тех клубов,

которые неизменно думали о войне и только поджидали удобного случая, чтобы нанести нам удар. Недавно опубликованные мемуары адмирала Фишера показали, каким чудовищным запасом воинственной энергии против нас обладали влиятельные круги английского общества единственно вследствие торгового соперничества. Эти круги, которые еще в 1905 году намеревались захватить маленький германский флот, в 1914 году, в виду нашего большого флота, стали осторожнее. Однако, когда в течение июля Англия увидела тупик, в который попал Бетманн, она покинула ту деловую мирную политику соглашения, которой, если можно положиться на ее уверения, она придерживалась вплоть до греевского предложения конференции, и обратилась к не менее деловой военной политике, чтобы отныне, в качестве «коварного Альбиона», заставить русских и немцев взаимно истреблять друг друга.

Более удобного случая, нежели тот, который давали им мы, они получить не могли. Они могли взвалить на нас моральную ответственность и промахи нашей дипломатии истолковать как махинации в целях войны. Они могли бросить против нас перевесы всего мира и благодаря тому, что мы казались нападающей стороной, — о чем Бетманн отнюдь не думал, — также и юридически лишить силы наши договоры. Наконец, даже стратегически момент был для Англии соблазнителен, чего Бетманн не знал и о чем он у меня не осведомлялся.

Бетманн не желал мировой войны и не предполагал ее возможности. Именно поэтому он вначале думал, что Австрия может позволить себе местную войну. Однако ему и Ягову нехватало чутья для быстрой ориентировки в фактическом положении и уяснения себе того, что державы Антанты хотя и проявляли в некоторой степени готовность итти навстречу для совместного разрешения местного кризиса, однако, с другой стороны, вовсе не боялись перспективы мировой войны.

Бетманн и Ягов в течение тех безнадежных дней упорствовали в своем убеждении в неизбежности, но в то же время ограничимости австро-сербского конфликта до тех пор, пока грубо недооцененные ими, толкающие к войне силы внутри Антанты не одолели их. Тогда-то обнаружилось, что французский шовинизм и панславистский задор повысились в той же степени, в какой ослабело английское стремление к войне. Конечно, Англия являлась решающею силой, однако она удерживала толкающие к войне факторы все же лишь до тех пор, пока самой ей мир казался выгоднее, нежели война. Опасение «вмешательства» Европы и надежда, что Антанта, «поставленная перед совершившимся фактом», подчиниться ему, побудили Бетманна предоставить Австрии свободу в ее наступательной политике против Сербии. Таким образом, он надеялся, что быстрая местная война пронесет Европу мимо общего конфликта. Когда ответ Сербии, вопреки ожиданиям, оказался не совсем «отрицательным», а Грей «вмешался», у Бетманна не оказалось инстинкта, чтобы понять новое положение.

На Вильгельмштрассе придерживались своеобразного понимания возможностей обеспечить горячо желаемый мир путем нервной готовности вступить в войну, которая едва ли могла кого-нибудь обмануть. Эти политики, которые никогда не желали извлечь меч из ножен и которые, как это оказалось, были вообще неспособны судить о военных нуждах боевой подготовки, воображали, что они могут угрожать военными мероприятиями, которых они сами не принимали всерьез.

Политический глазомер этих людей возбуждает недоумение. 20 июля государственный секретарь фон Ягов заявил одному представителю морского штаба, что, в случае войны Тройственного союза против франко-русского, Англия не выступит. Сам же он, Ягов, будто бы знает способ, как можно еще более усилить эту склонность Англии к нейтра-

литету, а именно — путем угрозы, в случае вмешательства Англии против нас, тотчас занять Голландию. Конечно, все это было не более, как блефф. Поговорив на эту тему в морском министерстве, адмирал на следующий день сказал Ягову, что его «блефф» является самым верным средством принудить Англию к войне против нас. Отблеск бисмарковского авторитета, который для офицеров моего ведомства еще озарял Вильгельмштрассе, быстро померк, и об этом разговоре мне сообщили с таким замечанием: «Можно только снова спросить себя: каким образом оказалось возможным доверить подобной личности руководство внешней политикой Германии?». Ягов был поставлен Бетманном во главе иностранного ведомства именно благодаря его осторожному характеру, который делал для него затруднительным всякое решение. Он был бы последним из тех, кто решился бы занять Голландию, да и такой шаг, впрочем, был бы противоположен всякому германскому интересу. Но с тою же наивностью, с какою он несколькими месяцами раньше намекал французскому послу, будто Германия имеет виды на бельгийские колонии, что при наличии ее собственных еще неразвитых африканских областей было совершенно неверно, он и теперь думал произвести впечатление на Англию с помощью «сильного» жеста.

Когда позднее Бетманн заметил, что Англия относится к войне серьезно, он совершенно пал духом. Почему, однако, он так долго в отношении Англии держался своего собственного политического курса, который все же столь часто приводил к ложным шагам? Почему он в течение долгих трех недель оставался глух ко всем предупреждениям, которые шли к нему из Англии и через Англию? Почему он не старался притти к уверенности относительно позиции, которой намерена держаться Англия в континентальной войне? И эта загадка также разрешается с помощью его своеобразного основного плана.

4.

8 июля товарищ министра Циммерманн дал директиву избегать всех мероприятий, могущих возбудить внимание, вроде перерыва в отпусках и проч., подобно тому, как уже раньше было решено не отменять путешествия кайзера. Дело в том, что в целях локализации самым главным было избегать впечатления, будто бы мы подстрекаем Австрию.

Цель такой тактики была похвальна — избежание мировой войны. Но средство, выбранное для нее, было неудачно, ибо оно в значительной степени способствовало ее взрыву. Бетманн не видел, что этот промах легко мог быть истолкован как двуличие с нашей стороны, и что он был очень опасен. Мир не хотел верить, что Австрия посылает подобные ноты Сербии без ведома с нашей стороны. Предложить государственным людям английского калибра метод бюрократических сюрпризов в европейском вопросе вместо доверчивого и открытого обсуждеeия — значило еще более сгустить и без того напряженнную атмосферу.

Как я вижу из донесений от 11 июля, в иностранном ведомстве высказывали тогда предположение, что австрийцам было бы приятнее, если бы мы отказали им в союзнической поддержке против Сербии. Наши собратья по союзу будто бы так плохо знали собственные свои желания, что теперь они запрашивали нас, чего им собственно следовало требовать от Сербии.

Это впечатление было едва ли правильно. Однако, оно показывало, как мало Берлину можно было считаться с тем, что Австрия сохранит твердость в шагах, предпринятых ею же самою для спасения собственной чести. Тем не менее канцлер не понял, как незавидно станет его положение, и как чудовищна его ответственность перед историей, если он окажется тем человеком, который без дельнейшего контроля вверил будущность Германии воле венского правительства.

Такое поведение должно было отнять у нашей политики приобретенную ей Фридрихом Великим и Бисмарком репутацию искренности. Способность возбуждать к себе доверие есть тоже в некотором роде сила, которую надо всячески оберегать, и является замечательным, что политики, слабо понимающие значение реальной силы, большею частью не имеют также чутья к невесомости престижа. Когда было получено греевское предложение конференции, Бетманн счел необходимым сохранить свою позицию и потому отклонил предложение, т.-е. остался при прежнем своем заявлении о «невмешательстве» в австрийские дела, благодаря чему решительный момент для возможных мирных шагов оказался упущенным. Таким образом, Австрия получила возможность обострить положение своим об'явлением войны Сербии (28 июля), между тем как германская политика увязла между ею же самой поставленными пределами.

Англичане с их хладнокровной деловой манерой обсуждать политические вопросы не могли или не хотели понять кажущееся самоустранение Бетманна, коотрое в действительности имело в виду локализацию спора и сохранение мира между великими державами. Для их образа мыслей было невозможно предположить, что германский государственный муж мог бы счесть чем-то дурным открытую поддержку Австрии и беседу об интересах германской мощи и престижа. Они замечали, что германские дипломаты в одно и то же время слишком недоверчивы и слишком доверчивы. Вместе с тем они видели, что благоприятные шансы для войны возрастают. Противоречиями нашей вызывающей политики мы давали Антанте возможность упрекнуть нас в превентивной войне. Тяжкое обвинение в махинациях с целью вызвать войну, которое принесло нам такой огромный ущерб, было возбуждено против нас.

Правда, антантовская политика окружения от времени до времени приводила Германию в нервное возбуждение.

Ибо она без сомнения носила характер заговора. С конца 1912 года нам стало известно, что Сербии предназначалась роль в качестве балканского Пьемонта начать раздел габсбургской монархии, когда время для этого созреет. С тех пор дело было близко к тому, чтобы потушить эту искру раньше, чем она обратится в пожар. Такой план имелся Австрией в виду уже в 1913 г., но тогда же был отклонен Италией. Далее нам были известны заявления о том, что каша заварится в «1916 г.». Вследствие всего этого со стороны безответственных и лишь наполовину осведомленных лиц, но исключительно со стороны таких лиц, высказывалось мнение, что «*если* уж война неизбежна, то лучше теперь же, чем позднее». К русским вооружениям, которые «должны были закончиться в 1916 г.», конечно, невозможно было относиться легко, имея в виду петербургскую военную партию, которая в последние недели июля 1914 года фактически использовала европейский хаос для того, чтобы зажечь пожар. И все-таки превентивную войну Германии против России было бы невозможно оправдать. Равным образом и по отношению к Англии, не говоря уже о Франции, наша бдительность не должна была ослабевать. Если, начиная с 1912 г., британский лев все более склонял свою голову, мы постоянно должны были иметь в виду возможность, что это был присест перед прыжком. Легкие подозрения подобного рода не исключали, однако, сотрудничества с Англией на реальной основе. Нам следовало только не давать ей повода для прыжка. До сентября 1914 г. соглашения Англии еще не связывали ее окончательно, мирная развязка политики окружения ввиду риска войны для Англии была вполне возможна в том случае, если бы Германия одновременно сохраняла присутствие духа и осторожность, если бы она не унывая вооружалась, но в то же время избегала всего того, что укрепляло волю противников к войне.

Утверждение, будто бы Германия планомерно стремилась к войне, есть дикая басня, которую лучше всего опровергает наша неподготовленность, о чем речь впереди. Впрочем, генерал фон-Мольтке, который в те критические недели лечился в Карлсбаде от своей тяжелой болезни, уверял меня впоследствии, что он не принимал никакого участия в событиях и никоим образом не дал бы совета на ультиматуме к Сербии произвести пробу, желает ли Антанта войны или чувствует себя к ней еще неподготовленной.

Если бы канцлер в силу лежавшего на нем долга (перед подобным шагом он был обязан собрать все сведения о военных возможностях) запросил меня, то я почел бы необходимым сказать ему, что с точки зрения флота опасность войны, нежелательная уже сама по себе, также и стратегически является весьма несвоевременной. Постройка дредноутов, введением которых Англия автоматически удваивала боевую силу нашего флота, оказывала свое действие еще только четыре года. Кильский канал был еще не готов. Своей высшей точки развития наш флот должен был достигнуть только в 1920 г. Некоторые слабые стороны, присущие ему вследствие его молодости именно в его командовании, могли исчезнуть только со временем. Хотя наши союзы не давали нам существенной, прочной опоры на море, я рассчитывал, что с 1916 г. нападение Англии станет невероятным в силу военно-морских соображений. Поэтому каждый год мира представлял для нас неоценимый выигрыш. Вышеупомянутые мои беседы в Тараспе не оставляли никакого сомнения в этих моих взглядах.

Благодаря коллегиальному способу решения этого вопроса, от которого не уклонился бы ни один государственный человек, канцлер достиг бы разделения ответственности между несколькими лицами. С своей стороны, я подал бы мнение против отправки ультиматума.

При этом в своей боязни ясного образа действия канцлер столь мало подготовился на случай серьезного оборота дел, что он ни разу не прибег к совместному обсуждению с военными начальниками ни по политико-стратегическим вопросам, ни по вопросу о перспективах мировой войны вообще. Также и по поводу вторжения в Бельгию, которое немедленно влекло за собою морские проблемы, я совершенно не был посвящен в дело. Такое положение как будто легко навлекает на меня упрек, неужели же я не мог с своей стороны уже во время мира настаивать на подготовке мобилизации всего руководства империей? Но кто знает отношения в наших тогдашних правящих сферах, тот никогда не поставит такого вопроса.

Самая тяжкая вина Бетманна-Голльвега перед мировой историей заключается не в его ошибках в оценке положения в июле 1914 года, но в пренебрежении к вооружениям, обнаруженном им ранее, в те годы, когда неприятельская коалиция собирала все свои силы и посредством военных приготовлений укрепляла в своих континентальных участниках решимость использовать всякую удобную возможность для вооруженной облавы на Германию. С небольшой затратой усилий и для долгого срока едва заметных расходов германский народ мог бы быть предохранен от удара, нанесенного этой войной, если бы постоянная забота о ее возможности вызвала необходимые меры предосторожности. Опасность была налицо, и следовало сделать из нее должные выводы. Ибо Франция и Россия в вооружениях дошли до предела своих возможностей, а Франция в известном смысле даже превзошла их. Напротив, Германия и Австро-Венгрия далеко еще не исчерпали свои силы. Как можно об'яснить это ужасное упущение, которое у каждого национально окрепшего народа вызвало бы самое тяжелое обвинение против ответственных государственных людей?

Канцлер, поддерживаемый министром финансов Вермутом, чувствовал страх перед словами «соперничество вооружений». Он думал служить миру, отставая в боевой готовности. Это должно было убедить Антанту в наших мирных намерениях. В действительности же весь свет знал, что мы желали сохранить мир, но по поводу наших недостаточных военных законопроектов поднимал такой крик возмущения, какого нельзя было превзойти даже и при настоящих вооружениях. Но, благодаря недостаточности наших вооружений, меч наших соседей все легче мог быть извлечен из ножен. С нашей стороны было роковой ошибкой, что при невыгодности нашего дипломатического и географического положения мы не обеспечили себе высшую меру военной обороноспособности. Народ, который жил в атмосфере такого горячего хозяйственного соперничества, как мы до войны, не имел права бояться подозрений со стороны конкурентов и пацифистов, если он не хотел потерять все.

Эта истина, на познании и своевременном следовании которой покоилось развитие нашего государства со времени великого курфюрста, осталась неизвестна для немецкой радикальной демократии[1]). Наш политический руководитель находился, однако, в союзе с их иллюзиями, а не с государственною мудростью и традицией, выработанными нашими историческими испытаниями и развитием.

Однако немалая часть совершенных упущений могла бы быть наверстана еще в июле 1914 г. 5 июля кайзер заявил, что, несмотря на невероятность мировой войны, все же следовало бы считаться с возможностью конфликта. При столк-

---

1) Если мне приходится часто выступать против ослепления широких демократических кругов во внешней политике, то я в то же время хорошо знаю, что есть очень много честных и верных родине социал-демократов и радикалов, которые выказали полное понимание нужд государства. Под „демократами" в этой книге я разумею могу-

новениях европейских союзных систем само собою разумелось, что при каждом таком кризисе мы должны были быть готовы к самому худшему. Однако, что было сделано в этом направлении?

Еще в июле 1914 г. мы вывезли во Францию массу зернового хлеба. Существовал такой недохват селитры, который для армии оказался почти смертельным. Меди, никеля и прочих необходимых военных материалов недоставало в больших количествах, а между тем прямо-таки сознательно упускались случаи незаметно пополнить их запасы. Чтобы доказать настоящую безобидность Берлина, даже рискуя этим погубить страну, в хозяйственном и промышленном отношении не были приняты даже самые простые меры предосторожности, обычные в критические моменты.

Серьезный случай, очевидно, не вызвал к себе серьезного отношения. Государственное руководство предоставило каждое ведомство самому себе и всех их держало в неведении относительно мнений и видов остальных. В то время как отдельные военные ведомства при мобилизации должны были только нажать кнопку, общий план на случай мировой катастрофы отсутствовал. В конце июля 1914 г. мы попали в кутерьму к тому же еще с нашими способностями, далеко не равными английскому таланту импровизации; по этому поводу не может служить утешением то, что среди всех великих держав Германия, как оказалось, всего менее считалась с возможностями войны. Вопреки этому самоубийственному доказательству нашего миролюбия, благодаря игре в прятки нашей дипломатии в июле 1914 г., похожей на военные махинации, мир дал себя убедить в нашей виновности. Мы оказались овцою в волчьей шкуре.

щественные направления, представленные Шейдеманом, Готхейном, Гаазе и газетой „Frankfurter Zeitung", деятельность которых подорвала силы нашего государства. Моя позиция в данном случае совершенно не касается внутренней политики.

5.

При рассмотрении вопроса о виновности в войне в Германии обычно делают двоякую ошибку. С одной стороны, политические отношения конструируются слишком логически. Некоторые лица на основании множества отдельных данных пытаются доказать, что при наличии злой воли врагов мировая война была вообще неизбежна. Этот взгляд я считаю ошибочным. Конечно, не может быть сомнения в том, что Англия, Франция и многие из русских стремились разрушить нашу империю. Однако тем более мы должны были остерегаться давать им повод для выполнения этого желания. Как мною было высказано уже в 1904 году, мы должны были тщательно избегать всякого случая, могущего послужить нашим врагам поводом к войне, ибо в то время Англия в войне была для нас недосягаема, а благодаря этому мы не могли бы спасти нашу уже колоссально развившуюся внешнюю торговлю. Перерыв этой артерии в 1918 г. был существенной причиной проигрыша войны. То же самое получилось бы и в 1904 г.; прежде всего победой над Францией мы не могли бы предохранить нашу торговлю, а вместе с тем наше существование. Пока дело обстояло таким образом, с нашей стороны было безумием давать врагам повод к войне. Пока существовало окружение, нам оставался единственный верный путь: строить хороший флот, искать союзов и избегать столкновений.

Если бы нам удалось в 1914 г. преодолеть кризис и обеспечить себе еще только два года времени для роста флота и осуществления большого военного закона 1913 г., то — должен я повторить — миролюбие Англии несомненно достигло бы решающего пункта. Лично я не могу закрывать глаза на тот ужасный факт, что несколько более осторожная политика, которая в 1914 г. сделала бы врагам войну не столь удобной, вероятно навсегда обеспечила бы наше уже почти

равное английскому хозяйственное положение и принесло бы нашей внешней торговле и всей нашей национальной жизни еще более блестящее будущее вместо ужасного разрушения. В июле 1914 г. мы несомненно могли преградить путь вражеским стремлениям к войне посредством более искусной трактовки сербского вопроса. Возникла ли бы все же тогда мировая война, например, в 1916 году, — кто возьмется это доказать? Лично я держусь определенного взгляда, что в то время всякий новый год мира все более укреплял этот мир, если бы мы только всегда заботливо относились к серьезному положению нашего народа и обращали должное внимание на наши вооружения. Правда, только люди с твердой рукой и холодной кровью, о которых известно, что они были бы в состоянии успешно провести войну, могли бы в столь напряженных положениях сохранить также и мир. Кто слишком настойчиво и открыто идет на соглашение, тот как раз удаляется от него, и кто ставит выше всего национальное достоинство, тот при наличии ярого эгоизма у соседних народов неизбежно приходит к непрерывному упадку национального благосостояния и расцвета.

Вторую ошибку суждения усматриваю я там, где недостаточно резко различаются австро-сербский конфликт и мировая война. Не только германский народ, в целом один из самых миролюбивых на свете, но также и правительство Бетманн-Голльвега волею своею совершенно неповинны в мировой войне. Наоборот, тогдашнее германское правительство имеет свою долю участия в австро-сербской распре, благодаря тому, что оно предполагало (что оказалось ошибочным), будто *именно наказание Сербии* рукою Австро-Венгрии *предотвратит* угрожающий раздел габсбургской монархии и, по его мнению, неизбежно проистекающую отсюда *мировую войну.*

Как же следует в таком случае решать вопрос о виновности?

Согласно мнению всех честных знатоков европейского положения, напр., бельгийских посланников, causa remota мировой войны лежит в английской политике окружения, которая берет свое начало в девяностых годах в торговом соперничестве, прячется за удобными предлогами (Трансвааль, флот), отравляет мировую прессу, соединяет все враждебные Германии элементы мира и создает такое напряженное положение, при котором малейший промах мог произвести ужасающий разряд.

Ошибка нашего политического руководителя заключалась в уверенности, будто австро-сербский конфликт может быть локализирован. В своем доверии к миролюбию и справедливости, в особенности Англии, он считал основательную экзекуцию Сербии, ради оздоровления Австро-Венгрии, исполнимой, при чем отсюда, по его мнению, не должна была возникнуть мировая война. Все шаги нашего политического руководства, которые истолковываются нашими врагами, как махинации в целях войны, относятся *единственно только* к Сербии и к желанию не допустить слабости Австро-Венгрии по отношению к этому жадному до грабежа маленькому государству. Ужас охватил канцлера, когда русская военная партия использовала его промах, и он заметил, что обманулся в своей твердой вере в миролюбие Англии. Под гипнозом этой веры он и не приготовил нашу страну к мировой войне.

В одной своей беседе с Вангенхеймом канцлер, согласно передаче Вангенхейма от 23 апреля 1914 г., говорил также о «политике без войны» и об опасностях превентивной войны; при этом он заявил, что наше национальное достояние растет в такой степени, что через десять или пятнадцать лет мы обгоним все нации мира. Тогда в мировой политике, в конечном счете представляющей экономическую политику, она будет находиться в обеспеченном положении. Наша за-

дача, по его мнению, состояла в том, чтобы пережить это время без больших конфликтов.

Так думал тот самый канцлер, который, спустя три месяца, в отсутствие начальников военных ведомств взял в свои руки сербский вопрос один, только при участии иностранного ведомства. Тот, кто мыслит так, не стремится к мировой войне. Само собою разумеется, что канцлер, если он даже и не знал дословно содержания австрийского ультиматума, понимал, что этот ультиматум потребует наказания для Сербии. Но со стороны наших врагов является ложью, будто бы Бетманн при этом намеревался нарушить всеобщий мир. Напротив, в этом обнаруживается его, правда, близорукая надежда именно таким способом не только сохранить, но и надолго упрочить этот всеобщий мир.

Никто лучше меня не знает промахов нашего тогдашнего политического руководства в отношении Англии, и его недостатка дипломатической ловкости. Поэтому я, быть может, лучше, чем кто-либо иной, могу подтвердить, что к своим ложным шагам наше политическое руководство пришло не по причине желания войны, но именно по причине страха перед этой войною. Не злая его воля, но его близорукость помогла английской политике окружения в достижении цели в самую последнюю минуту. Бетманн и Ягов думали укрепить Австрию дипломатическим жестом. Когда они увидели, что жест не удался, и война угрожает, они сами пришли в ужас. Как можно говорить о виновности, не выдвигая вперед этот важнейший шаг? Промахи нашего руководства в нравственном отношении невесомы в сравнении с поведением наших врагов.

Кто лишь поверхностно знаком с донесениями бельгийских посланников и многочисленными документами о подготовке России к войне и кто следил за общим развитием двух последних десятилетий, тот с удивлением спрашивает

себя, как вообще могло возникнуть мнение, что Германия является виновницей войны.

Своим поведением в 1919 г. Антанта произнесла сама себе приговор в глазах потомства — о пропитанном ложью современном поколении говорить, пожалуй, не приходится. Целый народ, который не может считаться виновным в ошибках своего правительства, даже если таковые и были, с дьявольской жестокостью подвергнут англичанами и французами и их свитой тягчайшим физическим и духовным страданиям, какие когда-либо приходилось терпеть какому-либо народу христианского запада. Народ-повелитель должен быть унижен до состояния парии, у него отнято человеческое достоинство, ему оставлено голодное, жалкое существование заключенного и лишь в той мере, чтобы он мог неопределенное время нести барщину и дань своему господину. И за что?

В 1912 году Сазонов был в Лондоне. Из его доклада царю, опубликованного в «Правде», я привожу следующее место:

«Грей без колебаний заявил, что если наступят обстоятельства, о которых идет речь, то Англия приложит все усилия, чтобы нанести страшнейший удар германской мощи.

Король, который в одном из разговоров со мною коснулся того же вопроса, высказался еще гораздо решительнее, нежели его министр. С заметным возбуждением его величество коснулся стремления Германии сравняться с Англией в отношении морских сил и воскликнул, что в случае столкновения это повлечет за собою роковые последствия не только для германского флота, но и для германской морской торговли, ибо англичане потопят каждый германский корабль, который попадет им в руки.

Последние слова, очевидно, отражают не только личные чувства его величества, но также и господствующее в Англии настроение по отношению к Германии».

Когда британские государственные люди, разумеется, под предлогом страха перед нашим флотом, в этом случае, как часто в довоенные годы, внушали России уверенность, что она могла строить свои планы на непреклонной воле англичан к уничтожению Германии, они на 100% были уверены, что кайзер и Бетманн-Гольвег стремились только к миру; далее они точно также были уверены, что в Петербурге и Париже существуют стремящиеся к преобладающему влиянию военные партии, и всеми средствами оказывали им покровительство. В то время в странах Антанты распространялась атмосфера, которая в сознании широких кругов делала войну неизбежной; эта атмосфера из стран Антанты перебрасывалась также и на Германию и возбуждала здесь заботу, которую я нахожу, например, в письме нашего морского атташе в Токио от 10 июня 1914 года:

«Меня поражает та уверенность, с которою здесь все ожидают войны против Германии в ближайшее время... едва уловимое, но все же ясно ощутимое «нечто», которое висит в воздухе, подобно состраданию, вызванному еще непроизнесенным смертным приговором».

Если бы архивы Антанты были открыты, прежде чем из них исчезло все наиболее компрометирующее, то гуманные люди в Англии и Америке содрогнулись бы от той кровожадной лжи их правительств, которые для того, чтобы побудить свои народы к уничтожению, расчленению и ограблению немецкой нации, внушили им веру в завоевательные стремления Германии, о которых в июле 1914 г. никто в Германии и не мечтал.

Я могу привести еще одно убедительное доказательство того, что наши политические руководители не желали войны. Они с самого начала были убеждены, что мы не можем победить. Их, конечно, можно обвинить в неумелости, но никак не в преступном желании войны, безнадежность которой была для них совершенно ясна.

Как перед началом войны, так и после него, почти никто в Германии не умел понять, до какой степени была велика действительная опасность. Отчасти мы находились во власти наивных иллюзий, отчасти чересчур много мнили о себе. Материалистические идеи или традиционные партийные раздоры многим мешали видеть ясно. Поэтому мы упустили то, что могло нас спасти. Эта неумелость и составляет нашу вину.

6.

Когда 27 июля я прибыл в Берлин, еще оставалась некоторая скудная возможность провести мимо подводных камней корабль мира. В то время я, подобно кайзеру, который вопреки желанию канцлера сам решил вернуться, и подобно прочим министрам, которые теперь с'езжались отовсюду в Берлин, составил себе ложное представление о положении. Ключ к его разгадке был потерян на Вильгельмштрассе. Я узнал о военных приготовлениях России и думал, что также и мобилизацию английского флота нужно рассматривать как угрожающую нам меру, хотя в действительности она была случайна, так как предполагалась еще за несколько месяцев раньше. Что же касается действий Бетманна, направленных к спасению мира хотя бы в этой фазе событий, то о них можно было сказать, как часто в прежних случаях: слишком поздно и половинчато.

28 июля утром меня посетил начальник морского кабинета фон-Мюллер и с ужасом рассказывал о Бетманне, как он узнал его в эти последние дни. Он считал необходимым сменить канцлера, а на место Ягова поставить Гинтце. Впрочем и Мюллер не видел истинного положения вещей.

Кайзер тотчас по возвращении в Берлин развил лихорадочную деятельность в целях сохранения мира. Канцлер не сумел ввести кайзера в действительный курс дела. Ему было трудно найти ясный исходный пункт для дипломатиче-

ского воздействия. Он говорил: «Я совершенно не представлял себе, чего желают австрийцы. Ведь сербы согласились на все, кроме каких-то пустяков. С 5 июля австрийцы ничего не сказали о своих умыслах».

Эти слова были сказаны 29 июля в потсдамском Новом Дворце, куда кайзер пригласил военных начальников, чтобы осведомить их о своих переговорах с канцлером, который совершенно пал духом. О сомнениях насчет своей политики первых недель июля, которые должны были появиться у канцлера, мы в то время ничего не подозревали. Мы только с ужасом смотрели на то, что совершалось у нас перед глазами, точно так же, как и кайзер, который без стеснения высказался насчет несоответствия канцлера своему назначению, как он делал это нередко и раньше, однако, выразил мнение, что он теперь не может расстаться с этим человеком, ибо он пользуется доверием Европы. Кайзер сообщил, что канцлер предложил ради достижения нейтралитета Англии пожертвовать нашим флотом в особом соглашении, что он, кайзер, однако, отклонил. Вследствие этого канцлер должен был не упоминать о флоте в разговоре с английским послом, которого по возвращении из Потсдама 29 июля он вызвал к себе, чтобы сделать ему важные предложения на случай франко-германской войны. Сделанные им при этом предложения и резкий ответ сэра Эдуарда Грея известны из английской Синей книги (№№ 85 и 101). Напротив, обществу осталось неизвестным, что канцлер и на этот раз, как в 1912 г., был готов пожертвовать германским флотом, питая своеобразное убеждение в том, что при таком условии Англия допустит победу Германии над Францией. Таким образом попытки капитулировать перед Англией начались уже до войны, когда еще, быть может, существовала возможность предотвратить ее. Иностранное ведомство имело две несчастливые идеи: признавалось необходимым, чтобы Австрия вступила в Сербию, а германский флот счи-

тался препятствием для достижения полной симпатии к нам со стороны Англии. На тот случай, что его белградская политика подаст повод врагам к войне, иностранное ведомство чувствовало себя, таким образом, защищенным: во всем оказывался виноват германский флот. Флотская политика канцлера от 29 июля, равно как и его политика 1911 — 1912 г.г., к сожалению, уже предопределяла его политику в войне; ибо предложенный и проведенный канцлером способ ведения войны на море означал в сущности не что иное, как медленное пожертвование германским флотом и будущностью его, после того как канцлеру не удалось сделать этого сразу 29 июля.

В этот день в Потсдам прибыл из Англии принц Генрих с извещением от Георга V, что Англия останется нейтральной в случае войны. Когда я выразил в этом сомнение, кайзер возразил мне: «Я имею слово короля, и этого с меня довольно».

Хаос, в котором теперь двигалась Европа и который никому не позволял видеть целое, казалось, начал проясняться к лучшему. Англия согласилась на предложение посредничества кайзера, принятое также и в Вене. Между нами и Лондоном было достигнуто полное соглашение по существу. Об этом я узнал в полдень 31 июля из личного письма кайзера, которое позволило мне вздохнуть свободно.

Однако уже утром 31 июля я был извещен морским штабом, что иностранное ведомство считает войну неизбежной, и что Ягов сделал запрос, готовы ли мы атаковать английский флот.

Это противоречие стало для меня ясно, когда между 12 часами и часом пополудни я получил известие, что Россия об'явила мобилизацию.

В половине первого меня вызвал к себе канцлер, у которого уже находился приказ кайзера об'явить об «угрозе войны». Я обратил внимание канцлера на достигнутое ме-

жду нами и Лондоном единение и прочел ему письмо кайзера, о котором он еще ничего не знал. Канцлер был того мнения, что в этом письме кайзер многое путает. Русская мобилизация по отношению к нам является столь неслыханным образом действий, что примириться с нею мы не можем; если Россия будет продолжать в том же роде, то мы тоже должны будем мобилизовать, а чтобы наша мобилизация не оказалась слишком запоздалой, следует отправить царю ультиматум. Таково же было и мое мнение. Преступление лиц, ответственных за русскую мобилизацию, не оправдывается никакими неловкими шагами нашего правительства. Несмотря на единение, достигнутое в последние часы между нами и Англией, русская мобилизация сделала войну неизбежной. Разве только чудо могло отвратить ее. Дальнейшее промедление с нашей стороны отдало бы нашу область во власть врагу, и взять на себя ответственность за это было невозможно. В действительности Россия начала мобилизацию уже с 25-го, и это ее преимущество сильно повредило нам, когда началась война. Все же я дал понять канцлеру, что по-моему было бы правильно еще раз указать в ультиматуме, что по существу достигнуто единение, и что посредничество налаживается. На это канцлер с довольно сильным волнением возразил мне, что это уже неоднократно было говорено, и что русская мобилизация как раз и является ответом.

Позже мне часто приходила в голову мысль, не должен ли был кайзер своевременно послать кого-либо в Петербург. Правда, человек всего более пригодный для этого, Гинтце, находился в Мексике. Однако, я точно знал, что царь был согласен с той точкой зрения, что Германия и Россия ничего не выиграют от взаимного кровопролития, но выгода достанется, в лучшем случае, третьему. Конечно, для отправки кого-либо 31 июля было слишком поздно. Мне, может быть, возразят, что я переоцениваю власть царя и недооцениваю

значение панславизма. Здесь я могу только установить, что я, следуя моему рассудку, еще 31 июля посоветовал вставить вышеупомянутое заявление в ультиматум. При этом я, конечно, почти не надеялся остановить колесо судьбы, которое пустило в ход русскую мобилизацию, но во всяком случае, рассчитывал еще более решительно возложить ответственность за все последующее на наших врагов.

1 августа в заседании Союзного Совета я узнал, что вслед за ультиматумом мы отправили об'явление войны России. Я счел это очень невыгодным для Германии. По моему разумению то преимущество, что в военном отношении наша позиция против России была оборонительной, мы должны были дипломатически использовать так, чтобы об'явление войны досталось на долю России. Мы не должны были воодушевлять русских мужиков, внушая им уверенность, что кайзер напал на белого царя. Значение представляло также и то, что при этом терял силу союзный договор с Румынией. Этот договор, равно как и договор с Италией, был составлен Бисмарком на случай обороны. Оба государства были обязаны подать нам помощь, лишь если мы подвергались нападению в первом случае России, а во втором Франции. Нашим об'явлением войны России мы формально давали Румынии право оставить нас без помощи, точно так же, как позднее мы дали такое же право Италии, об'явив войну французам. Неужели Бетманн, действительно, не обдумал те огромные невыгоды, которые возникали для нас, раз мы не предоставили об'явление войны врагам?

У меня получилось впечатление, что и в этом направлении наши действия развивались совершенно необдуманно и без всякого руководства, и мое чувство возмущалось тем, что мы, по существу обороняющаяся сторона, по милости юристов иностранного ведомства должны были возложить на себя odium нападения, хотя мы не могли питать намерения вторгнуться в Россию. Поэтому, покидая засе-

дание, я спросил канцлера, зачем было нужно, чтобы об'явление войны совпало с нашей мобилизацией?

Канцлер ответил, что это необходимо, ибо армия желает тотчас двинуть отряды через границу. Ответ удивил меня, так как дело могло итти самое большее о патрулях. Впрочем, во все эти дни Бетманн был так возбужден и раздражен, что с ним невозможно было говорить. Я еще слышу, как он с поднятыми руками несколько раз заявлял о безусловной необходимости об'явления войны, обрывая этим дальнейшее обсуждение вопроса.

Мольтке, которого я позже спросил о том, вызвано ли об'явление войны необходимостью перехода границы, возразил против того, будто бы существует намерение тотчас двинуть войска через границу. Кроме того, он сказал мне, что с своей точки зрения он не считает об'явление войны для нас имеющим особую ценность.

Таким образом загадка, почему мы первые об'явили войну, остается для меня неразрешенной. По всей вероятности, это было сделано из формальной юридической добросовестности. Русские начали войну без об'явления ее, мы же считали невозможным обороняться без об'явления войны. Вне Германии подобный ход мыслей был бы совершенно непонятен.

Ночью с 1 на 2 августа у канцлера повторился спор о нашем об'явлении войны на сей раз по поводу Франции. Канцлер полагал, что мы должны были тотчас об'явить войну Франции, ибо мы намеревались итти через Бельгию. Я возразил, что по-моему нет никакой пользы об'являть Франции войну раньше, чем мы вступим в самую Францию. Я указал на донесения посла из Лондона, согласно которым проход через Бельгию непосредственно повлечет за собою войну с Англией, и возбудил вопрос, не может ли армия отказаться от прохода через Бельгию. Мольтке об'явил, что другого пути не существует. Я получил впечатление, что из-

менить механизм транспорта было невозможно. Я заявил, что в таком случае мы должны считаться с немедленным об'явлением войны Англией. Каждый день является выигрышем для мобилизации флота. Поэтому надо как можно позже послать сообщение Бельгии. Со мною согласились, что надо ждать до второго дня мобилизации, однако это не было выполнено. В то время мне было неизвестно, что Бетманн уже 29 июля сообщил о возможности военных операций в Бельгии английскому послу, а значит, и всем державам Антанты, равно как и Бельгии. Он сделал это в предположении сохранить с Англией дружеские отношения, даже несмотря на континентальную войну.

Впечатление, что наши политические руководители потеряли голову, становилось все более и более тревожным. Вначале они предполагали, что проход через Бельгию не является чем-то раз навсегда решенным. С момента об'явления русской мобилизации канцлер производил впечатление утопающего.

Между тем как юристы иностранного ведомства углублялись в академический вопрос о том, состоим ли мы уже в войне с Россией или нет, внезапно оказалось, что мы забыли спросить Австрию, желает ли она бороться вместе с нами против России. Этот промах надо было поскорее загладить. Равным образом Италия не была извещена о нашем об'явлении войны России. Выходя из заседания, военные с ужасом говорили со мною о состоянии нашего политического руководства. Не менее удручающе действовало на меня мое впечатление, что генеральный штаб неправильно судил о войне с Англией и, не обращая на нее внимания, шел навстречу войне с Францией, ибо он, очевидно, предполагал, что военные действия продлятся недолго. Решения момента ни в чем не направлялись заранее обдуманными политико-стратегическими планами мобилизации, рассчитанной на общую войну.

Когда кайзер убедился в неудаче своих усилий спасти мир, он был глубоко потрясен. Один, издавна близкий ему человек, который встретился с ним в первых числах августа, рассказывал, что он никогда не видел такого трагического и взволнованного лица, как у кайзера в эти дни.

Возбужденный обмен мнений между Бетманном и Мольтке продолжался 2 августа в замке кайзера в моем присутствии. Мольтке не придавал никакого значения формальному об'явлению войны Франции. Он указывал на целый ряд враждебных актов со стороны французов, о которых у него имелись сведения; мы фактически находились в состоянии войны, и остановить развитие событий было невозможно. Я неоднократно указывал на то, что для меня являлось непонятным, зачем вообще мы должны были об'являть войну Франции; армия и так могла итти к французской границе.

Канцлер же был того мнения, что без об'явления войны Франции он не мог пред'явить Бельгии требование о пропуске. Это основание так и осталось для меня непонятным.

Как раз бельгийский вопрос с самого начала требовал от нашей дипломатии особенно осторожного отношения. Уже в течение десятилетий генеральный штаб стал серьезнее обдумывать возможность прохода через Бельгию, и именно с тех пор, как французская политика реванша начала опираться на русские армии. Что в франко-германской войне французы, по крайней мере, идейно являлись нападающей стороной, в этом не могло быть сомнения для всего мира. При обороне в войне, вызванной французской идеей реванша, в которой нам грозили одинаково на Висле, как и на Маасе и Мозеле, наш проход через нейтральную Бельгию мог получить оправдание в глазах мира лишь в том случае, если бы стало ясным, что политически нападающей стороной является Франция.

Сотрудники генерального штаба, которые детально обрабатывали эту проблему и которые, естественно, имели со-

вершенно исключительное представление об ужасной серьезности положения Германии, на основании различных признаков в последние годы перед войною пришли к убеждению, что французы и англичане попытаются пройти через Бельгию, чтобы напасть на рейнские области. На самом деле в 1914 г. французы напали на Лотарингию, как это постоянно предполагал Шлиффен. Тем не менее у нас были данные, что западные державы имели в виду Бельгию в качестве театра военных действий. Равным образом уже до открытия бельгийских архивов существовали многообразные признаки, указывающие на политическую и военную симпатию к Антанте среди руководящих бельгийских кругов. Так как канцлер должен был быть осведомлен в бельгийском вопросе, то перед ним стояла задача дипломатически подготовить наш проход через Бельгию, который генеральный штаб считал необходимым ввиду русско-французского нападения на нас. Однако, в этом направлении не было сделано ровно ничего. Стратегическое наступление Германии через территорию Бельгии в политическом отношении возбуждало серьезные опасения; ослабить их можно было лишь в том случае, если бы наша политика с удвоенной осторожностью и искусством сумела убедить мир в том, что в *политическом* отношении мы являемся стороною обороняющеюся. Если же мы навлекали на себя ложную видимость, будто политически нападение исходит от нас, в таком случае вызванный необходимостью проход через Бельгию приобретал роковой характер грубого насилия. Наши враги получали подавляющий материал для распространения клеветы против нас, если после ультиматума Сербии, отклонения греевского предложения конференции, после формального об'явления войны России и Франции мы вдобавок ко всему этому еще вступали в Бельгию. Как сомнителен и двусмыслен был бельгийский нейтралитет и его вооруженная защита по инициативе Англии! Только наше полное политическое неумение

создало этой стране легендарный венец мученичества. Повсюду мы предупредительно облегчали игру нашим врагам. В компетенцию генерального штаба отнюдь не входило самостоятельно обсуждать вопрос о политических последствиях стратегически необходимых шагов. Но признание Бетманном «Несправедливости» по отношению к Бельгии дало врагам сверх того еще и подтверждение их, направленной против нас, клеветы, а в дальнейшем развитие событий самым губительным образом сбило с толку правовое сознание нашего народа.

Эти мысли по поводу Бельгии появились у меня впервые во время войны, так как и во время мира и в начале войны я был совершенно неосведомлен во всем этом вопросе. Но дипломатические ошибки, совершенные нами при начале операций на западе, были для меня ясны уже в вышеупомянутом заседании.

Когда канцлер покинул заседание, Мольтке стал жаловаться кайзеру на «плачевное» состояние политического руководства, которое совершенно неподготовлено к создавшемуся положению, а теперь, когда лавина сдвинулась с места, все еще думает только о юридических нотах.

С своей стороны я подтвердил кайзеру мое впечатление, что иностранное ведомство уже много лет перестало функционировать; однако подавать советы кайзеру по этому поводу было не мое дело. Серьезность момента принуждала меня на этот раз выйти из границ моей компетенции: «Канцлер — мой начальник, не мне его судить, но пусть ваше величество вызовет Гинтце, чтобы поставить его на место Ягова».

В самом деле, Гинтце был вызван из Мексики и пробрался на главную квартиру; однако по настоянию иностранного ведомства он получил назначение в Пекин, и ему вторично пришлось совершить кругосветное путешествие под чужим именем. Он обладал большим опытом, который делал его самым способным человеком, чтобы наладить мир

с царем, мир, который в 1916 г. был возможен и который принес бы решение войне.

В этом рассказе я столь определенно выразил мой взгляд потому, что лица, занимавшие официальные посты, еще до сих пор стараются затушевать совершенные ими ошибки. Однако моральная невиновность нашего тогдашнего правительства может быть доказана только открытым указанием на его дипломатическую неспособность; только таким путем можно доказать также то, что кайзер совершенно непричастен к совершенным тогда промахам. Если другие ответственные лица оказались не на высоте, то это случилось не вследствие их желания войны, которое также и им было совершенно чуждо, но вследствие неспособности мыслить прямо и ясно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЙНЫ.

1.

Англия надеялась раздавить нашу страну с помощью русского парового пресса, при чем французско-бельгийско-британская армия должна была задерживать нашу армию; она надеялась прекратить войну в тот момент, когда наступит опасность слишком большой победы России.

Эти хорошо обоснованные надежды неприятеля на победу были обмануты благодаря нашему военному аппарату и той быстроте, с которой мы захватили Бельгию. Русские массы выполнили то, что можно было от них ожидать. Однако, на их несчастье, они вскоре наткнулись на великих полководцев, которые с помощью военного счастья посредством грандиозного маневра использовали лучшие качества германского вооруженного народа.

План Шлиффена напасть на Францию через Бельгию сам по себе был вполне пригоден, чтобы отвратить первую опасность от Германии. Я не могу судить, был ли этот до начала войны оставшийся мне неизвестным план безусловно правильным, принимая во внимание прегрессирующую технику окопной войны, а также наше политическое мировое положение и общее соотношение сил. Во всяком случае, выполнять его должны были такие лица, которые обладали бы гением, необходимым для того, чтобы целиком удержать в своих ру-

ках руководство столь гигантской операцией при всех наступающих случайностях. В целях колоссального обходного движения никакой коэффициент страховки не должен был казаться для нашего военного руководства слишком высоко оцененным; однако оно рассчитало этот коэффициент слишком экономно. Армия в мирное время была слишком мала; благодаря роковому упущению оборонительные силы Германи не были использованы в достаточной степени.

В августе 1914 г. мне казалось всего важнее прервать английские линии сообщения и пробиться к Калэ. Все остальное стало бы для нас легче, если бы мы, отрезав англичан от портов канала, заставили их сообщаться с Францией через Шербург или даже Брест, т.-е. через Атлантический океан, а не прибрежное море, а это придало бы войне во Франции совершенно иной оборот.

Ни я ни фельдмаршал фон-дер-Гольтц, который всецело разделял мою точку зрения, не могли побудить Мольтке к такой операции. На решения Фалькенгайна я не имел никакого влияния. По моему мнению, перерыв английских сообщений мог быть выполнен со стороны моря только посредством морской битвы при участии боевого флота, но отнюдь не одним наступлением легких сил. Если бы планомерно подготовили эту операцию и затем попытались бы ее выполнить, то, без сомнения, появился бы и крупный боевой флот англичан, вследствие чего произошла бы и морская битва, и чем скорее, тем лучше.

Мольтке был тяжело болен. Как раз в самый опасный момент он выпустил поводья из рук, и единство в операциях армий было потеряно. Я имел полное доверие к личности Мольтке, несмотря на его неуспех. Его преемник производил впечатление человека, недостаточно подготовленного для полного овладения задачей, которая после Марнской битвы вместе с переходом к войне на истощение расширялась до бесконечности. До тех пор армия было одушевлена только

одною мыслью: Канны. В войне на истощение превосходство врага благодаря его господству на морях должно было все сильнее оказывать свое действие. Все сухопутные победы сводились на-нет благодаря беспримерно невыгодному общему положению Германии. Втиснутые между нашими сухопутными врагами, мы не могли бы спастись только тем, что, ощетинившись, подобно ежу, делали себя неуязвимыми. Ибо нити нашей жизни были растянуты по морю. Поэтому спасти нас могла лишь величайшая смелость и решимость. Также и война на континенте должна была стать одним из звеньев к общей цели. После Марны армия должна была пройти новую школу. Тогдашнее высшее командование не подумало о необходимости отыскать великую конечную цель. Что же касается Гинденбурга и Людендорфа, которые в 1915 году стремились к уничтожению русских армий посредством их обхода со стороны Ковно и потому не согласовали свои действия с фронтальной атакой у Горлицы, то им не пришлось выполнить свой военный план. Если бы он удался, то их положение перед лицом главной квартиры несомненно стало бы преобладающим. На войне необходимо иметь определенную великую политическую цель, на которую устремляются со всем сосредоточением военных и политических сил. Само собою разумеется, что войну решает главный противник. Частичные победы над второстепенными противниками в лучшем случае являются средством к цели. Настоящая же цель могла быть только одна: попасть в самое сердце вражеской коалиции. Распознаем ли мы эту цель, от этого зависела наша судьба.

Кто же был нашим главным противником? Для меня нет сомнения, что им был тот, кто обладал величайшими средствами и самой огромной волей к войне. Политическим мозгом Антанты всегда был Лондон; он же становился все более также и военным ее мозгом. До восстановления восточного фронта в 1918 г. Лондон не упустил ни одного значитель-

ного шанса. В противоположность этому мы должны были все наши победы над Россией рассматривать как частичные победы, которые должны были послужить к тому, чтобы освободить наши силы против главного врага, ибо они делали возможным быстрое заключение мира с царем.

Никакое расчленение царской империи, которое имели в виду германская дипломатия и демократия, не могли нам сколько-нибудь помочь, если мы не наносили удара нашему главному врагу.

2.

Народное сознание по справедливости приписывает не военным, но государственному мужу Бисмарку главную заслугу в победоносных войнах, которые дали нам свободу, единство и благосостояние. Пока наш народ оставался здоров и сохранял верность, а наша оборона непреодолима, как это было в первые годы войны, наше государственное искусство имело достаточно политических, военных и морских средств, чтобы с честью выйти из войны с Англией, в которую оно было вовлечено. Армия, которая в ее специальной работе не была подготовлена к борьбе с Англией, недооценивала этого, так сказать, недосягаемого противника. Обо мне прокричали, что я являюсь пессимистом, и в гостиннице «Lion d'Or» в Шарлевилле шли разговоры: «В главной квартире нет ни одного офицера, который не верил бы, что война окончится ранее 1 апреля 1915 г., кроме морского министра». В англо-саксонском мире во мне видели противника, коего изоляцию в руководящих германских кругах должно было всячески приветствовать. Это понятное преобладание континентальных точек зрения в армии осталось бы безопасным, если бы канцлер шел вместе со мною. При отсутствии правильной политики, которая принимала бы во внимание морское положение, войну было трудно выиграть также

и военными средствами. Но если бы канцлер понял сущность мировой войны, то и армия согласилась бы с самого начала кампании придать большее значение английским линиям сообщения. В таком случае были бы выполнены и те удары против Англии на море, о которых идет речь в этой и в следующих главах.

19 августа 1914 г. я сказал канцлеру в присутствии Мольтке и Ягова: тот успех, который мы можем получить в борьбе с Россией, не окажет давления на Англию, но, напротив, принесет ей облегчение. Обстоятельства принудили нас наносить удары на таком фронте, борьба на котором не соответствует нашим интересам. Английские государственные люди решили во что бы то ни стало выдержать до конца. Наше будущее может быть спасено лишь в том случае, если мы поставим Англию в трудное положение. Исход войны зависит единственно от того, кто выдержит дольше, Англия или Германия. Представляется безусловно необходимым занять Калэ или Булонь.

Этот ход мыслей, повидимому, оставался для канцлера непонятным. Он полагал, что даже в случае счастливого для нас положения на западе, мы должны были здесь не итти слишком далеко и обратить наши силы на восток. Уже в первой половине августа канцлер сказал одному нашему общему знакомому: «Война с Англией есть только быстро преходящий шквал. Впоследствии отношения станут лучше, чем когда-либо». Бетманн исходил из необходимости искать соглашения с Англией и потому считал правильным щадить ее также в военных действиях. Он надеялся теперь, что ему протянут дружескую руку, которую он не заметил при предложении Греем конференции. Он не видел, что Англия, однажды вступив в войну, с ясной и смелой последовательностью желала ее выиграть. Военно-сухопутная точка зрения армии, некоторая уступчивость кайзера и неясные политические представления широких германских кругов давали

ему возможность снова заняться постройкой своего разваливавшегося карточного домика. В своих мыслях он возвращался к мирному настроению Грея в первые недели июля, и так как он никогда не понимал основания этого настроения, а именно всей серьезности риска в морской войне, то он по-прежнему предполагал наличность такого настроения в момент, когда Англия решилась на войну, и благодаря сопутствующим началу войны обстоятельствам, а также неиспользованию нами берега канала, пассивности нашего флота и событиям на Марне, укреплялась в своей надежде на победу. Как я уже говорил выше, Англия следовала теперь своей старой традиции еще более подняться в войне против сильнейшей континентальной державы данного времени. С пуританским фарисейством практически-утилитарная политика Британии, подчиненная интересам англо-саксонского капитала решилась тем с большей суровостью и безжалостностью бороться с Германией, чем вероятнее представлялась в 1914 году возможность, что мы достигнем нашей цели мирным путем. Как можно было думать, что Англия не использует целиком представлявшийся теперь шанс повергнуть в последнюю минуту почти опередившего ее соперника! Чем более Англия видела у нас недостаток решимости, тем более возрастала ее собственная. Влияние Ллойд-Джорджа перерастало влияние Асквита. У нас происходило обратное: более решительное направление было оттеснено на задний план. Этот путь должен был с несомненностью вести к поражению.

С 1911 г. наша политика страдала хроническим непониманием Англии. То же самое продолжалось и теперь. Пресса получила указание воздерживаться от резкостей против Англии. Иностранное ведомство неоднократно настаивало на этом в заседаниях представителей прессы в Берлине. Англичанам это, конечно, не осталось неизвестным, и они сделали отсюда свои выводы, разумеется, совершенно обратные тем, которые сделал германский Михель.

Так как наше общественное мнение не имело понятия о силе воли и средствах Англии, то оно наполовину считало их несуществующими и не видело, что нам придется примириться с нашим поражением, если бы в будущем не удалось настолько прижать Англию, что она сочла бы более выгодным искать примирения. Понимание Англии, начало которого восходит от Гнейзенау и Фридриха Листа до Карла Петерса и А. фон-Псеца, не сумело распространиться в нашем народе. В эпоху Бисмарка, которая считалась наставницей для нынешнего поколения, в основе нашей политики по необходимости лежали другие проблемы и условия. Вне морских кругов в Германии не понимали характера английской мощи и ее решимости оттеснить нас на задний план, и это непонимание разделялось тем легче, что у нас не имели представления о том, каким средством мы уже располагали, чтобы оказать сопротивление этой воле Англии. Однако наш флот был еще слишком юн и слишком мало сросся с нацией, чтобы передать ей свой собственный взгляд. Это в течение всей войны все возраставшее одиночество флота, который соединял в себе государственное мышление с заморским опытом, приспособленным к ведению мировой войны, показывало, что нация или ее верхний слой для такой войны еще не созрели. В первые месяцы войны ко мне еще обращались люди из всех слоев народа с требованием, чтобы флот выступил активно; если позднее общественное мнение в этом вопросе потеряло свою энергию, то оно только последовало по тому направлению, которое с самого начала избрало наше политическое руководство.

27 и 28 августа, в связи с моим планом образовать морской корпус для действий против Англии со стороны Фландрии, я снова стал осаждать канцлера требованиями сосредоточить его политику против Англии. Уже тогда я не мог понять, каким образом намеревались выиграть войну

с Англией только сухопутными операциями; спустя четыре недели, когда боевой фронт начал становиться неподвижным, это намерение превратилось в чистую утопию.

Как уже сказано, в главной квартире и в особенности перед лицом дипломатов я оставался в одиночестве. Я почти никому не мог высказывать моих взглядов. Среди этих людей, которые в своем сознательном или бессознательном оптимизме согласно шли против меня, я часто задавал себе вопрос: я ли поражен слепотою или; наоборот, другие? Не смотрю ли я на вещи слишком мрачно? Неужели в течение всей работы моей жизни я действительно заблуждался насчет упорной воли Англии к господству? Руководящие круги не могли понять сущности морского могущества Англии и грозящей нам судьбы; они не желали видеть, что Англия хотела уничтожить наши морские связи. Когда ход войны, к сожалению, показал, что я был прав, только тогда я вполне понял страшный смысл известных слов: but you are not a seegoing nation (но ведь вы, немцы, не являетесь народом моряков).

Я постоянно снова заявлял канцлеру, что Англия не прекратит своих ударов, пока существует надежда разрушить наше мировое положение. Наша демократия должна была всего более бояться именно этого. Ведь Ллойд Джордж не даром проповедывал: «Я не боюсь фон-Гинденбурга, фон-Макензена и всех прочих фонов, я боюсь только немецкого рабочего». Чем долее затягивался нок-аут, тем опаснее он становился для нас. Ибо главное оружие Англии, флот, мог оказать свое действие только в течение долгих лет блокады. Также и на суше должны были пройти годы, пока Англия создала бы свою собственную армию после того, как ей не удалось одержать победу с помощью чужих войск. Но если Англия шла на такое гигантское напряжение, которое ставило на карту ее собственное экономическое положе-

ние, в таком случае она желала также и вознаградить себя в огромных размерах и на целые столетия избавить себя от страха перед возрождением Германии.

Здесь я констатирую, что мое выступление в пользу решительной борьбы против Англии в 1914 — 1918 годы ни разу не помешало правительству искать компромиссного мира с Англией. Я высказываю это вовсе не ради собственной защиты. Ибо брошенное в массы обвинение против меня, будто бы я помешал правительству своевременно заключить мир с Англией, слишком глупо, чтобы мне надо было в нем оправдываться. Насколько я знаю, в течение всей войны не было ни одного момента, когда Англия согласилась бы дать нам иной мир, кроме мира уничтожения. Никогда мое влияние не повышалось настолько, чтобы я мог пресечь возможность мира, даже если бы я того желал, да и ни разу канцлер не указал мне действительной возможности заключить мир. Здесь я говорю скорее о простой точке зрения политической тактики, которая становилась тем важнее, чем более ухудшалось наше положение. Как раз в том случае, если желали притти к приемлемому миру с Англией на основе пожертвований, следовало, находясь в состоянии войны, выказывать против нее мощную боевую волю и искать сближения с Россией. Такая тактическая точка зрения столь проста и элементарна, что ей следуют все народы за исключением германского. Последняя надежда заключить с Англией приемлемый мир погибла тогда, когда мы вступили на путь противуположной тактики открытых предложений мира. По этим мирным предложениям британское государственное искусство безошибочно разгадало, что наше внутреннее разложение продолжается. Природный инстинкт должен был удерживать от того, чтобы мы одной рукой поражали врага, а другой ласкали его. Но именно так поступали мы, чтобы «не раздражать» нашего главного противника. В особенности тот, кто знает англичан, понимает, что

к справедливому соглашению их можно склонить только твердостью и крайней решимостью.

Когда 4 сентября 1914 г. все буржуазные партии рейхстага, в то время еще сохранившие свою солидарность, задумали действительную демонстрацию против Англии и без всякого содействия с моей стороны предложили добавление к закону о флоте, канцлер помешал этому предложению. Подобная политика подавления национальной решимости в подобной войне являлась признаком болезни.

Все новые и новые явления подтверждали, что было бы лучшей тактикой показывать англичанам твердую волю к борьбе. Потому-то в Англии и боялись падения канцлера и появления на его месте сторонника более решительных методов борьбы; потому-то в Лондоне поднялись курсы, когда моя отставка совершилась. С другой стороны, англичане ловко вели дело к тому, чтобы удержать канцлера у кормила правления. С тех пор как в 1911 — 1912 годах они разгадали его методы, он казался им вернейшей гарантией их собственной победы. Поэтому широкие круги Германии взирали на Бетманна, как на доверенного Европы, и наша демократия, которой из других соображений его слабость и неясность были равным образом на-руку, охотно распространяло эту легенду. И вот такой-то человек, который уничтожил наш престиж и своей дипломатией доставил миру самый опасный обвинительный материал, оказывался теперь лицом, способным возбудить в англичанах снисхождение к нам! Что же касается кайзера, то он считал себя связанным с человеком, который пользовался популярностью у германской демократии и у англичан. Таким образом Бетманн оставался на своем посту, хотя в течение трех долгих лет войны он ни разу не дал доказательства, что Англия пойдет на справедливый мир с ним. Но ведь об'явили же англичане, что вина за их непримиримость падает лишь на представителей германской мощи, а не на Бетманна,

и что, коль скоро эта мощь будет разрушена, нам станет легко жить. Многие добрые немцы серьезно принимали за правду подобные речи.

Хуже всего было то, что эта политика была связана с иллюзиями относительно победы на востоке. Если были готовы считать Англию непобедимой и сразу примириться с нашем поражением, то было бы, во всяком случае, лучше сделать это немедленно, чем притти к тому же результату после долголетней истощающей войны. Но, исходя из внутренних партийных оснований, часть германской прессы боролась с царизмом. К сожалению, наше политическое руководство шло в одном направлении с нею. Предполагаемая непобедимость Англии давала основу, на которой строили победу Германии над «царизмом»!

В начале июля 1916 года государственный секретарь Гельферих [1]) сообщил главам германских государств следующие мысли, которые я нахожу в изданном им в те дни меморандуме:

Мы должны выбирать между Англией и Россией, чтобы также и в будущем мире приобрести опору против одного из этих главных врагов. Этот выбор должен быть решен в пользу Англии и против России, ибо русская программа несовместима с нашей позицией, как передового бойца западноевропейской культуры, и с нашими отношениями к Австро-Венгрии, Балканам и Турции. Напротив, разграничение интересов между Англией и Германией вполне возможно. Поэтому нам не нужно флота как условия существования Германии, напротив, нам нужно возможно большее ослабление России. Мы должны совершить целиком всю работу в одном месте вместо половинной работы во многих местах. Интересы Англии должны нам позволить совершить всю работу против

[1]) Как выяснилось теперь, нижеследующий меморандум, приписываемый в свое время Гельфериху, принадлежит перу другого, пока еще неизвестного автора.

России. Решительная позиция против России возвращает нашему положению в мировой войне нравственную основу, которая состоит в заступничестве за Австро-Венгрию, а не в борьбе за свободу морей. Негодование германского общественного мнения против Англии необходимо, следовательно, обратить на Россию. Меморандум заключает следующими словами:

«Высказанные выше соображения вызовут возражение, что они составляют счет без участия хозяина, поскольку как раз ненависть и стремление Англии к нашему уничтожению делают соглашение невозможным... Однако указанная выше надежда не столь тщетна, как это может показаться, ибо демагогическое министерство Асквита не будет же существовать вечно. Стремление англичан уничтожить нас отчасти, пожалуй, исключает возможность соглашения; однако оно отнюдь не принуждает нас принимать борьбу там, где они являются сильнее нас, а именно на море и в Египте».

Итак, и приведенный меморандум видит только неопределенные надежды на соглашение и нигде не находит чего-либо осязательного. Однако этих пустых желаний для известных кругов было достаточно, чтобы в течение драгоценных годов, когда Германия еще могла быть спасена, не использовать единственное средство привести Англию к уступчивости, именно—соглашение с царем и всемерное развитие наших сил на море. Морской мощи Англии мы не наносили тех ран, которые мы могли ей нанести, и, таким образом, сентиментальностью, премудрыми расчетами и штатским пониманием морской войны мы добились того, что в Англии взяла верх решимость уже в этой войне нанести такой удар германскому сопернику, от которого он никогда не мог бы оправиться. Осенью 1916 г., когда организация подводной обороны Англии близилась к своему завершению, а инцидент с «Суссексом» показал всему миру недостаток

у нас мужества, Ллойд-Джордж решился произнести слово «нок-аут».

Моя точка зрения заключалась в следующем: либо мы считали Англию непобедимой и в таком случае, чем скорее, тем лучше, должны были примириться с нашим поражением. Либо мы должны были пустить в ход все военные и политические средства, чтобы поколебать непобедимость Англии. Само собою разумеется, что практически я имел в виду только вторую альтернативу. Но в таком случае надо было ясно видеть путь, по которому желали итти. Всякое мудрствование и колебание, которое не подсказывалось этой альтернативой, должно было вести нас к гибели. Моя борьба за занятие берега пролива, за морское сражение и за своевременную подводную войну исходила из указанной точки зрения, а отнюдь не из каких-либо ведомственных соображений.

3.

Какими же средствами располагали мы, чтобы оказать военное давление на Англию?

Когда разразилась война, я с удивлением узнал, что державшийся от меня втайне план морских операций не был предварительно согласован с планом сухопутных операций. Само собою понятно, что армия рассматривала морские операции, да и вообще войну против Англии, как дело второстепенное. Поэтому уже перед войною было небходимо под председательством рейхсканцлера установить общий план войны на три фронта или мировой войны. Однако такое обсуждение произведено не было. Только об'единенное высшее руководство морскими операциями могло бы обладать достаточным авторитетом, чтобы уже во время самой войны применить накопленное флотом знание и суждение о морской мощи Англии; однако такое высшее руксводство создано не было.

Из трех возможностей непосредственно бороться с Англией я прежде всего буду говорить о берегах пролива. В конце августа предполагалось, что операции армии приведут нас на фландрский берег, и взятие Антверпена явится только вопросом времени. Это делало возможным ведение морской войны с базой во Фландрии и значительное улучшение нашего стратегического положения на море. Так как в качестве морского министра я мог превратить эту возможность в действительность, то я направил все мои силы на эту задачу, имея в виду создание морского корпуса и оборудование фландрского берега. Однако сверх этого проницательное командование должно было поставить себе целью взятие Калэ. До тех пор, пока армия надеялась овладеть Парижем, я ожидал, что таким образом берег сам собою попадет в наши руки. Я оставляю открытым вопрос, в какой мере было правильно с самого начала не поставить себе целью захват берега. Мы могли бы выставить артиллерию на мыс Гринэ и значительно затруднить сообщение по проливу, а наши морские силы могли бы действовать оттуда гораздо успешнее. Непрерывное расстройство связанного с Темзой сообщения причинило бы английскому хозяйственному организму тяжелое нарушение функций, что в то время, когда наши силы еще были непоколеблены ни внутри ни вовне, значительно повысило бы в Англии склонность к миру. Позднее к этому присоединилась бы возможность обстреливать Лондон артиллерией с мыса Гринэ. Я уже говорил, что я всегда был против всех бесполезных военных затей, вроде воздушных нападений на внутренние города. Напротив, действительный и сосредоточенный обстрел Лондона всеми способами, с суши и с воздуха, имел бы оправдание, как средство сократить бесчеловечную войну, в особенности, ввиду того, что Англия самым грубым образом признавала международное право только когда ей это было выгодно.

Вторым средством нажать на Англию было морское сражение. Антанта победила нас британскими броненосцами, которые осуществили блокаду, и коих престиж подчинил весь мир воле Англии. Спасти нас могли, прежде всего, тоже броненосцы. Из всех сделанных мне упреков только один беспокоил меня серьезно, а именно, что я построил недостаточно броненосцев. Однако из предшествующего рассказа читатель уже знает, что для нашего флотского состава сражение было не безнадежно. О внутренних причинах, парализовавших тогда наш флот, я буду говорить ниже. Теперь я хочу указать на главную причину, а именно на несостоятельность нашего политического руководства.

Как уже сказано, канцлер настаивал на том, что мы не должны раздражать Англию, если желательно притти с ней к соглашению; кроме того, флот необходимо было сохранить, по возможности, в целости до конца войны, чтобы оказать давление при мирных переговорах. Второй аргумент мне всегда оставался столь же непонятен, как и первый. К мнению канцлера примкнул начальник морского кабинета, который никогда особенно не разделял духа боевого фронта и в своем положении посредника все более превращался в политику компромиссов. Под влиянием обоих находился также и начальник морского штаба адмирал фон-Поль.

По моему мнению, намерение упаковать флот в вату противоречило всякому смыслу. *Fleet in beeng* (т.-е. флот, действующий одним фактом своего существования) имел смысл для Англии, ибо он этим выполнял свое назначение господствовать на морях. Но для Германии, коей цель заключалась в освобождении моря, этот принцип не имел никакого смысла. Далее, мы не смели допустить, чтобы война превратилась в борьбу на истощение, и должны были попытаться быстро покончить с нею. В июле 1914 г. наше политическое руководство предприняло опасную политику, кото-

рая, если вообще она была допустима, могла опираться только на морскую силу. Когда же война разразилась, флот по возможности лишили всякого значения и предприняли невозможную попытку выиграть войну против Англии перед Парижем, а прежде всего стали стараться, щадя Англию в военных действиях, настроить ее в пользу приемлемого мира с нами, что было вещью совершенно невозможной. Наше политическое руководство никогда не задавалось вопросом, какими средствами выигрывается война, но предоставило эту заботу генеральному штабу армии, который, в свою очередь, был не призван решать политические, хозяйственные и стратегические вопросы мировой войны. Таким образом канцлеру оставался, как единственная надежда на окончание войны, расчет на... добродушие англичан.

Меня могут спросить: какую пользу даже в счастливом случае могло нам принести удачное морское сражение? Разве англичане не были в состоянии быстро пополнить свой северный флот из своих резервов, а в случае нужды привлечь также французский флот?

В ответ на это можно сказать, что мировое значение англичан в большой степени покоилось на *вере* в их непобедимую Армаду. Германская победа на море или даже сомнительный для Англии исход сражения нанес бы тяжелый удар престижу Великобритании. Чтобы правильно оценить значение такой утраты престижа, стоит только вспомнить впечатление, произведенное за границей нашей морской победой при Коронеле. Англичане отлично видели впечатление этого сражения; поэтому они отвлекли от родины значительные силы, чтобы загладить поражение при Коронеле. Боясь еще большего ущерба своему престижу, они действовали также и против нашего флота в Северном море, чем дальше, тем с большею осторожностью. Могла ли успешная для нас морская битва в 1914 г. разорвать блокаду или нет, в то время это не принесло бы решения, ибо при своем

морском положении и перед лицом Японии англичане не могли подвергнуть себя значительному ослаблению морской мощи. Общий ход войны стал бы иным, если бы мы в то время приобрели престиж на море. Переход Италии во вражеский лагерь был бы предотвращен, а наша позиция по отношению к Скандинавским государствам сразу переменилась бы. В особенности же склонность царя к сепаратному миру и наша надежда на соглашение с Японией должны были возрасти по мере того, как наш флот тяжкими ударами на манер армии поднимал бы нам престиж и ослаблял престиж Англии. Нет никакого сомнения, что для значительного сокращения английского флота сил у нас хватало. Британское морское могущество своею массой подавляло весь мир не-англо-саксонских держав. Для маленьких морских государств естественную опору представляли мы, а вовсе не Англия. Все смотрели на нас. Наступал последний час спасти свободу мира. На море шла борьба за вещи еще более важные, чем на суше; и здесь, на море, тайные симпатии многих наших временных врагов были на нашей стороне. Спасти нас могли только самые сильные средства. Мы должны были нанести, по крайней мере, чувствительный вред «великому флоту» Англии. Всякая рана, причиненная британскому морскому могущество, тотчас возбудила бы индийский, египетский и прочие вопросы, лишила бы Англию новых союзников, которые были ей нужны для победы над нами, и склонила бы ее к миру. Англия сознавала эту опасность и правильнее, чем мы сами, оценивала наши морские силы; вот почему она колебалась с вступлением в войну, а затем избегала морского сражения. Англия ничего не могла выиграть от «precipitate and costly action» (поспешной и дорого стоящей операции). «Пока германский флот прячется, мы пожинаем все выгоды морского могущества», писал «Daily Telegraph». Почти невыносимая скорбь охватывает меня при мысли, как изменилось бы все мировое положение

благодаря решительной морской битве в первые месяцы войны. Даже такая неоконченная битва, как встреча при Скагерраке, в то время оказала бы огромное действие; а между тем, это удачное для нас, но незаконченное дело, вопреки нашему преимуществу, не могло уже принести никакого длительного политического результата благодаря тому, что оно случилось спустя почти два года. В промежутке времени общие условия слишком сильно изменились и укрепились в пользу Англии, а народы, в то время еще остававшиеся нейтральными, уже потеряли веру в нашу конечную победу благодаря нашей покорности убийственным нотам Вильсона.

Даже в случае неудачного для нас исхода морского сражения наши дальнейшие шансы не могли ухудшиться существенным образом. Можно было почти с уверенностью рассчитывать, что англичане понесли бы такие же потери, как и мы. Ничего не могло быть хуже для нашего флота, чем его бездействие.

Чтобы оправдать это бездействие, в то время выдумали и широко распространили басню о плохих качествах наших кораблей. Это один из самых печальных и роковых примеров клеветы во всей истории Германии.

Канцлер желал, как настоящую причину мировой войны, выставить нашу «флотскую политику» в довоенные годы, хотя Англия в 1896 или 1905 г.г., когда Германия была без флота или только с малым флотом, держалась по отношению к нам гораздо более вызывающе, чем в 1914 г., когда мы уже выстроили флот и не захотели им пожертвовать в 1911-12 г.г. Но если вина должна была быть свалена на флотскую политику и на меня, то все же при всем желании было невозможно отделить особу кайзера от флотской политики. Без него она не была бы осуществлена. Бетманн желал купить дружбу и мир с Англией решительным отказом от флотской политики, т.-е. на самом деле отказом от нашей мощной по-

зиции перед лицом Англии. Этой безумной мечте, противоречившей самой сущности мировой войны, кайзер в качестве вождя морской войны должен был бы оказать противодействие. Но если распространяли уверенность в том, что флот не пускается в дело по причине его неспособности и плохого материала, то виноватым оказывался я, а кайзер оправдывался в глазах народа за бездействие морских сил. Раскол в политических взглядах между партией канцлера и мной породил целый поток подозрений против материала флота, и эти подозрения были впервые опровергнуты только испытанием при Скагерраке. Однако предварительно уже успели укрепить кайзера в его отказе от использования флота и парализовать энергию самого флота. Если бы кайзер послушался иных советов и последовал своему собственному внутреннему влечению, Германия не лежала бы теперь в развалинах.

Нас победил традиционный, хотя и не проведенный в новейшее время, морской престиж Англии. В сердца наших руководителей он вселил боязнь пустить в ход наш флот, пока еще было время. И таким образом, вместе с отказом от лучшего, даже единственного оружия против Англии началась печальная игра упущенных возможностей.

Когда вследствие этого, а также вследствие вступления в войну Италии и невыполнения военного плана Гинденбурга на 1915 г. была отдалена надежда на сепаратный мир с Россией, а вместе с тем и развязка узла, в начале 1916 г. небо еще раз послало Германии средство спасения в виде созревшей для своего выполнения подводной войны. Ниже я расскажу историю той бестолковщины, благодаря которой наше будущее было погублено вследствие того, что и это последнее решающее средство в решительном году было применено слишком поздно.

В это время также и великие вожди, ставшие в 1916 г. во главе славной армии и вдохнувшие в нее новые силы, ви-

дели перед собою уже только ограниченные возможности. Наступил момент, когда, по примеру семилетней войны, сепаратный мир с царем окончательно сделался для нас вопросом жизни и смерти.

4.

Осенью 1916 г. я имел случай беседовать с некоторыми русскими, дружески расположенными к Германии, и из этих бесед в связи с другими признаками я заключаю, что существовала возможность заключить мир с Россией. Конечно, я не мог и теперь не могу иметь полного представления, на каких условиях был достижим подобный мир. Однако, в качестве основы для переговоров, имеющей вероятность успеха, можно представить себе следующие условия: мы должны были бы пойти навстречу для удовлетворительного разрешения сербского вопроса, признав десять также и царем принятых в 1914 г. пунктов ультиматума и назначив арбитраж для решения остальных двух пунктов, так что в общем Россия достигла бы успеха без поражения Австрии. Мы могли бы потребовать продвижения нашей границы до Нарева, дабы обеспечить Восточную Пруссию от повторения испытанного ею нашествия, а взамен предложить России соответствующую часть Восточной Галиции, за что Австрия в случае надобности могла бы быть вознаграждена в Новобазарском санджаке и Албании. Мы выхлопотали бы России право прохода военных судов через Дарданеллы, а если бы она согласилась заключить с нами союз, предоставили бы ей один остров в Эгейском море. Мы отказались бы от Багдадской железной дороги или допустили бы русских к участию в ней. Мы предоставили бы России Персию и взяли бы на себя русские долги Франции. Если бы России удалось устроить мир между нами и Японией, то за это можно было бы предложить ей еще более благоприятные условия. Что касается Константинополя, то русские должны были бы согласиться с тем, что мы не мо-

жем допустить уничтожения Турции. Однако мы дали бы обещание постепенно преобразовать нашу турецкую политику. Можно было бы также позаботиться о личном вознаграждении великих князей и проч.

К принятию таких условий мира Австрию склонить было можно, а в таком случае также и Италия принуждена была бы пойти на соглашение.

Японии можно было бы предложить возвратить Тзинтау Китаю; мы удержали бы этот пункт в аренде, оставив его неукрепленным, с тем условием, чтобы японцы и немцы пользовались там равными правами. За это мы уплатили бы Японии некоторое военное вознаграждение и предложили бы ей союз, который обязывал бы нас подать ей помощь в случае, если бы при нападении на нее не-европейской державы к нападению присоединилась бы еще и какая-либо европейская, а Японию обязывал бы подать нам помощь в случае, если бы, кроме европейской державы, на нас напала бы не-европейская. Все сказанное должно лишь приблизительно показать, на какой почве можно было бы попытаться притти к соглашению с Россией и Японией. При этом главным для нас оставалась враждебная Англии ориентация нашей общей политики. Русско-японское сближение 1916 г. давало основу для этого последнего великого союза, направленного против англо-саксов.

В течение всей нашей истории мы еще не имели случая так много предложить России, как в этом 1916 году.

Сверх того открывались еще более широкие и далекие перспективы, как, например, пересмотр Пражского договора на тот случай, если бы Дания вслед за Россией вступила в более тесное общение с нами, в соответствии с ее интересами и географическим положением по отношению к России и Германии. При посредничестве царя мы могли бы побудить французов к миру уступкой им чего-либо вроде занятой ими маленькой части Эльзаса, что было бы для них приемлемо

при их тогдашнем положении. Весь мир континента должен был бы и мог бы быть выполнен при посредстве Петербурга.

После того как самоубийственная политика Бетманна и германской демократии создала польское государство, вновь оживило вражду к нам России и толкнуло ее в революцию, после того как, наконец, при ухудшившемся положении слишком поздно начатая подводная война и дипломатические промахи вызвали об'явление войны Америкой, внешнее положение Германии стало столь запутанным, что отныне развязку войны можно было искать главным образом только во внутренних факторах, в экономической борьбе, в выдержке нервов и патриотизме германского и английского народов.

5.

Наше политическое руководство не сумело своевременно привлечь к себе союзников и симпатии; народу оно не внушило ободряющих идеалов, которые послужили бы ему для перенеесния войны. Но оно также не открыло ему глаз на все ужасы, которые ждали его в случае поражения. Громкая фраза насчет оборонительной войны была иллюзией, которая должна была вести к гибели, так как Англия в течение войны уже уничтожила наше мировое положение; нам было уже нечего защищать, но в лучшем случае нам предстояло посредством заключения мира снова начать строить это положение. Германский народ не мог жить, не обеспечив себе этой возможности заключением мира. Бессмысленная фраза о чисто оборонительной войне затемняла народным массам сознание этой необходимости. Сколь иначе действовал Ллойд-Джордж, который говорил о «нокауте»! [1]). Те же немцы, которые ясно видели

[1]) Удар по подбородку, сбивающий противника с ног и решающий исход кулачного состязания.

ожидающую нас альтернативу и согласно истине заявляли, что либо англичане должны были осуществить свою волю к уничтожению нас, либо мы нашу волю к жизни, что третьего выхода нам не дано, эти немцы выставлялись нашим правительством на жертву ненависти слепой народной массы. Бетманн делал как раз обратное тому, что повелевала государственная мудрость, с которой Ллойд-Джордж и Клемансо вели свои народы к победе. Канцлер и его демагогические друзья все время направляли острие своей политики не наружу, а во внутрь. Но этим самым они разбивали силу сопротивления народа и подготовляли катастрофу, пока народ и его достигнувшие власти демагоги, оставив оружие, не бросились к ногам врагу с призывом: «Мы никогда не стремились к победе, мы даже боялись ее, ибо она оставила бы на шее порабощенного германского народа иго автократии и военной касты. Теперь поражение освободило германский народ от господства кайзера и военных, сделало его счастливым и достойным прекрасного будущего. Мы жаждем заслужить доверие всего иностранного мира, мы освободим путь от империализма к идеализму; другими словами, мы посеем в немецких сердцах не ненависть к империализму британцев, заставивших нас голодать, или к французам и полякам, которые рвут наше тело на куски, мы посеем ненависть к тем людям, которые некогда сделали германскую империю могущественной, для ее защиты создали армейские корпуса и корабли и обеспечили наше благоденствие прочной плотиной против алчности соседей».

Такой конец германского могущества был приготовлен одурачением германских народных масс с самого начала войны. Ложные обещания, которые Шейдеман с товарищами при попустительстве правительства давали германскому народу, теперь, после пережитого ужасного испытания истины, действуют потрясающе.

Уже римляне умели строить свою политику на внутренних раздорах германцев. На помощь Антанте явилась еще зависть распропагандированных классов, которые всегда готовы уничтожить творцов их собственного экономического существования, ибо эти последние «больше зарабатывают», нежели они сами.

Таким образом многие немцы приветствовали «зарю революции». Наша мощная, гордая, всеми чтимая держава разрушена не врагом, но внутренними усилиями. Так как народ не созрел для того, чтобы выполнить свою политическую задачу в воздвигнутых Бисмарком рамках, сила непобедимого войска сломилась. В Лондоне или Париже каждый человек на улице сам чувствует, что полезно для государства. А у нас он набивает себе голову иллюзиями, которые подсказывают ему известная пресса и партии, которые ему, как простофиле, всегда умеют закрыть глаза на то, что он падает со ступени на ступень.

Меня обвиняли в «аннексионизме». Но этот мой пресловутый аннексионизм заключался в пессимистическом и, к сожалению, подтвержденном войною взгляде на наше экономическо-политическое будущее. Я не мог удовлетворяться утешительными надеждами на справедливый мир и союз народов, подобно многим согражданам интернационально-капиталистического и социалистического толка, я спрашивал себя: каков должен быть конец войны, который обеспечил бы немецкому народу в его трудном положении на земле равенство с прочими державами, обладающими естественным мировым значением? Наше мировое положение теряло свою искусственность лишь в том случае, если бы мы достигли в срединной Европе положения первого между равными, в каковом положении большинство европейских народов увидело бы гарантию их собственной полной свободы. Такова была выпавшая нам на долю цель. Пока она не была достигнута, мощь Германии столь же мало соответствовала положению

немецкого народа в мире, как в XVIII столетии положение Пруссии отвечало ее действительным силам.

«Пространство заключает в себе будущее», эта формула имеет силу для империй британцев, американцев, русских и даже для французов, которые могут распространяться в Африке. В этом смысле для Германской империи, втиснутой в середину Европы, пространство завоевать было невозможно. Его будущее заключалось в деятельности, распространенной по всему миру и служившей всему миру; при действительном политическом положении это будущее могло быть обеспечено только сосредоточенной оборонительной силой страны, которая вызывала бы к себе почтительное отношение со стороны. Вот истинная причина, почему враги хотели разрушить прусский милитаризм. В этом случае с нами вообще было бы покончено. Для царя или для французов их миллионные армии были, пожалуй, безнравственной роскошью: ибо кто когда-либо думал о том, чтобы напасть на их страны? Но что, напротив того, Германия нуждалась в мощной военной силе для защиты и восполнения своего беспримерно невыгодного географического положения и неудобства своих границ перед лицом своих искони жадных до завоевания соседей, это определенно признал даже Ллойд-Джордж в самом начале 1914 г.; и кто мог бы оспаривать это ныне, после окончательного опыта мировой войны? Однако Германская империя после 1914 года только в том случае стала бы способна защищать и поддерживать свое мировое положение, если бы она не допустила более верховного господства англичан над Бельгией.

Даже до битвы на Марне я никогда не рассчитывал на полную победу германского оружия в стиле 1870 года. Американцы во всяком случае отняли бы у нас многие плоды победы. С своей стороны я придерживался взгляда, что полная победа оружием невероятна ни с той ни с другой стороны, и что поэтому решения надо было искать в моральных силах

воли и сопротивляемости. Если бы удалось открыть германскому народу глаза на то, что означало преобладание англичан в Бельгии, то я не сомневаюсь, что мы сумели бы развить необходимые силы , чтобы отвратить эту опасность при заключении мира. В случае поражения уделом германского народа было чужеземное господство. Чем принять это рабство, было все же лучше до последней степени испробовать возможности победы.

При ограниченности нашей территории прирост нашего населения с 1870 года, на котором основывалось развитие нашего благосостояния и мощи, уже более не мог быть пристроен дома с помощью земледелия. Земельный голод точно так же, как уже в начале нашей истории, толкал излишек населения к эмиграции и утрате своей национальности. Искусственное расширение родного пространства, дававшего пропитание, было возможно только с помощью промышленности и торговли. Но даже если бы число нашего населения установилось, то мы все же не могли бы оставаться прежней преимущественно земледельческой Германией прошлого поколения, ибо после 1870 года пространства Америки и России начали конкуренцию с нашим вывозом сельско-хозяйственных продуктов и в значительной степени остановили его. Чтобы наше количество населения могло повышаться или даже только оставаться на прежнем уровне, наш вывоз сырья должен был быть во много раз увеличен вывозом фабрикатов. Для их производства мы опять же должны были ввозить много сырья, ровно как и для сельского хозяйства, дабы его продуктивность могла быть повышена в целях прокормления увеличившихся в числе народных масс. Остановка ввоза и вывоза при таких обстоятельствах означала мучительное усыхание всего народного организма, беспримерное в истории падение от благосостояния в нищету. Миллионная армия голодных и безработных пролетариев, народ, оторванный от своих корней, который должен заниматься взаимным истреблением,

чтобы дать выживающим скудное пространство для жизни. Вот какая картина в течение всей войны давила на меня, как кошмар. Легкомысленные заявления большинства, что Германия снова сумеет всплыть наверх, меня не успокаивали. Ибо я не видел, каким образом могла бы она всплыть иначе, как распространив на долгое время свое владычество до самого берега Ламанша.

Ибо в истории обладание нидерландским берегом было всегда решающим для преобладания Англии на континенте. Искони Англия рассматривает бельгийский вопрос, как подлежащий ее специальной компетенции. Если англичане сидели в Антверпене, то они сидели также в Гааге и в Кельне и через открытые им ворота Шельды и Нижнего Рейна являлись господами положения на континенте. Только в том случае, если бы Германия снова взяла под свое покровительство области по Маасу, которые почти в течение тысячи лет принадлежали к Германской империи, германский народ мог бы до известной степени загладить свои военные потери. Ибо экспортная торговля, которая к 1914 году сделалась основой нашего национального существования, мыслима только при условии обеспеченного мирового положения. Только немецкие мечтатели, которые сами не знали своих источников существования, могли воображать, что англичане допустят, чтобы Германия, которой им нечего будет бояться, снова смогла в прежних рамках и с прежней свободой извлекать для себя доходы по всему миру! Но до 1914 года наше мировое положение основывалось по преимуществу не на реальной силе, но на нашем престиже 1870 года. Коль скоро мы не сохранили за собой этого престижа, т.-е. не вышли из войны как равный Англии, то все, что мы создали в мире, должно было погибнуть. Наша родина расцвела благодаря нашему значению во внешнем мире; это значение должно исчезнуть подобно древней Ганзе, если мы не завоевали себе независимого положения перед лицом Англии.

Однако уже только для того, чтобы загладить чудовищные потери, причиненные войной нашему океанскому торговому флоту, мы должны были выйти из войны с новой расширенной хозяйственной основой, ибо в наш век, по выражению англичан, большой непрерывно становится больше, а малый — меньше. Утверждение уже до войны сложившегося торгового положения Германии в Антверпене, освобождение родственной нам Фландрии от валленско-французского господства, недопущение англичан к континентальному берегу, — такова была в моих глазах единственная материальная цель войны; эту цель отнюдь нельзя назвать аннексионистской. Я уже не касаюсь здесь точек зрения морской стратегии, с которых наше положение в водном треугольнике становилось невыносимым, коль скоро Англия привлекла бы в свою сферу влияния Бельгию и Голландию и простерла бы свою политическую мощь до самого Эмса.

Какой вред мог бы получиться от того, что весь германский народ поставил бы себе серьезной целью освобождение фламандцев? Разве это было бы более безнравственно, чем новая аннексия французами германского Эльзаса? При этом мы оставили бы фламандцам их самостоятельность, между тем как французы не желают предоставить эльзасцам даже простого самоуправления. Вся разница заключается только в том, что француз сообразно своему характеру считает господство своим прирожденным правом, между тем как немец охотно признает за ним это право и в то же время чувствует упрызения совести, если сам он стремится только к тому, чтобы приобрести влияние.

Наша цель должна была заключаться в том, чтобы поддержать экономическое процветание нашего народа, спасти наши области по Рейну от упадка, наши ганзейские города от превращения в простые английские агентуры, а весь наш национальный организм от удушения, уготованного для него Англией; она должна была заключаться также в новом сози-

дании искусственной постройки нашего мирового положения после его падения в войне. Но такой конец войны, который позволил Англии сохранить свои позиции на Маасе и Шельде, означал для нас, как и для всей глупой, внутренне раз'единенной Европы, конец свободы и благосостояния; такой конец можно было допустить лишь после того, как действительно были бы исчерпаны последние возможности лучшего исхода.

Нейтралитет Бельгии после войны стал невозможен точно так же, как его собственно не существовало с 1905 года. Бельгия и Голландия питались кровообращением Германии в качестве выходных областей нашей экономической жизни. В нашем интересе было дать им возможность цвести на свободе, тогда как Англия желает использовать их в качестве своих предмостных укреплений.

Правительство, подобно Ллойд-Джорджу и Клемансо, должно было указать народу внешнюю цель войны также и для того, чтобы отвлечь его от внутренней гражданской борьбы из-за реформ, которые, в случае поражения Германии, все равно не могли осчастливить никакую партию. Правительство должно было научить народ видеть главное и оставлять в стороне второстепенное.

С самого начала войны мне было ясно, что вероятным следствием поражения явится революция, хотя я никогда не считал возможным, чтобы нашлись такие немцы, которые еще до заключения мира допустят катастрофу и полную выдачу всего внешнему врагу. Были и другие лица, которые мрачно смотрели на нашу политику, которая и во внутренних и во внешних отношениях вела нас к пропасти; уже в 1915 году кронпринц спрашивал меня, верю ли я в то, что ему когда-либо придется управлять страной. Но с падением старого государства погибала также и сила германского народа, ибо без твердого руководства он до сих пор всегда оказывался неспособен завоевать себе благополучие. Ему нужно было прусско-германское государство. Его ангелом хранителем

была традиция Фридриха Великого и Бисмарка. Ибо нашему народу недостает того политического гения, которым проникнуты, например, французы.

Нам нужна была сильная монархия, ибо германский народ был научен своей историей, что без такой монархии он при его опасном положении не в состоянии существовать. Но в момент самой острой опасности мы уничтожили ее, между тем как наши враги пошли обратным путем самого напряженного сосредоточения сил. Таким образом мы не только потеряли то преимущество единого руководства, которым мы еще обладали в начале войны. Напротив, к нашему недостатку материальных сил мы присоединили еще духовную и моральную слабость благодаря тому, что в последнем году войны таким диктаторам, как Вильсон, Ллойд-Джордж и Клемансо, мы противопоставили такого дряхлеющего человека, как Гертлинг, и в конце концов допустили, чтобы вожди партий, стремившихся к разрушению, поделили между собою власть.

6.

Когда в октябре 1918 года достигшие власти демократы были готовы сделаться жертвою ужасной, со времени Карфагена не слыханной в мировой истории ошибки, ибо невозможно было сдаться на милость победителя, не обрекая себя этим на гибель, я отправил следующее письмо тогдашнему рейхсканцлеру, принцу Максу Баденскому:

Берлин, 17 октября 1918 г.

Ваше Высочество!

Согласно Вашему приказанию я почтительнейше сообщаю мой взгляд на нынешнее положение Германии.

Политический метод, которого мы перед войною и особенно во время войны придерживались по отношении к Англии и Америке, я считаю ложным в самой его основе. Мы руководствуемся в нем таким взглядом на вещи, который свойственен нам, но которого не разделяют

другие. В этом методе я усматриваю одну из самых существенных причин войны и всего нашего теперешнего положения. Цель англоамериканцев, преследуемая ими с утонченнейшей политической мудростью и упорной последовательностью, заключалась в уничтожении Германии, что составляло дальнейший шаг к достижению мирового владычества англо-саксонского капитализма. Лишь поскольку мы обнаруживали силу и в особенности упорство, мы могли внушить им представление, что затея их невыгодна, и таким образом обеспечить себе сносные условия существования. Непрерывно повторяемые всенародные предложения мира были с нашей стороны методическими ошибками. С каждым нашим новым шагом в этом направлении Вильсон повышал свои требования. Мы не понимали, что мы имеем дело с хладнокровными угнетателями. Их тирады о счастье и мире народов искренни, но самым наивным образом под ними подразумеваются только счастье и мир собственных народов; кроме того, они рассчитаны на политическую неопытность нашего народа.

На наше последнее предложение мира и перемирия, которое уже не задумываясь, отказывается от великодержавного положения Германии, Вильсон дал деловой ответ, содержащий требование в первую очередь сложить оружие. Ему точно известно, что прекращение подводной войны делает для Германии невозможным возобновление сопротивления в будущем. Требование прекращения подводной войны, в нынешнем и будущем значении которой, как показывает речь Чёрчилля, в неприятельском лагере отдают себе ясный отчет, является центром ноты Вильсона, которую он старается окутать пафосом морального негодования.

Ответ Вильсона показывает, что было бы ошибкой предполагать, будто бы Антанта согласна даровать нам такие условия перемирия, которые дали бы нам возможность в случае неудачи мирных переговоров привести в оборонительное состояние наши границы и армию.

Нам остается одно единственное средство достигнуть лучших условий, быть может, даже сохранения германской нации: призыв всего народа к решительной защите нашей чести и жизненных возможностей, призыв, сопровождаемый немедленным действием, которое и вне и внутри не оставит ни малейшего сомнения в нашей *воле*. Такой образ действий будет правилен даже и в том случае, если мы все еще готовы ответить противнику в духе уступчивости. Упадок нашего чувства чести и духовной бодрости, начавшийся на родине, через посредство этапов, распространяется по боевым фронтам. Армия не может более держаться и сражаться, если она слишком ясно видит, что родина готова бросить все на произвол судьбы.

Решительное подкрепление западного фронта всеми наличными резервами, формирование гражданских батальонов для поддержания порядка на родине, ни перед чем не останавливающееся продолжение подводной войны, действие которой гораздо значительнее, нежели обычно предполагают. Воздействие всеми возможными способами на психологию солдат, одинаковое питание для офицеров и нижних чинов, широкая пропаганда государственными органами с целью осветить, что ставится теперь на карту. Каждый немец должен понимать, что вместе с отказом от борьбы наш народ превратится в рабов наших неприятелей.

Для осуществления всех этих мер необходима диктаторская власть, подобная той, которую, в противоположность нашему способу действия, установили у себя наши враги. Совершенно безразлично, каких партийных направлений эта власть будет держаться внутри. Свою мощь она должна направить исключительно против внешнего врага.

Таковы мои взгляды, изложенные здесь бегло, но в течение годов бывшие предметом моих размышлений; они не имеют ничего общего с шовинизмом, аннексионизмом и недостатком понимания наших потребностей в свободе; они имеют в виду только спасение нашего народа от самой тяжелой опасности. Быть может, им не суждено привести нас к успеху, но во всяком случае намеченный ими путь дает существенную надежду на успех, иной же путь ведет наверное к позорному концу [1]).

Вашего Высочества
остаюсь с величайшим почтением
фон Тирпиц.

Правительство принца Макса Баденского пало жертвой неслыханного шарлатанства чуждых народу шептунов. Подводная война была прекращена, капитуляция выполнена,

---

[1]) Принц Макс внимательно прочел это письмо и со своими отметками передал его для прочтения прочим министрам. 17 и 18 октября большинство членов правительства высказалось за переговоры с неприятелем с оружием в руках. 19-го группе Шейдемана, привлекшей к себе весьма неудачно выбранного для этого графа Вольф-Меттерниха, удалось переубедить большинство правительства. Желание Вильсона, рассчитанное на полное отсутствие политического инстинкта и имевшее в виду обезоружить нас до вступления в переговоры, было исполнено, и вместе с тем была решена гибель Германии.

справедливый мир на основании 14 пунктов Вильсона был заключен путем «соглашения» с Антантой, и всякий инакомыслящий, всякий, кто сохранял настоящий германский образ мыслей, был об'явлен в опале, хотя армия и флот, без сомнения, могли бы продержаться до весны 1919 года и таким образом добиться настоящих мирных переговоров. В эти самые мрачные дни нашей истории, когда у нас была еще полная возможность с мечом в руке предложить нашему не менее нас утомленному врагу заключить с нами справедливый мир, мы оттолкнули от себя эту возможность, чтобы погрузиться в хаос; в эти мрачные дни я в качестве председателя партии отечественного союза написал рейхсканцлеру мое второе письмо:

Берлин, 30 октября 1918 г.

Ваше Высочество!

изволили милостиво принять мое почтительное письмо от 17-го с. м., — но в то же время в отношении подводной войны приняли решение, от которого как я, так и другие военные и морские авторитеты раньше предостерегали. Нынешнее положение заставляет меня видеть мой долг в том, чтобы снова представить вниманию Вашего Высочества изложенную в прежнем письме, но недостаточно развитую там мысль.

Всякое военное отступление, если оно не должно превратиться в катастрофическое бегство, должно сопровождаться от времени до времени остановками и выступлениями против преследующего нас врага. То же самое должно быть, быть может, даже в большей степени, также и при политическом отступлении. Если даже нам кажется ясным, что мы ничего не можем достигнуть военными средствами, мы все же постоянно должны помнить, что и у противника из чисто психологических причин усиливается желание не приносить больше крупных жертв. В 1870 году благодаря своей стойкости Франция даже после заключения перемирия сумела сохранить для себя Бельфор во время мирных переговоров. Если солдат отдает свой меч в борьбе, он может рассчитывать на пощаду. Но если это случается в области политической борьбы, если побежденный делает себя совершенно беззащитным и сдается без сопротивления, то он возбуждает в победителе чувства, противоположные снисхождению, скорее он внушает ему желание беспощадного «наказания».

На этом основании, не говоря уже о позоре, которого не изгладить в течение столетий, я не могу себе чисто материально представить худшего мира, как такой, который был бы нам навязан, если бы мы попросту капитулировали в момент, когда мы еще обладали значительным запасом силы сопротивления. Враг, которому известна степень этой силы, при таком преждевременном самообезоружении станет от этого обращаться с нами не мягче, а напротив—суровее и грубее, ибо к его самосознанию победителя присоединится еще чувство презрения к противнику.

В заключение я хотел бы указать еще на следующее: наши враги ныне не только охвачены полным опьянением победы, но также и их народы чувствуют, что они вплотную стоят у мира, у конца всех жертв и страданий, которого они страстно желали уже в течение целых годов. Если мы теперь в ответ на требования врагов решимся крикнуть «стой! вперед!», если мы еще раз покажем противнику зубы и об'явим его требования неприемлемыми, то внезапно обнаружившаяся необходимость продолжать борьбу окажет на него величайшее психологическое действие. Утомленными борьбою народными массами наших врагов овладеет ужасное разочарование, и значительные силы среди них станут действовать в том направлении, чтобы склонить свои правительства к смягчению их условий. В связи с растущим геройским сопротивлением на нашем фронте, в связи с весьма основательным страхом перед большевизмом, такое поведение Германии явится единственным путем, чтобы доставить нам приемлемые условия.

Вашего Высочества
остаюсь с величайшим почтением
фон Тирпиц.

Когда я писал эти строки, у меня оставалось лишь ничтожная надежда образумить «правящих» мужей. С этим письмом мое участие в политике закончилось.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЕРМАНСКИЙ ФЛОТ И ВОЙНА.

1.

Мне предстоит самая горестная часть моей задачи: я должен высказать мой взгляд на причины, по которым наш флот, после того как наша дипломатия не сумела предупредить войну, не смог завоевать Германии справедливого мира, но, напротив, сам нашел в войне свой бесславный конец. Я не намерен писать историю морских операций. Сообразно задаче всей книги, я предполагаю только установить самые существенные точки зрения для суждения о роли нашего флота. Прежде всего я хотел бы указать на то, что и наша армия, которая в начале войны стояла на высокой степени совершенства, в конце концов, уступила огромному перевесу сил врагов. Возражение, что, не будь у нас флота, мы не попали бы в мировую войну, я опроверг уже раньше указанием на то, что уже в течение десятилетий Англия установила как свой государственный принцип, что она не потерпит поражения Франции.

Наши морские силы в 1914 году были уже очень значительны, однако они еще не достаточно созрели для того, чтобы сделать войну с нами несомненно рискованной; эти силы находились еще в разгаре процесса своего развития, когда им пришлось выступить против пяти величайших морских держав, к которым в 1917 г. присоединилась еще и Америка.

Вопреки всему этому я теперь еще имею убеждение, и оно-то представляет трагедию всего положения: я убежден, что флот мог бы свершить свою задачу, он мог бы способствовать заключению почетного мира, если бы только он был правильно использован. Флот был хорош, личный состав рвался в бой и в смысле обучения стоял на большой высоте, материальная часть была лучше, чем у англичан. Самое очевидное доказательство военных качеств нашего флота и его высокой оценки противником лежит в том, что англичане, чем более длилась война, тем определеннее избегали столкновения с ним. Несмотря на свое растущее превосходство числа, они не разу не напали преднамеренно на наши морские силы. Наш флот, в конце концов, был охвачен тою же болезнью, которая заразила всю Германию. Если на больших кораблях она выступила наружу ярче и несколькими днями ранее, чем в армии, то главная причина этого заключается в тесных отношениях, которые образовались на верфях между распропагандированными рабочими массами и матросами, в особенности кочегарами.

Как во всем народе, так и во флоте в начале войны господствовало сознание, что в Германии никто не стремился к войне. Как ни искусно сумела Англия использовать представившуюся ей в 1914 году возможность, ее давно подготовлявшийся план разрушить будущее Германии оказался слишком прозрачен. Сообразно этому, настроение нашего флота в начале войны было весьма приподнято и внушало наилучшие надежды. При осмотре резервистов, они обращались к офицерам с просьбой, чтобы их приставили к пушкам, а не к снарядам под защиту броневой палубы. Морские офицеры и инженеры соперничали между собою в стремлении привести корабли на высшую степень боевой готовности.

Раньше чем я буду рассматривать обе главные причины, в силу которых наш флот не выполнил конечного назначения,

ради которого он существовал, я скажу вкратце о том фактическом воздействии, которое он оказал на ход войны.

2.

Одними собственными силами наш флот обеспечил от всякого вражеского нападения наш длинный, растянутый берег от Мемеля и до Эмса; против нашего берега неприятель не сделал ни одного выстрела. Благодаря своему безусловному господству в Балтийском море наш флот обеспечил свободный подвоз товаров, в особенности необходимых для военной промышленности металлических руд; он прикрывал левое крыло нашей армии на востоке против предполагаемого русскими нападения нам в тыл. Позже флот сделал возможным продвижение крыла наших армий через море. Своей успешной операцией против Эзеля и Моонзунда в удачном сотрудничестве с армией флот, под командой адмиралов Шмидта и Белке, способствовал преодолению последнего сопротивления России. Так как наш флот не был разбит, и англичане вследствие этого не смогли приступить к тесной блокаде нашего берега, то это дало возможность северным государствам, а также Голландии, несмотря на угрозы Англии, сохранить свой нейтралитет.

Необходимо представить себе, каковы были бы последствия для нашего хозяйственного и военного положения, если бы наш флот был окончательно разбит или если бы он вообще не существовал. Если бы наш северный фронт подвергся давлению или даже сильной угрозе, то мы не могли бы удерживать за собой наши восточный и западный фронты. Но этим дело еще не кончается. Наш флот принудил англичан к колоссальному увеличению их собственных морских сил. Один только личный состав их флота был увеличен более чем в три раза.

В предыдущей главе я уже говорил о том, какой удар нанесло бы Англии занятие нашей армией французских пор-

тов Ламанша. Но это занятие только в том случае являлось действительной, быть может, решающей угрозой Англии, если бы мы обладали флотом для использования этих портов в качестве опорных пунктов. В этих именно целях был сформирован морской корпус, единственно непосредственная военная операция, которую я в пределах морского ведомства мог организовать для борьбы с Англией.

Наша армия не могла добраться до северных портов Франции, но только до портов Фландрии, которые в силу своего географического положения имели гораздо меньшую ценность, так как они не представляли непосредственной угрозы проливу. К тому же их свойства допускали применение подводных лодок и миноносцев. Тем не менее их огромное преимущество заключалось в том, что расстояние отсюда до английского берега представляло лишь четвертую часть расстояния от устьев германских рек. Поэтому здесь могли быть пущены в ход небольшие подводные лодки, которые могли быть доставлены в сравнительно короткое время. Следовало ожидать нападений английских судов на Зеебрюгге и Остенде. Так как я не был уверен в склонности армии взять на себя защиту берега, и так как, с другой стороны, сухопутные фронты наших собственных фронтов были свободны от всякой угрозы, то мне казалось целесообразным организовать защиту фландрского побережья с помощью свободного персонала. Верховное командование согласилось на эту меру только с тем условием, что ее выполнение будет подчинено армии. Чтобы вообще добиться какого-либо успеха, я пошел на это условие, хотя по всему опыту при общих операциях с армией флоту часто приходилось жертвовать своими собственными целями. Кайзер, проявляя ясное понимание дела, согласился со мною и снабдил меня чрезвычайными полномочиями. Морская пехота, которая из двух батальонов была превращена в три полка, несмотря на эту недостаточность числа, благодаря своей трехлетней службе с самого первого

дня образовала основное ядро отряда. Морские артиллеристы, собранные из различных фортов и мест, должны были наверстать недостаток своей выучки пехотному строю в окрестностях Брюсселя, однако вследствие военных событий в сентябре их пришлось тотчас из вагонов отправить прямо в огонь против наступавшей из Антверпена бельгийской армии. Отряды отлично выдержали испытание, точно так же, как позже при взятии Антверпена и во время четырехлетней траншейной войны. Морской корпус под командой адмирала фон-Шредера обеспечил морской фланг нашего западного фронта от нападений и оборудовал фландрские порты вспомогательными сооружениями, сделав их пригодными опорными пунктами для подводной войны и операций миноносцев. Расположенные в этих местах боевые силы, хотя, к сожалению, мне и не удалось довести их до желательного мне и адмиралу Шредеру числа, оставались чувствительной занозой в теле англичан вплоть до осени 1918 года.

Удачный прорыв «Гебена» и «Бреслау» в Константинополь придал всему турецкому вопросу решительный поворот в благоприятную для нас сторону. Если перед войной наша восточная политика казалась мне неправильной, ибо брешь в политическом окружении Германии представлялась мне возможной только в направлении России, то после об'явления ей войны эти соображения должны были отпасть. В соответствии с этим я всеми доступными мне средствами поддерживал Турцию. Ее слабость не позволяла ей долгое время сохранять нейтралитет. Прибытие в Константинополь «Гебена» и «Бреслау» сделало возможным переход Турции на нашу сторону. Последовавшее затем подкрепление Турции нашим флотом при самых тяжелых обстоятельствах представляет самостоятельную главу его истории. Здесь я указываю только на то, что наш флот принял важное участие в славной обороне Дарданелл и, таким образом, способствовал спасению Константинополя. От этого спасения зависела

судьба столь важного для центральных держав балканского фронта. Доступ к России из Средиземного моря остался закрытым. Свобода путей в Переднюю Азию дала нам возможность создать серьезную угрозу Англии в Египте и Месопотамии и отвлечь туда значительные силы и морские перевозочные средства англичан. Благодаря своему сухопутному образу мыслей немцы часто не понимают, что предпринятая англичанами попытка форсировать Дарданеллы с помощью флота только потому была произведена с недостаточными средствами и потерпела неудачу, что присутствие в Северном море нашего собственного флота заставляло Англию сосредоточить большую часть своего флота здесь. Наш флот, таким образом, издали защищал Турцию. Мы помогали также Австрии отправкой подводных лодок и сооружением опорных пунктов в Пеле и Катарро.

Выступление Японии против нас опрокинуло наш план войны нашей крейсерской эскадры против неприятельской торговли и против тамошних британских морских сил и оставило этой эскадре одну только возможность попытки пробиться на родину. На обратном пути наша эскадра под командой храброго графа Шпее, не понеся значительных потерь, уничтожила у берегов Чили английскую эскадру, коей начальник еще незадолго до войны имел дружескую встречу с Шпее. Только один маленький английский крейсер спасся из этой битвы при Коронеле. К сожалению, позже, при Фальклендских островах, наша крейсерская эскадра неожиданно наткнулась на превосходные силы врага, среди которых находились два крейсера-дредноута, и была уничтожена.

Также и отдельные крейсера, стационировавшие в различных частях света, выполнили свой долг. Эта крейсерская война, которая при недостатке опорных пунктов не могла длиться долго, была великолепно подготовлена штабом адмиралтейства. Пока престиж Германии стоял еще высоко в мире, не было недостатка ни в агентах ни в снабжении

углем и провиантом. Подвиги «Эмдена», «Карлсруэ» и «Кенигсберга» оказали значительное действие и покрыли эти суда славой. Большую славу привезли с собою на родину многие верные немцы также и из более поздних крейсерских экспедиций. Можно с полным правом утверждать, что большего, чем было сделано ими против впятеро превосходящих сил, без внешних опорных пунктов, при самом неблагоприятном стратегическом положении дома, требовать от них было нельзя. И все же наш флот оказался настолько хорош, что он был способен на высшие достижения, если бы от него их потребовали и в стремлении к ним ему не мешали.

Вместе с этим я перехожу к рассмотрению обеих важнейших причин, почему флот не мог достигнуть своей высшей цели, а именно: завоевания для Германии справедливого мира. Препятствия, которые в течение всей войны из политических соображений ставились командованию флотом, представляют первую, уже раньше упомянутую причину его потрясающего конца. Второй причиной было отсутствие единого ответственного руководства всеми морскими силами Германии.

3.

Операционные планы, составленные мною в девяностых годах и предложенные на утверждение тогдашнего начальника генерального штаба, целиком исходили из предположения, что Англия сохранит свой благожелательный нейтралитет. После того как с середины девяностых годов политические предпосылки стали иными, я в качестве морского министра в порядке ведомственной компетенции уже не участвовал в выработке операционного плана. Однако в зависимости от личности начальника морского штаба я обменивался с ним мнениями во этому вопросу. Когда начальником штаба был в 1908 году граф Бадиссен, он выдвинул на первый план морских операций немедленное и безусловное применение актив-

ных сил в целях морского сражения, в чем я высказал ему мое полное одобрение. Однако в последние годы перед войной оперативный план держался морским штабом в тайне также и от меня.

Оперативный план, сообщенный мне 30 июля 1914 года начальником морского штаба фон-Палем на случай об'явления войны Англией, к моему великому удивлению, содержал в себе краткое указание командующему северным флотом, что предварительно он должен вести мелкую войну против Англии, пока не будет достигнуто такое ослабление противника, которое позволит более решительное действие флота; если бы уже раньше представились шансы на успех, в таком случае *разрешалось* не откладывать удара.

В то время пресса сильно пропагандировала идею мелкой войны между прочим также в кругах отставных морских офицеров. При этом упускали из виду, что перспективы такой войны всецело зависели от совершенно невероятного желания противника предоставить нам возможность осуществить ее. Только в случае, если бы англичане по об'явлении войны тотчас решили начать *тесную* блокаду нашего побережья, стала бы возможна мелкая война; остается спорным, правильна ли была ее идея даже в этом случае. Однако сведения, получаемые нами из Англии, в особенности же система английских стратегических маневров, сразу делали бумажное предположение тесной блокады германской бухты невероятным.

С своей стороны начальник морского штаба полагал, что стремление англичан к битве следует считать более сильным, и сообразно этому ожидал, что дело дойдет до сражения при Гельголанде, при чем такой оборот он, конечно, считал для нас наиболее благоприятным. Как я узнал позже, отдельные участники составления плана в морском штабе исходили из той мысли, что стратегическая позиция англичан должна выясниться в первые недели войны, и соответственно этому мо-

гут быть даны новые директивы; они держались также того мнения, что присоединение нескольких больших броненосцев типа «Кайзера» и мобилизованные, но не сразу готовые к действиям резервные эскадры сделают наши виды на сражение еще более благоприятными в октябре, нежели в первые недели. Нигде во флоте не предусматривали препятствий политического свойства. С точки зрения только числовых отношений такой взгляд на дело не был неправилен. Можно было только опасаться, что первая директива, рекомендовавшая осторожность, легко могла привести к тому, что, при невозможности предвидеть действия неприятеля, мы рисковали упустить невозвратимые благоприятные возможности и доставить ему такие преимущества, которые мы были не в состоянии учесть заранее. Я высказал возражения против этого операционного плана, которые начальник морского штаба признал лишь до известной степени, внеся изменение, предписывавшее, что, коль скоро представится случай, не только *можно*, но и *должно* нанести врагу удар. Я полагал, что таким образом командующий *северным* флотом получал достаточную свободу действий.

В пользу немедленного выступления нашего флота, оставляя в стороне политический момент, говорило то обстоятельство, что, вероятно, немалые британские боевые силы были отвлечены к перевозке войск через пролив, далее то, что в деле современной морской войны англичане в сущности были не опытнее нас, наконец то, что в начале войны они еще не знали превосходства нашего корабельного вооружения и материальной части. На страшную, своею неожиданностью вдвойне действующую силу наших бронебойных гранат они обратили внимание даже не в результате своего поражения при Коронеле, но только в результате сражения крейсеров 24 января 1915 г. В пользу немедленного нанесения удара говорил также священный боевой пыл всего личного состава

флота, который страстно стремился к соперничеству со славными подвигами армии.

Против немедленного сражения говорило то обстоятельство, что благодаря пробной мобилизации непосредственно перед войной весь английский флот находился в боевой готовности, тогда как у нас были готовы только эскадры активной службы. Далее, Поль, к великому сожалению своих офицеров, уступил настояниям иностранного ведомства, которое, с целью произвести успокаивающее впечатление, желало поделить вернувшиеся из норвежских вод корабли между гаванями Северного и Балтийского морей. Вследствие этой меры, которая, правда, еще раз засвидетельствовала наше миролюбие, но зато уменьшила нашу боевую готовность, часть флота, отведенная в Киль только после пополнения угольных запасов, должна была пройти еще не вполне удобный Кильский канал, чтобы соединиться с остальными силами. Это обстоятельство, против ожидания многих офицеров, сильно укрепило позицию командующего флотом фон-Ингеноля, в пользу строго оборонительного способа действий флота. Несколько смелых операций миноносцев у английского берега не изменили положения. Ингеноль ожидал англичан у Гельголанда в оборонительном порядке, что через несколько дней должно было стать известно англичанам. При таком положении наступило 28 августа, роковой день по своим последствиям для действий нашего флота [1]).

[1]) В этот день, пользуясь туманной погодой, несколько английских минных крейсеров и миноносцев пробрались между Гельголандом и берегом и потопили один германский миноносец устарелого типа. В погоню за уходившим противником были отправлены малые крейсера, которые неосторожно наткнулись на превосходные силы в 60 милях от Гельголанда, при чем два крейсера были потоплены англичанами. Ошибка командования заключалась в том, что оно не выслало в море всех сил, упустив, таким образом, возможность дать решительную битву вблизи от собственных портов и вместо того подвергнув опасности слабую часть своего флота.

Что в начале такой войны совершаются ошибки, это вполне естественно. В этом случае ясно проявились последствия оперативных планов, составленных в оборонительном духе. Высшее военное командование должно было вмешаться и указать на совершенные несомненные ошибки. Тогда понесенный ущерб мог быть легко заглажен.

Но на деле случилось противоположное. Кайзер не желал больше подобных потерь, и рейхсканцлер получил оружие в пользу желательного ему устранения флота. Показателем того, что взгляд Бетманна получил перевес, было предписание кайзера, изданное им по докладу Поля, при котором я, как обычно, не присутствовал, направленное к тому, чтобы еще более сузить инициативу командующего флотом: потерь кораблей должно было избегать, выходы флота и вообще более крупные предприятия должны были получать предварительное согласие кайзера и т. д.

Когда я узнал об этом распоряжении из разговоров, я воспользовался первым же случаем, чтобы основательно об'яснить кайзеру его ошибочность. Мой шаг не имел успеха, наоборот, с этого дня началось отчуждение между мной и кайзером, которое с разных сторон старались всячески усилить. Несколько позже в Берлине стали ходить слухи, что из соображений парламентарного характера я стараюсь толкнуть флот на морскую битву.

4.

Я вовсе не считал, что сражения следовало искать во всяком месте и при всяких обстоятельствах. Мое желание заключалось скорее в том, чтобы северный флот своей постоянной деятельностью привлек к нам англичан на более близкое расстояние. Если бы в этом случае завязалась битва по нашей инициативе не слишком далеко от наших вод, то существовала возможность, и именно в первом периоде войны, что ан-

гличанам не удалось бы пустить в дело всю совокупность их сил. История этой войны, писать которую я не намереваюсь, покажет, что такие поводы представлялись. В начале войны еще не выяснилось с такою очевидностью, что британский флот выполнял свое назначение уже тем, что спокойно стоял у Скопа Флоу [1]). В то время общественное мнение вражеских стран не так легко относилось к уклонению англичан от морской битвы. Поэтому даже мелкие наши успехи заставили бы врага держаться к нам ближе.

К этому присоединяется сравнительно благоприятное числовое соотношение обоих флотов в первом году войны. Далее ошибочная, без всякой цели утомляющая мелкая война должна была уменьшать воинственный пыл флотского экипажа. Если в личном составе до 1918 года еще сохранялась способность к напряжению, как это доказала Эзельская операция в конце 1917 года, все же не подлежит сомнению, что планомерная пропаганда независимых социал-демократов, которая сделала возможной гибель германского флота и всей империи, вследствие бездеятельности на море, нашла, до известной степени, благоприятную почву среди моряков.

Согласно основного закона дисциплины, при массовом призыве во время войны наказания для негодных и слабых элементов должны быть строже; в противоречии с этим правилом и в согласии с общей тенденцией нашего политического руководства мы уступили желанию народных представителей, смягчили наказания и обилием указов об амнистии подорвали авторитет начальников. Наши враги действовали как раз в обратном смысле, точно так же как и мы сами в 1813 году.

Когда в 1917 году, вместо того, чтобы сообразно ожиданиям флота об'явить независимых социалистов государственными изменниками, рейхстаг и правительство взяли их под

---

[1]) Бухта острова Мэнланда в группе Оркнейских островов на северной оконечности Шотландии.

свою защиту и этим позволили им продолжать свою дьявольскую пропаганду, морская мощь Германии была в сущности обречена на гибель.

Повсюду, где центральная организация, стремившаяся к перевороту, не имела связи с судовыми экипажами, как, например, на кораблях восточной части Балтийского моря или там, где они даже среди опасностей и тяжелых потерь находились в соприкосновении с неприятелем, повсюду там дух людей оставался непоколебимым. Морская история всех народов показывает, что на больших судах, остающихся в бездействии, трудно поддерживать дисциплину. Наши матросы не имели в сущности серьезных поводов жаловаться на свое положение, и большинство из них не знало, что делало, между тем как вожди движения использовали пассивное состояние экипажа, чтобы вызвать мятеж на больших судах.

Не говоря уже о неправильности самого принципа мелкой войны, при оценке ее шансов необходимо принять во внимание, что как раз в смысле необходимых для нее сил мы не могли соперничать с Англией. Эта возможность исключалась огромными колониальными потребностями Англии. Уже на одном этом основании развитие нашего флота имело своей целью морское сражение. Далее, для нас была опасна возможность английской инициативы такого сражения вместо нашей. Для этого англичанам стоило только предпринять демонстративное нападение на наше побережье. Правда, англичане, как оказалось, столь правильно оценили качественное превосходство нашего флота, что даже при благоприятных условиях они не посмели искать встречи с нами.

Однако в годы войны в том широком морском пространстве, которым они располагали, англичане постепенно приобрели морской и боевой опыт, и таким образом они наверстали первоначальное превосходство наших методов обучения людского состава, результат нашей работы в мирное

время; они все более проникались чувством, что они продолжают традицию морской непобедимости Англии эпохи наполеоновских войн.

Организация, обучение, миросозерцание и дух нашего флота были направлены на быстрое действие и атаку — точно так же как германская армия, — на маневренную войну. Нашим сильнейшим шансом было сражение. Англичане чем далее, тем более надеялись достигнуть своей цели и без сражения. Поэтому на нас лежала задача принудить их к нему. Политически и стратегически мы действовали правильно лишь в том случае, если отнимали инициативу у англичан. Не используя этой инициативы, мы лишали наш боевой флот оправдания его существования.

О перспективах современной морской битвы судить трудно. При оценке шансов обеих сторон часто рассуждают слишком схематично. Часто сравнивают силу только по спискам кораблей, для обеих сторон предполагают одинаковую убыль, нуждающуюся в ремонте, и при этом не принимают в расчет, что сторона, начинающая сражение по собственной инициативе, может выбрать для себя выгодный, а для противника невыгодный момент. Численное превосходство, разумеется, всегда сохраняет свое значение, однако, если оно не подавляющее, рядом с ним действуют и другие условия: качества личного состава и материальной части, высота тактического искусства и дарования вождей. Большая часть морских побед мировой истории одержаны стороной, уступавшей противнику в числе. Если флоты превышают известную численность, то это превосходство бывает трудно использовать тактически на морской поверхности, так как в морском бою корабли сражаются, главным образом, один на один. Так как на море не существует разнообразных условий местности, обход флангов и прочее имеет гораздо меньше значения, нежели на суше, то и численное превосходство играет здесь гораздо меньшую роль, чем «величайшие батальоны» в борьбе

армий. Одновременная стрельба многих кораблей по одной цели при возможных ныне огромных расстояниях представляет весьма сомнительную выгоду, так как она затрудняет артиллеристам наблюдение и во всяком случае влечет за собой чрезмерное расходование ограниченных, во время боя не пополнимых боевых припасов. Далее, во всех морских сражениях последнего столетия подтвердился опыт нельсоновского времени, говорящий, что в сражении обыкновенно наступает кризис: с того момента, когда корабль почувствовал превосходство своей артиллерии, боевой дух его противника внезапно падает, между тем как победитель, поскольку он получил только надводные повреждения, сохраняет почти всю свою свежесть для новой схватки. Таким образом в немногих современных морских сражениях, доведенных до конца, побежденный оказывался потерявшим все, а победитель — получившим изумительно ничтожные повреждения; так было при уничтожении испанского флота при Сант-Яго, в битвах при Цусиме и при Коронеле. В таком случае и меньшему флоту, если его отдельные корабли имеют бо̀льшую внутреннюю ценность, не следует унывать, если численное превосходство его противника не превышает известной границы. Уверенность отдельного корабля в своем превосходстве является поэтому основным фактором, определяющим дух всего флота. Кто может сказать, каков был бы конец сражения при Скагерраке, если бы оно не было прервано наступлением ночи. Следует обратить внимание хотя бы на то, что при далеких расстояниях, с которых англичане предпочли вести бой, их орудия выдерживали только семьдесят выстрелов, напротив, наши — гораздо большее число, не теряя при этом значительно своей меткости. Из сражения наш флот вынес ясное сознание своего превосходства.

Согласно своего понимания политического положения, канцлер, начальник морского кабинета и начальник морского штаба были противниками агрессивной тактики нашего флота

против Англии. Свой взгляд они могли подкрепить указанием на то, что нам приходилось считаться также с русским флотом. Я не мог доставить преобладание моей основной идее, что мы должны были по возможности сосредоточивать наши силы для главного удара, направленного либо против главного врага либо, в промежутках, против врага второстепенного. В течение всего первого времени без всякой реальной пользы мы отделяли значительные силы флота для Балтийского моря, и все же эти силы были недостаточны для нанесения здесь решительного удара. Чувствуя, что что-нибудь должно быть сделано, мы предпринимали различные операции у самого входа в Финский залив, которые, однако, не кончались ничем и только замедляли или прерывали сосредоточение наших сил в Северном море. У противников морской битвы с англичанами внимание к Балтийскому морю шло так далеко, что у многих лиц появился взгляд, что центр тяжести морских операций должен быть вообще перенесен сюда. Этот взгляд, между прочим, встречал одобрение начальника морского кабинета. Я счел бы нужным обсуждать этот вопрос лишь в том случае, если бы мы потеряли всякую надежду принудить англичан к сражению. Тогда мог бы снова воскреснуть оперативный план Штоша в том смысле, что сильный удар против России в сотрудничестве с армией сделал бы эту державу более склонной к сепаратному миру и этим заставил бы англичан поспешить ей на помощь со своими главными морскими силами.

В течение всего первого времени войны я боролся с тенденцией отклонить флот от его великой цели. Храбрый персонал флота не имел понятия о том, как часто вступался я в пользу того, чтобы была осуществлена наступательная стратегия. Большая часть морских офицеров ясно понимала, что наш образ действий может стать роковым. Кайзер чувствовал, что на нем лежит обязанность успокоить сомнения моряков относительно правильности принятых способов морской вой-

ны; он в разное время старался сделать это в своих устных обращениях. 7 сентября 1915 года был издан указ морского кабинета, направленный против «неверного и возбуждающего уныние понимания общего положения нашего флота». Весь трагизм избранной кайзером позиции характеризуется заключительными словами этого указа, в которых он, призывая офицеров к терпению, обещает в нужном случае бросить флот против неприятеля. Тот, кто ради того, чтобы не раздражать британского льва, посоветовал кайзеру вопреки всему духу этой мировой войны держать под замком наш флот, несомненно не понимал, что подобная точка зрения означала крушение собственного творения кайзера. К чему было строить флот, если его не использовали в борьбе народов за свое существование! И как можно было вести ту политику, которую Бетманн вел в июле 1914 года, иначе, как полагаясь на морскую мощь германской империи!

При каждом удобном случае я устно и письменно сообщал начальнику морского штаба мой взгляд, прямо противоположный духу вышеприведенного указа. Непосредственно представлять самому кайзеру документы подобного содержания казалось мне бесцельным и, являясь превышением моей компетенции, только усилило бы существующую между нами натянутость. Я все более и более оказывался в одиночестве. Уже в конце осени 1914 года те из близких к кайзеру лиц, которые относились ко мне доброжелательно, не отваживались посещать мою квартиру иначе, как по наступлении темноты, дабы не навлечь на себя ложных подозрений.

Боязнь задеть самолюбие начальника морского штаба не позволяла мне непосредственно общаться с командующим флотом, Ингенолем, лично храбрым и рыцарственным человеком. Только впечатление, вынесенное мною из ознакомления с характером работы морского командования во время моего посещения Вильгельмсгафена 25 октября, усилило мои

сомнения насчет того, следовало ли приписывать бездействие флота только указаниям, шедшим из главной квартиры. После беседы со мною Ингеноль добился разрешения кайзера сделать набег на Ярмут, который и был выполнен им 3 ноября. Этот набег, а также исполненное надежд письмо Ингеноля от 9 ноября, в котором он выражал свою уверенность в успехе в случае столкновения с англичанами, возможного во время таких набегов, побудили меня добиваться возможно более широкой свободы действий для флота. Морской кабинет в то время с полным основанием считал смену командующего флотом преждевременной. Лишь исход последующих набегов от 12 декабря и особенно 24 января 1915 г. послужил поводом для увольнения Ингеноля, на место которого стал Поль. Эта смена командиров, при которой начальник морского кабинета старательно избегал общения со мною, вызвала в морских кругах движение в пользу об'единения различных командных инстанций в руках одного лица, наделенного соответствующими полномочиями.

5.

Если мы примем во внимание сложный характер военных операций на отдельных театрах войны, а также ограниченность наших средств в смысле личного состава и увеличения материальной части, то у нас не останется никакого сомнения, что для сосредоточения и настоящего использования наших военных средств нам было настоятельно необходимо единое руководство операциями. Подобно тому как самостоятельные и параллельные в мирное время командные инстанции сухопутной армии были во время войны подчинены верховному командованию, точно так же и флот должен был получить единого вождя. Трагедия нашей морской войны заключается в том, что только в сентябре 1918 года флот получил единое верховное командование.

Также и перед лицом армейских командиров и политических руководителей только верховный командир флота мог обладать тем авторитетом, который был необходим, чтобы с успехом вести войну против Англии.

То, что кайзер лично сохранил за собою руководство своим любимым родом оружия, не могло служить заменой. Ибо, не говоря уже о прочих обязанностях, которые отвлекали внимание кайзера, на него не могла быть возложена огромная ответственность, требующая специальных знаний, как, например, в случае приказа быть готовым к бою. Морской кабинет давал кайзеру плохие советы, когда он предоставил ему, а этим самым самому себе, распоряжение действиями флота. В результате созданное самим кайзером орудие морской борьбы до известной степени покрылось пленью в императорском кабинете. Кабинет был не в состоянии принять решение пустить в ход флот. Своей собственной слабости старались найти какое-нибудь извинение и придумали его, ссылаясь на негодные качества материальной части флота. Когда после Скагеррака у сомневавшихся словно спала пелена с глаз и они убедились в том, насколько наши корабли превосходили английские, раскаяние оказалось слишком поздним.

Хотя я и не мог предчувствовать, какое несчастие принесет нации лишенное общей связи руководство флотом во время войны, все же уже 29 июля 1914 года верное чутье побудило меня просить кайзера через посредство начальника морского кабинета соединить в одних руках начальство морским министерством и морским штабом.

Если бы начальник морского штаба был подходящим лицом, то я предложил бы на этот пост его, точно так же, как позже, сомневаясь в возможности иного решения, я в присутствии других офицеров предложил в главной квартире адмиралу фон-Полю всецело стать в его подчинение, если только он обещает предварительно обсуждать со мною свои

решения. Однако я не мог предложить кайзеру Поля в кандидаты на такое единое руководство ввиду согласного мнения о нем офицерского корпуса. Он был хороший моряк и великолепный мореплаватель. Он очень хорошо командовал эскадрой, однако этим и ограничивались его дарования. Ввиду этого 29 июля я прямо сказал начальнику морского кабинета, что при существующих личных отношениях вышеупомянутый пост должен быть предоставлен мне.

После доклада его величеству адмирал фон-Мюллер сообщил мне, что кайзер не мог решиться на мое предложение, но что он желает обеспечить себе мое содействие тем, что начальник морского штаба будет запрашивать меня обо всех вопросах, касающихся военного командования на море, и мои особые мнения будут докладываться его величеству. Приказ по кабинету, который закреплял это несчастливое, половинчатое решение, был сообщен 30 июля начальнику морского штаба и мне, но в дальнейшем он остался на деле клочком бумаги.

Позднее в морских кругах громко высказывалось мнение, что в то время, когда у меня еще было некоторое влияние, я упустил исторический момент вследствие того, что я не настаивал на моем требовании единого морского руководства вплоть до угрозы отставкой. Однако только тот, кто незнаком с характером кайзера, может думать, что я имел бы больше успеха, если бы я непосредственно обратился к кайзеру с моим предложением или подал прошение об отставке. Мое предложение кайзер все равно решил бы, предварительно посоветовавшись с начальником кабинета. Прошение об отставке было бы наверное отклонено. Кроме того, настаивать на ней из-за того, что мне было бы отказано в повышении, мне запрещала моя честь офицера. Я только вызвал бы тяжкие недоразумения без всякой пользы. Равным образом и армия должна была два года ждать страстно желаемого ею руководства, а намек, сделанный в этом смысле

зимою 1914 — 1915 года лицом, пользовавшимся наибольшим доверием в армии, нисколько не улучшил положения, но только затруднил ему самому возможность дальнейшей деятельности.

Я сделал, что мог; сделать остальное должны были попытаться другие. Что они сделали и с каким успехом, это можно видеть лучше всего из сообщенного мне извлечения из дневника адмирала Бахмана [1]). Также и многие другие высокопоставленные морские офицеры сообщили мне о своих аналогичных попытках, которые имели, однако, тот же отрицательный результат. О них я говорить не буду. Более глубокая причина моей изоляции заключалась в различии принципиальных взглядов на стратегию между кабинетом и мной. Когда сражение при Скагерраке лишило наконец всякой почвы заподозривание материальной части флота в негодности, служившее перед страной предлогом неудовольствия против меня, я находился уже в отставке, а общее положение сложилось против нас.

С высокого места было произнесено слово: «Я не могу поставить третье лицо между мной и моим флотом». Для поддержания иллюзии, будто верховный военачальник самолично руководил флотом, были у места такие личности, которые также и при мелких операциях охотно обращались к кайзеру за указаниями в мелочах. Рейхсканцлер и начальник морского кабинета, державшие Поля в своих руках, ис-

---

[1]) В этом извлечении, подлинник которого мы выпускаем ввиду ограниченности места, адмирал Бахман, назначенный начальником морского штаба на место фон-Поля, резко критикует тогдашнюю организацию морского командования. На запрос начальника морского кабинета, кому, по мнению Бахмана, следовало бы вверить верховное руководство флотом, Бахман решительно и настойчиво указал на Тирпица, как на человека, имеющего наибольшие заслуги перед германским флотом и пользовавшегося наибольшей популярностью среди моряков и в стране. Само собою разумеется, его совет остался без результата. *(Прим. переводчика).*

пользовали особеннбсти его характера, чтобы раздуть до болезненности его ведомственное соревнование со мной. Я думаю, что при этом оказал влияние также и тяжелый внутренний недуг, который через год свел его в могилу. Когда незадолго до последнего припадка его болезни я встретился с ним, он высказал мне сожаление, что в прошлом не был солидарен со мной.

Я не могу здесь подробно рассказывать о том, какой вред причинили недостаток общего верховного руководства и самостоятельность отдельных морских инстанций и отдельных театров войны. Самую глубокую скорбь большинству офицеров причиняло наше уклонение от сражения, которое наполняло их тяжелыми предчувствиями за будущее Германии и ее флота. В 1806 году катастрофа разразилась слишком быстро, чтобы многие могли предвидеть ее приближение; в наши же дни ее предвидели многие.

6.

Когда в январе 1916 года адмирал Шеер сменил заболевшего фон-Поля в командовании флотом, он вместе с избранным им на должность начальника штаба фон-Трота принял свой пост в твердом решении более деятельно использовать свою власть, несмотря на ухудшившееся положение нашего флота. В согласии с этим он стал также успешно бороться с заметным упадком энергии моряков, вызванным предшествующим их бездействием. Намерение довести дело до морского сражения было в 1916 г. значительно затруднено вследствие предпринятых Англией напряженных усилий запереть выход нашим океанским судам и подводным лодкам посредством устройства сплошных минных заграждений в углу Северного моря от Боркума до Ютландии. Чтобы парализовать эту деятельность врага, нам пришлось создать обширную организацию из судов, которые должны были по определенной

системе открыть проходы через эти минные поля и держать их в безопасности. Со временем выполнение этой задачи превратилось в чрезвычайно утомительную и опасную службу, которая стоила немало жертв, но которая до конца войны в главном выполнила свое назначение. Чтобы добраться до открытого моря, флот должен был итти по этим проходам и тем же путем возвращаться обратно. Отсюда можно видеть, насколько труднее стали операции флота в сравнении с прежними годами.

Во время одного такого плавания, которое первоначально предполагалось совершить в направлении Англии, наши крейсера, стоявшие в порядочном отдалении от главных сил, наткнулись у Скагеррака на превосходившие их численно крейсера англичан и тотчас начали атаку. Уже через короткое время выяснилось значительное превосходство наших крейсеров. В начале против наших пяти крейсеров стояло шесть английских. Воздух в этот момент был прозрачен, как кристалл, бой начался с расстояния в 15.000 метров. Через 18 минут после открытия огня английский крейсер «Indefatigable» взлетел на воздух, а через 20 минут та же участь постигла крейсер: «Queen Mary». В дальнейшей стадии боя англичане получили значительное подкрепление в виде пяти новейших, только во время войны оконченных постройкой линейных кораблей, нефтяное отопление которых сообщало им такую скорость, что они могли принять участие в бою крейсеров. Они присоединились к своим крейсерам и с далекого расстояния приняли участие в сражении. До того момента, как английский адмирал Битти, завидев наш броненосный флот, сделал поворот и взял курс на север, боевые силы нашей эскадры почти не потерпели изменений. «Seydlitz», наиболее поврежденный из кораблей, получил три пробоины от тяжелых снарядов, от коих один был 38-сантиметрового калибра, как это позже можно было установить по осколкам. Равным образом и торпеда, пущенная позже

в этот корабль английским истребителем, не оказала почти никакого действия, так как оно было парализовано противоторпедной внутренней перегородкой судна. В следующих стадиях боя «Зейдлиц» мог дважды принять участие в атаке главных сил англичан; при этом он развивал высшую скорость и получил еще двадцать новых попадений тяжелых снарядов. Несмотря на это, он с помощью собственных машин достиг родной гавани. Под свежим впечатлением пережитой опасности храбрый командир судна капитан фон-Эгиди, к моей великой радости, прислал мне от имени офицеров и матросов теплую благодарственную телеграмму за великолепный материал судна.

Из донесений по радио адмирал Шеер и его начальник штаба фон-Трота заключили, что крейсерский бой должен привести к столкновению с большим флотом англичан, причем они вполне отдавали себе отчет в его численном превосходстве и однообразном составе из линейных кораблей крупнейшего боевого типа. Их великая историческая заслуга заключается в том, что они поспешили к сражению со всей возможной скоростью судовых моторов. Личные и материальные качества нашего флота они оценивали правильнее, нежели это было до сих пор.

Когда сообразно этому наш броненосный флот взял под огонь уходившие на север английские крейсера и линейные корабли, то вследствие позиции противника «за светом», кроме крейсеров, которые шли впереди нашего флота, начать стрельбу мог только головной корабль класса «König», имевший на борту адмирала Бейнеке. Постепенно переходя с северного курса в восточный, английский адмирал вынудил к повороту также и нашу головную часть флота. После того как она уничтожила за несколько минут перед тем подошедшие крейсер «Invincible» и два броненосных крейсера класса «Warrior», она внезапно наткнулась на растянутые в длинную линию главные силы англичан, окутанные дымом и ту-

маном; все английские корабли тотчас открыли огонь. Благодаря этому случаю положение наших кораблей стало тактически весьма невыгодно. Не только нашим кораблям пришлось наступать под огнем всего неприятельского флота, если они хотели перейти в хорошую тактическую позицию, но и освещение стало теперь таково, что германские суда силуэтами выделялись против западного вечернего света и, таким образом, в моменты хорошей видимости были великолепно различимы для артиллерийского прицела, между тем как марево, застилавшее восток, настолько скрывало корабельные корпуса англичан, что их положение можно было различить почти только по вспышкам выстрелов. Из этого опасного положения адмирал Шеер вышел благодаря тому, что, сделав одновременный поворот, он сначала отошел со всем флотом, выполнив маневр, который в разгар артиллерийского огня мог удаться лишь немногим флотам мира. При этом маневре он был поддержан двумя нашими миноносными флотилиями под командой капитана Гейнриха, который понял опасное положение нашего флота, напал на главные силы англичан и отвлек на себя всю силу их огня. Когда адмирал Шеер выполнил необходимое новое построение флота, он еще раз повернул на врага, чтобы повторить свою атаку. Наступившая затем ночь сделала планомерные боевые построения невозможными. Если бы в этой стадии боя английский флот чувствовал свое превосходство, он ни за что не отстал бы от нашего флота; так как в составе нашего флота находилась устарелая эскадра до-дредноутного периода, а английский флот состоял исключительно из новых больших броненосцев, то англичане превосходили нас также и в быстроте хода и, кроме того, располагали еще группой броненосцев с исключительно большой скоростью.

При таких обстоятельствах адмирал Шеер, как и весь флот, определенно ожидали возобновления боя на следующее утро. Однако они предпочли выдержать этот бой в большей

близости к своим свободным от мин проходам и потому решили ночью отойти к Хорнсрифу. Когда рассвело, море повсюду вокруг оказалось пустым, пока, наконец, аэроплан не принес известие, что с запада идет новая часть английского флота. Позже выяснилось, что это действительно были главные силы английского флота, которые, однако, вскоре отплыли к северу. Движение английского флота состояло, вероятно, в том, что по наступлении темноты он направился на запад и при этом обошел позицию нашего флота с юга, при чем в некотором расстоянии следовал арьергард, состоявший из крейсеров и большого числа миноносцев. Через этот-то промежуток между главными английскими силами и арьергардом должен был пройти наш флот в своем движении на юг. Таким образом массам английских миноносцев выпала счастливая возможность напасть на наш флот при необычайно благоприятных условиях, так как его корабли шли друг за другом в небольших промежутках, образуя длинную линию. Атака англичан была выполнена смело, но неискусно. Наш корабль до-дредноутного типа «Померания» при этом погиб. Но несколько английских крейсеров и по крайней мере шесть миноносцев от наших выстрелов загорелись, при чем пламя кругом мачт высоко поднималось к небу. Как писал мне один офицер морского штаба, ему казалось, что наши корабли проходили сквозь огненную аллею. Кроме того, светили прожекторы, а радиотелеграф бросал свои искры. Поэтому невозможно допустить, чтобы находившиеся еще недалеко оттуда главные английские силы не представляли себе местонахождение нашего флота.

Нашим миноносцам судьба не послала такой же возможности нападения: ночью они не встретили английского флота. Им не пришлось использовать свою великолепную подготовку к такого рода задаче.

1 июня после полудня наш флот вернулся к устьям своих рек; его экипаж находился в приподнятом состоянии духа

вследствие неожиданного успеха и на опыте доказанного превосходства нашего личного состава и материальной части флота. После этого сражения, в котором условия для нас были неблагоприятные, и в котором из всего флота могли принять полное участие только броненосные крейсера и головные корабли одной эскадры, моряки думали о том успехе, которого мы могли бы ожидать, если бы в начале войны мы искали удобного момента для использования флота. Несмотря на меньшую численность и тактическую невыгоду условий, наши потери были втрое меньше, чем у англичан.

В течение 1916 года адмирал Шеер еще несколько раз делал серьезные попытки завязать сражение с англичанами. Однако их флот явно уклонялся от «costly and precipitated action» (дорого стоящего и опрометчивого дела); однако искать сражения у Скопа Флау или Дувра мы не могли вследствие того, что наш океанский флот слишком уступал английскому численно, а условия в таком отдалении от родного берега были бы для нас слишком неблагоприятны.

Особенно замечателен набег, в котором наш флот на тридцать морских миль приблизился к Сёндерлэнду и пришел в соприкосновение с английским флотом; однако это соприкосновение прервалось вследствие сильного проливного дождя. Когда затем погода снова прояснилась, от английского флота не осталось и следа.

7.

После того как 1 февраля 1917 года подводная война была усилена, близкие к нам пространства Северного моря все более стеснялись устройством минных полей со стороны англичан, и нам становилось все труднее держать проходы для кораблей открытыми. Присутствие броненосцев для прикрытия групп траллеров становилось все более необходимым.

Когда мы принесли в жертву Вильсону наше единственное оружие, которое еще в октябре 1918 года сильно теснило

англичан, а именно подводную войну, и когда вследствие этого каждый судивший хоть сколько-нибудь правильно о наших врагах и смысле всей войны ожидал самых суровых и позорных условий перемирия, тогда адмирал Шеер решился использовать единственную остававшуюся у нас теперь возможность применить подводные лодки для содействия флоту. Незадолго перед тем под давлением обстоятельств и при помощи фельдмаршала Гинденбурга ему наконец удалось добиться от кайзера и начальника морского кабинета сосредоточения всего морского руководства в своих руках. Значительное число подводных лодок, высланное впереди флота в определенный район моря, все же до известной степени могло уравнять численный недостаток наших кораблей и в особенности послужить прикрытием отступления нашего флота в случае, если бы он потерпел поражение. С целью задержать общий отход наших армий во Фландрии посредством агрессивного выступления, наши быстроходные боевые суда должны были предпринять набег в направлении восточной части канала, а для прикрытия этого набега броненосцы в соединении с подводными лодками и минными заграждениями должны были занять позицию у голландского берега. При этом, конечно, должно было предвидеть возможность сражения. Если бы дело действительно дошло до сражения, то при таком положении мы могли бы принять его с надеждой на успех, и если бы военное счастье оказалось нам благоприятно, в судьбе нашего народа еще раз мог бы произойти поворот. Но так как революционный яд, если не распространяемый, то во всяком случае и не подавляемый слабыми руководителями нашего государства, за четыре года из страны постепенно распространился по фронту, то естественно он проник также и во флот, хотя сначала и не проявлялся во внешности. Затем во флоте разразилась революция, демократия вырвала из рук Германии последнее средство защиты и вдобавок еще хвалилась своим деянием.

Как ложен был тот путь, по которому вели храбрый германский народ, если его можно было до такой степени сбить с толку! Верный той дисциплине, которую воспитало в нем старое государство ради блага, германский народ повиновался ей также и на пагубу себе и выдал врагу свои великолепные корабли. Пусть же мир судит справедливо и подумает о том, что те самые люди, которые подчинились приказу революционного правительства выдать корабли, в прежнее время совершали геройские подвиги, где позволяла им судьба.

Исчезновение германского флота лишило жизненной силы также и остальные меньшие флоты всего мира. Его значение и самостоятельность заключались в том, что он был способен привлечь к себе союзников против монополии англичан. Этот закон мировой политики мы никогда не умели вполне понять. Равновесие на море теперь всецело зависит от американского флота. Однако я не верю в серьезность антагонизма между двумя англо-саксонскими державами. Их капитализм совместно порабощает все прочие народы. Эти народы для сохранения своей свободы после крушения германского флота не имеют более никакой опоры.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПОДВОДНАЯ ВОЙНА.

1.

Чем более Англия после событий первых недель войны старалась держать подальше от нас свои морские силы, чтобы не дать нам случая добиться быстрого решения с помощью оружия, и с своей стороны удушить нашу хозяйственную жизнь, тем сильнее становилась для нашего флота необходимость оказывать на нашего противника давление теми же средствами. Самым действительным средством борьбы, которое мы могли пустить в ход против английской торговли, были подводные лодки. При применении их против неприятельских торговых судов было с самого начала ясно, что существовавшие до сих пор постановления морского права, унаследованные в общем от эпохи парусного судоходства, не соответствовали точно современным условиям. Всего более применимы оставались правила прежней блокады. Подобно тому как англичане говорили о своем провозглашении военной зоны, что оно является «in effest a blockade adopted to the conditions of modern warfare and commerce»» (действительно блокадой, приспособленной к современным способам войны и торговли), равным образом и мы без всякого сомнения могли присвоить себе формальное право на блокаду подводными лодками. Правда, в вопросе об отношении со стороны нейтральных держав приходилось

считаться с различием между действиями Англии и действиями Германии. Благодаря морской мощи Англии, ее традиции и дипломатической ловкости ее правителей, нейтральные державы почти без оговорок принимали все, что творила Англия на море; если же Германия делала то же самое, то следовало ожидать совсем иного сопротивления со стороны не участвовавших в войне государств. В войне с Англией мы сразу получали гораздо больше палок в колеса, нежели думало большинство немцев.

Главных затруднений надо было ожидать со стороны Америки в особенности после того, как эта страна, вопреки сущности нейтралитета, вскоре после начала войны превратилась в арсенал наших врагов. Так как в северной части Атлантического океана морская торговля совершается преимущественно под английским флагом, то всякая борьба против английских торговых судов должна была наносить вред американским поставщикам. Уже на примере наших океанских крейсеров, которые действовали в строжайшем соответствии с предписаниями старого морского права, мы могли наблюдать, насколько пристрастно вели себя Соединенные Штаты по отношению к нам.

Уже с начала ноября руководящие морские инстанции начали обсуждать вопрос о возможной подводной войне. 7 ноября начальник морского штаба поставил на обсуждение проект провозглашения подводной блокады всего побережья Великобритании и Ирландии. Я обратил внимание на то, что при новизне этого военного средства подводная блокада доныне еще не рассматривалась с точки зрения международного права. Срок для провозглашения блокады не возможно определить ранее того времени, когда в нашем распоряжении окажется более или менее достаточное количество подводных лодок. Я поставил вопрос, не лучше ли было бы, если бы провозглашение блокады исходило от адмирала, командовавшего морским корпусом во Фландрии,

дабы не вмешивать в это дело кайзера и правительство. «Блокада всей Англии, — заключил я мое краткое мнение, — слишком смахивает на блёфф, блокада на первых порах только Темзы представляется мне целесообразнее». Я считал более правильным начать в небольшом масштабе и затем посмотреть, какой ход получит дело в военном и политическом отношении. Такое самоограничение лучше будет соответствовать нашим средствам, и постепенно приучит мир к идее нового вида блокады. Таким образом мы пощадили бы Америку, в особенности оставили бы в покое непрерывно прибывающие в Ливерпуль океанские пассажирские пароходы и уменьшили бы размеры опасности.

Адмирал фон-Поль не согласился с моей точкой зрения. 15 декабря он представил мне проект обращения к иностранному ведомству, в котором он испрашивал согласие на открытие подводной войны в конце января, при чем Ламанш и все прибрежные воды Соединенного Королевства должны были быть об'явлены военной зоной. Проект указывал также на заявление американского посла Джерара, из которого начальник морского штаба считал возможным заключить, что со стороны Америки не приходилось ожидать слишком сильных возражений.

В моем ответном письме от 16 декабря 1914 года я выразил начальнику морского штаба свое несогласие с проектируемым им шагом. Невозможно было требовать от иностранного ведомства уже теперь выразить свое согласие на столь важную меру, предполагаемую только на февраль месяц. Подводная война без предварительного об'явления блокады должна произвести невыгодное впечатление на нейтральные, с которыми нам приходилось гораздо более считаться, нежели Англии. Невозможно также полагаться на частное заявление американского посла касательно вероятной позиции Америки в столь важном и опасном предприятии.

На это адмирал фон-Поль ответил мне, что он не может согласиться с моим взглядом, будто замышляемый им шаг преждевременен. После основательного совместного обсуждения с иностранным ведомством и на основании записки директора департамента Криге в этом ведомстве будто бы тоже решили держаться формы провозглашения военной зоны и отказаться от формы блокады. Иностранное ведомство будто бы вполне готово поддерживать эту новую форму. Таким образом решающими оказались соображения юридико-доктринерского свойства.

27 января 1915 г. я был вызван рейхсканцлером для переговоров по этому вопросу. Я изложил мое мнение, что в отношении Англии с нашей стороны было бы успехом, если бы мы дали почувствовать войну ей самой; по-моему, мы не сможем избежать подводной блокады в той или другой форме. Я заявил, что касательно юридической и политической стороны дела я недостаточно осведомлен, чтобы безусловно судить о целесообразности формы. В нашей беседе канцлер принципиально не отвергал возможности и необходимости подводной войны против торговли противника. Однако, по его мнению, политические условия не позволяли принять решение ранее весны или лета 1915 г. Я был совершенно согласен с такой отсрочкой еще недостаточно выясненного вопроса о подводной войне. Между прочим, я считал правильным подождать, пока будут готовы подводный флот для Фландрии и начатые там верфи.

Вообще же при этом случае я на соответствующий вопрос Бетманна заявил, что при новизне подводных лодок, как боевого средства, конечно, невозможно дать безусловной гарантии его действенности. Тем не менее я был убежден, что наши мероприятия произведут огромное впечатление и что много кораблей воздержится от рейсов ввиду угрожающей им опасности.

Читатель поймет, что после всего происшедшего я был положительно ошеломлен, когда уже несколько дней спустя после этого разговора, а именно 4 февраля, адмирал фон-Поль в согласии с рейхсканцлером предложил кайзеру в Вильгельмсгафене провозглашение военной зоны и подводной войны. В этом провозглашении окружающие Великобританию и Ирландию воды, включительно с проливом, были об'явлены военной зоной, и, кроме того, было сказано, что всякий вражеский торговый корабль, встреченный в этой зоне, будет уничтожен, при чем не предоставляется возможности избавить от угрожающей опасности экипаж и пассажиров корабля. Также и нейтральные корабли подвергались в военной зоне риску, ибо, ввиду предписанного британским правительством злоупотребления чужими флагами, не всегда можно было бы избежать вероятности, что нападения, направленные на неприятельские корабли, обрушатся на корабли нейтральные. Для них был оставлен свободный путь севернее Шотландских островов и полоса у голландского берега. Разницу между этим об'явлением и моим собственным предложением увидеть легко. Я желал установить на первых порах только блокаду Темзы подводными лодками. Блокада является действительной, если каждый корабль, проходящий зону, подвергается значительному риску быть захваченным или потопленным. Если мы сосредоточивали все силы у Темзы с целью полного перерыва сообщения также и нейтральных кораблей, то остальной берег все же оставался свободен, и в таком случае невозможно было ожидать решительных протестов со стороны нейтральных держав. В морском штабе были заняты разработкой моей идеи закрытия Темзы, когда Поль 31 января сразу опрокинул все дело, ссылаясь при этом на канцлера. Благодаря распространению идеи закрытия на весь берег, эта идея стала менее действенной, неясной в правовом отношении и более вызывающей. Такому об'явлению недоставало осуществимости и субстанциональности, и потому

она вызвала протесты. Оно понизило доверие к нашим собственным заявлениям и в связи с этим в известной степени также и престиж германского флота. Оно несколько походило на блёфф и благодаря своей неясности, совмещавшей одновременно намерение щадить нейтральных и угрозу не делать этого, возбуждало сомнение в нашем праве на такой способ ведения войны. Во всяком случае, это провозглашение военной зоны, не касаясь здесь его юридической стороны, в политическом и военном отношениях было нецелесообразно. Мне так и осталось неизвестным, исходя из каких оснований, обойдя мое мнение, вывели на сцену подводную войну. Как бы то ни было, меня снова оставили в стороне, на сей раз в одном из важнейших вопросов моего ведомства, и через мою голову и против моей воли начали подводную войну в такой форме, которая не обещала успеха.

Кайзер дал свое согласие. Случайно я оказался в числе присутствующих, но мог добиться во всем положении только одной поправки, состоящей в том, что в об'явлении было указано на злоупотребление англичан нейтральными флагами.

Камень был сдвинут с места и покатился. 18 февраля 1915 г. должна была начаться подводная война, которая согласно принятому, вопреки моего совета, решению Бетманна, угрожала гибелью каждому кораблю, идущему в Англию или Ирландию.

2.

После того, как перед лицом всего мира с некоторой помпой было обнародовано на мой взгляд преждевременное и неудачное об'явление, наша задача заключалась в том, чтобы удержать за собою занятую позицию, если только мы хотели предохранить достоинство и мощь империи от тяжелого удара и не дать увеличиться самоуверенности наших врагов.

12 февраля была издана первая нота Америки против подводной войны, которая едва ли явилась неожиданностью для ответственных лиц. Тем не менее, с этого дня, к удивлению Поля, настроение иностранного ведомства в вопросе о войне переменилось. Представитель его в главной квартире Трейтлер позднее утверждал, что канцлер был непонят Полем, между тем как Поль самым категорическим образом оспаривал возможность недоразумения, так как он точно об'яснил канцлеру значение предмета. Итак, раньше чем произведенная на свет 4 февраля подводная война успела подать признак жизни, ее перепуганные родители поспешили задушить свое детище.

Я держался того взгляда, что мы только в том случае могли поставить в виду отказ от подводной войны, если бы Англия сделала соответствующие уступки в области морского права. По мнению гражданских лиц для этого было достаточно, чтобы Англия стала на почву лондонской декларации. Я считал такой шаг со стороны Англии возможным в том случае, если бы она опасности подводной войны оценила выше, нежели пользу, проистекающую для нее от несоблюдения лондонской декларации. Мы могли бы удовольствоваться таким результатом, ибо хотя лондонская декларация и не представляла решительного облегчения нашей морской блокады, все же согласие на нее Англии означало бы значительный ущерб ее престижа; таким образом, если бы даже нам пришлось пока отказаться от подводной войны, мы все же достигли бы известного успеха.

Для ответа на американскую ноту канцлер не стал ждать ни согласия начальника морского штаба ни моего; напротив, он при поддержке начальника морского кабинета воспротивился требованию Фалькенгайна привлечь нас обоих к делу и отправил проект ответа непосредственно кайзеру, который в то время находился в Лётцене. Вновь назначенный начальник штаба адмирал Бахман 14 февраля представил

кайзеру свои возражения против подобного делового метода, равно как и против содержания самого проекта, который опасным образом разоблачил врагам колебания в разные стороны нашей политики.

Вечером 15 февраля начальник морского штаба неожиданно получил от кайзера приказание начать неограниченную подводную войну не 18 февраля, как это было об'явлено раньше, но лишь по получении специального приказа. В тот же день командиры подводных лодок получили приказание щадить нейтральные корабли в блокированной зоне. Далее была получена телеграмма начальника морского кабинета, гласившая следующее: кайзер желает циркулярно собрать мнения о том, возможно ли и, если возможно, то в какой степени, дать ручательство, что через 6 недель после начала новой войны против торговли Англии она будет принуждена уступить. В телеграфном ответе на этот запрос должно было быть сообщено также и мое мнение.

При чрезмерной уступчивости, которую проявила наша отправленная позднее (17 февраля) ответная нота Америке, центр тяжести лежал в нашем предложении американскому правительству найти способ, чтобы также и от Англии добиться соблюдения лондонской декларации; в таком случае германское правительство охотно сделает надлежащие выводы из создавшегося таким образом нового положения. Другими словами, в таком случае мы соглашались отказаться от применения подводных лодок не только против нейтральных торговых судов в зоне блокады, но даже и против английских судов. Как я уже говорил, принципиально я не противоречил взгляду, что наша цель должна была заключаться в том, чтобы заставить Англию соблюдать лондонскую декларацию; сообразно этому в Лётцен была отправлена следующая телеграмма: «Морской министр и начальник морского штаба убеждены, что Англия через 6 недель после начала новой войны против ее торговли будет

вынуждена уступить, если только нам удастся с самого начала энергично использовать все имеющиеся у нас средства для этого рода войны». Мы довольно долго ломали себе голову, что означала телеграмма начальника морского кабинета и для какой цели требовался от нас ответ. Мы пришли к убеждению, что на вопрос о 6 неделях от нас надеялись получить отрицательный ответ и, таким образом, оправдать нашу капитуляцию перед Америкой ссылкой на наше собственное мнение. Я еще вспоминаю слова адмирала фон-Копелле: «На глупый вопрос следует глупый ответ». В самом деле, связывать нас таким ограниченным по времени сроком было несправедливо, а также противоречило всем военным принципам; с другой же стороны и в самом деле можно было предположить, что при сильном, в то время еще не затрудненном никакими средствами обороны, действии даже сравнительно небольшого числа подводных лодок Англию можно было бы заставить уступить и стать на почву лондонской декларации. Здесь в первый раз выступил неудачный прием назначения сроков для военных операций, который впоследствии стал играть столь роковую роль. Я всегда считал этот прием ложным, однако, уже теперь, как и позже, нам почти насильно навязывали его.

Конечно, могло случиться и так, что Англия, высокомерно недооценивая значение подводной войны, упрямо отказалась бы пойти на уступки. В таком случае мы должны были бы продолжать неограниченную подводную войну; такой результат сослужил бы нам наилучшую службу. Но война в том виде, как она началась 18 февраля, а именно, с предписанием не щадить нейтральные суда, заранее была обречена на безрезультатность, так как английские корабли, которые, как мы знали, уже и раньше часто плавали под нейтральным флагом, стали теперь использовать этот прием в широчайшем масштабе.

Мы оставили в силе наше провозглашение военной зоны и таким образом сохранили раздражающую Америку видимость подводной войны, дабы дать германскому общественному мнению иллюзию нашей твердости; однако, вследствие данных, по настоянию политического руководства, ограничительных предписаний командирам подводных лодок, мы лишили эту войну всякого военного значения, таким образом мы энергично действовали словом, но очень робко делом. Как предсказал Бахман, операции подводных лодок не оказали никакого действия в смысле завоевания победы для германского народа, однако для инцидентов и ссор с Америкой они подавали достаточно поводов.

Как я уже сказал, хотя мы оба, адмирал Бахман и я, считали об'явление подводной войны преждевременным, а в той форме, в какой оно было сделано, неудачным, мы, тем не менее, держались взгляда, что коль скоро оно было провозглашено перед всем миром, Германия должна была стоять на своем, ценою какого угодно риска.

Если бы на первую американскую ноту мы ответили вежливым, но определенным отказом, то я убежден, что ни в тот момент ни позднее Америка не об'явила бы нам войны, равно как и наши взаимные отношения с нею не потерпели бы особого ущерба. В то время Америка еще не была так раздражительна и так односторонне настроена, как впоследствии: она еще чувствовала почтение к нам и не сделалась в такой сильной степени кредитором Антанты. Щепетильность американцев в вопросах морского права заставляла их чувствовать неловкость даже вследствие не вполне нейтрального поведения собственной страны. Статс-секретарем иностранных дел еще был в то время пасифист Брайан. В то время Вильсону не удалось бы заставить свою страну выступить враждебно против нас. В этом заключался для нас огромный шанс. Равным образом в интересах производившихся в то время князем Бюловым переговоров о нейтралитете Италии

наше посольство в Риме телеграфно рекомендовало нам «неизменную твердость в отстаивании своей точки зрения и охрану престижа Германии и ее флота». Мы должны были атаковать Америку нотами с указанием на ее противное нейтралитету поведение: на ее поставки оружия и боевых припасов, применение беспроволочного телеграфа к ущербу для Германии, молчаливое признание противной международному праву блокады, организованной Англией, образ действия по отношению к нашим находившимся за границей крейсерам, или по отношению к нейтральной почте и т. д., на все это мы должны были поднимать одну жалобу за другой. Такая политика по отношению к Америке была безопасна, так как резкие протесты нот нам не было надобности непременно заканчивать ультиматумом. Быть может, мы и не помешали бы тому переплетению взаимных интересов Англии и Америки, которое так возрастало во время войны, однако это переплетение, вероятно, сделалось бы менее для нас опасно. Всем тем элементам в Соединенных Штатах, которые были оппозиционны Вильсону, т.-е. немцам, ирландцам, квакерам, кругом группировавшимся вокруг хлопчато-бумажной индустрии, мы доставили бы ясный лозунг, вокруг которого они могли бы сплотиться. Наш метод обращения с американцами никогда не умел задеть настоящие струны. Когда мы говорили: «Вы, американцы, формально вполне вправе доставлять нашим врагам боевые припасы и проч., но с вашей стороны это нехорошо», то результат для нас получался совершенно обратный тому, какого мы добивались, как это и выяснилось впоследствии, не говоря уже о том, что превращение Америки в арсенал наших врагов представляло самое неслыханное нарушение нейтралитета, какое только можно было себе представить. В отношениях между Америкой и Германией к тому же существовал еще особый прецедент в прошлом. В испано-американской войне, по представлению американского посла Андрью Уайта,

мы задержали в Кургафене нагруженный оружием корабль, предназначенный для Кубы.

Если бы в вопросе о подвойной войне мы действовали с хладнокровной последовательностью, то мы подготовили бы почву для распространения взгляда, что подводная война является для нас не возмездием за способ Англии вести войну голодом, как, к сожалению, мы сами неоднократно подчеркивали, но что она является нашим правом, ясно и неоспоримо вытекающим из созданного самой же Англией в начале войны международного морского права. Новое оружие невозможно было оправдать натяжками, извлеченными из понятий эпохи парусного судоходства,—оно имело право на новые нормы. Неужели кто-либо может серьезно думать, что в будущей войне другие народы, которые будут бороться за свое собственное существование, не воспользуются, подобно нам, подводным оружием, даже если новые международные постановления положат на него запрет?

Самое позднее в феврале 1915 г. мы должны были понять, что политика Вильсона была вымогательской. Огромный список самых наглых нарушений международного права со стороны Англии оставался в Америке без внимания. Наоборот, с нашей подводной войны не спускали глаз. Эта несправедливость со стороны всего мира в значительной степени вызвана слабостью нашей политики, которая должна была вызывать впечатление, что у нас нечиста совесть. Напрасно я неоднократно указывал канцлеру на характер вильсоновской политики и настойчиво советовал принять против нее меры. Однако, благодаря тому, что одна за другой наши справедливые и принципиальные позиции покидались нами, мы достигли только того, что в своих притязаниях и тактике угроз Вильсон шел все дальше и дальше. Требования, которые еще в первые годы войны мы могли бы отвергнуть со спокойной твердостью и без всякой опасности разрыва, с течением времени все более и более стали превра-

щаться в вопросы престижа. Между тем, как наша репутация у всех мореходных наций претерпевала огромный ущерб, ибо им казалось, что наша собственная вера в победу поколеблена, мы все более укрепляли Вильсона на его позиции, удержание которой, в конце концов, сделалось для него вопросом чести. Мы не получали в действительности ни одной из тех практических выгод, которые, в случае нашей уступчивости, усердно обещали нам Бетманн, Гельферих, граф Бернсторф и другие. Вместе с понижением нашего собственного престижа и веры нейтральных в нашу победу становился все труднее для осуществления единственный правильный путь новой политической ориентировки в сторону Японии и России.

3.

7 мая 1915 г. нашей подводной лодкой была потоплена «Лузитания», английский пассажирский пароход, который одновременно значился в списке вспомогательных судов британского флота. С преступным легкомыслием, вопреки предупреждению нашего посла, на этом вооруженном и нагруженном боевыми припасами крейсере ехали также американские граждане, которые при его потоплении погибли. Впрочем, командир подводной лодки, торпедировавшей «Лузитанию», опознал ее лишь после того, когда она погибая перевернулась на бок. Так как он напал на нее спереди, то он не мог предварительно сосчитать число мачт и дымовых труб. После того, как торпеда попала в корабль, последовал еще один взрыв внутри корабля, вызванный массой погруженных на него боевых припасов. Это вызвало немедленную гибель корабля и множество человеческих жизней. В это время я был в Берлине и отправил 9 мая телеграмму в главную квартиру, в которой заявил, что в интересах государства является теперь крайне необходимым отстаивать точку зрения нашего права; уступчивость для нашего положения

гораздо опаснее, нежели твердость. Можно было сожалеть о потере человеческих жизней, однако должно было отстаивать наше право. Это повысило бы наш престиж в Америке, и таким образом всего более была бы уменьшена для нас опасность, вызванная инцидентом. 12 мая начальник морского кабинета ответил мне, что кайзер согласен с моей точкой зрения. 15 мая мы получили первую ноту касательно «Лузитании», которая требовала от нас осуждения потопления корабля и сответствующего возмещения убытков. Мы затянули наш ответ. Снова начались совещания различных инстанций за и против, которые длились в течение недель. 31 мая состоялось общее совещание по этому вопросу в Плессе под председательством кайзера. Начальник морского кабинета адмирал фон-Мюллер тотчас по своем прибытии на совещание сообщил адмиралу Бахману и мне, что рейхсканцлер отклоняет от себя ответственность за подводную войну, если она будет вестись в той форме, как до сих пор. Фон-Трейтлер и фон-Фалькенгайн, по его словам, держались того же мнения, как канцлер. Напротив, начальник морского штаба и я поддерживали взгляд, что желание канцлера вести подводную войну таким образом, чтобы при этом вовсе не возникало политических конфликтов, в военном отношении было невыполнимо. Поэтому мы предоставляли на решение его величества, должно ли вообще вести подводную войну или нет. Кайзер согласился с нашей точкой зрения и заявил, что если канцлер не желает взять на себя ответственность вообще отменить подводную войну, то должно оставаться при уже отданных приказаниях. Таким образом результат совещания выразился в приказе командирам подводных лодок, подтверждавшем прежнее предписание щадить нейтральные суда, но, напротив, *английские* корабли топить все без исключения.

Однако уже 2 июня канцлер направил к начальнику морского штаба просьбу признать необходимым пощаду также

«враждебных» крупных пассажирских пароходов. На совещании 31 мая об этом не было и речи. Адмирал Бахман представил свои возражения, которые, однако, не были признаны канцлером. Затем Бетманн снова обратился к решению кайзера в вопросе военного выполнения подводной войны, при чем нас он не привлек к этому делу. В результате 5 июня кайзер издал приказ не топить вообще пассажирских пароходов, также и неприятельских. Телеграмма с кратким изложением наших возражений, отправленная в последнюю минуту кайзеру начальником морского штаба и мною, осталась без последствий.

Канцлеру нехватало решимости совсем отказаться от подводной войны. Он хотел вести ее только для виду, чтобы соблюсти соответствующую позу в глазах общественного мнения Германии. В действительности же после вышеупомянутого приказа кайзера на большие пароходы вообще нападение стало для нас исключено, ибо для командиров подводных лодок в огромном большинстве случаев было невозможно различить пассажирские пароходы от грузовых. Ввиду способа действий рейхсканцлера и адмирал Бахман и я подали в отставку, которая, однако, была отклонена, при чем по отношению ко мне это было сделано в самой немилостивой форме.

2 июля наш посол в Вашингтоне сообщил об аудиенции у Вильсона, который заявил ему, что он стремится к полному нашему отказу от подводной войны. Наш отказ должен был означать апелляцию к политической морали всего мира, ибо только соглашением на основе этой морали, а не оружием окончательно могла быть решена война. Граф Бернсторф настойчиво рекомендовал согласиться на это предложение, ибо в таком случае появлялась надежда на запрещение вывоза оружия, иначе же наши дипломатические отношения могли ухудшиться, что повлекло бы за собою увеличение вывоза до чудовищных размеров. По моему

мнению, при этом наш посол упускал из виду, что американская военная промышленность, поскольку от нее зависело, все же будет развиваться, и что надежда добиться от Америки запрещения вывоза оружия являлась чистой утопией.

В начале июня, наконец, был отправлен ответ министерства иностранных дел на американскую ноту о «Лузитании». За ним последовала новая нота Америки, которая была, правда, составлена в тоне недружелюбном и отклоняющем наши аргументы, однако ее содержание было все же таково, что формально ее можно было оставить без ответа. Таким образом временно с этим вопросом было покончено. Мы продолжали вести подводную войну по такому способу, при котором она представляла ни то ни сё.

Многие из моих знакомых, которые основательно знали Америку, высказывали определенный взгляд, что наша политика нот по отношению к Вильсону и поддерживавшей его группе лиц является совершенно ложною. Даже те лица, которые вообще со всем своим влиянием стремились к тому, чтобы поскорее столковаться с Англией и Америкой, не соглашались с тем бюрократическо-юридическим методом, к которому постоянно возвращалось ведомство иностранных дел. В этом смысле, например, высказывался Балин, и я думаю, что он лучше мог судить, как надо обращаться с американцами, нежели Бетманн или его сторонник в этом вопросе Гельферих.

Статс-секретарь фон-Ягов заявил 15 августа в комиссии рейхстага, что в вопросе о подводной войне мы не допустим давления на нас со стороны Америки. Но как только рейхстаг в главном закончил свои работы, — закрыт он был 27 августа, — то рейхсканцлер, при поддержке фон-Фалькенгайна и адмирала фон-Мюллера, стал со всем своим влиянием добиваться приостановки подводной войны. Поводом для этого послужило потопление английского парохода

«Арабик», хотя донесения командира подводной лодки об этом происшествии еще не было получено, равно как и со стороны Америки не последовало на этот счет никаких жалоб. Как излагал впоследствии фон-Трейтлер на докладе у кайзера, дело при этом шло вовсе не об инциденте с «Арабиком», но об окончательном соглашении с Америкой.

Вопреки данному мне 7 августа обещанию, рейхсканцлер своим решением захватил врасплох адмирала Бахмана и меня. Флот должен был быть поставлен перед совершившимся фактом. 25 августа, незадолго до отхода ночного поезда, я был телеграммой вызван в Плесс для доклада на следующее утро. Только на коротком перегоне от Коттовица до Плесса я мог встретиться с адмиралом Бахманом. Прибыв в Плесс 26 августа, мы тотчас же имели короткую беседу с канцлером. На основании донесения нашего морского атташе в Вашингтоне и заявления американского посла Джерара, он характеризовал положение как очень серьезное. Он заявил, что не находит более возможным жить на вулкане. Он считал необходимым телеграфировать нашему послу в Вашингтоне, что командирам подводных лодок дано определенное приказание ни в коем случае не топить пассажирских пароходов, не предупредив их и не дав экипажу возможности спастись. Вопрос о возмещении убытков за «Лузитанию» должен был быть передан на решение третейского суда. Затем мы должны были просить Соединенные Штаты воздействовать на Англию в смысле возвращения на почву лондонской декларации. Я указал на то, что канцлер, очевидно, переоценивает значение лондонской декларации, и что третейский суд по поводу «Лузитании», наверное, вынесет решение против нас, так как международных постановлений касательно подводных лодок не существует.

Беседа не привела ни к какому соглашению, и таким образом вскоре последовал доклад у кайзера, который был сокращен благодаря тому, что в открытой соседней комнате

кайзера дожидался завтрак. Я настаивал, что раньше, чем принять решение, мы во всяком случае должны были подождать доклада командира подводной лодки о потоплении «Арабика». Если мы хотели в течение некоторого времени избегать недоразумений с Америкой, то можно было на это время вообще удалить подводные лодки из английских вод и отправить их в Средиземное море, как я уже предлагал это канцлеру в беседе с ним 7 августа. Вообще же, по моему мнению, можно было составить удовлетворительную ноту Америке, которая не содержала бы в себе отказа от принципа подводной войны. Бахман, получивший благоприятные для нас известия о настроении в Америке, указал в этом общем нашем докладе кайзеру на то, что публичное заявление, которое хотел бы сделать канцлер, является не необходимым, так как предписание подводным лодкам щадить пассажирские пароходы фактически существует уже с начала июня и только держится в секрете от публики, так как оно противоречит нашим заявлениям в ответных нотах Америке. Если это заявление будет теперь опубликовало, то этим самым мы признаем правильным утверждение наших врагов, что подводная война недопустима. Если вообще уж нужно было что-нибудь сказать, то достаточно будет заявить, и мы позаботимся о необходимой безопасности пассажирских пароходов в подводной войне, но «каким образом» — это уже наше дело. Поспешный отказ от подводной войны, который имеет в виду желательное для канцлера заявление, должен быть понят, как признак слабости и может неблагоприятно подействовать на настроение нашей собственной страны и на нейтральные державы. Несмотря на возражения рейхсканцлера и представителя иностранного ведомства фон-Трейтлера, кайзер решил вопрос в смысле желательном для представителей флота, в согласии с чем не должно было отправлять депешу нашему послу в Вашингтоне. Он приказал, чтобы рейхсканцлер вместе

с начальником морского штаба и мной выработал и представил ему текст заявления, которое *в случае надобности* можно будет послать Соединенным Штатам.

На следующий день, 27 августа, вопреки этому ясному решению, канцлер склонил кайзера к новому решению, в желательном для него смысле, при чем ни меня ни начальника морского штаба он к этому делу не привлекал. Это последнее решение было устно сообщено нам после полудня того же дня фон-Трейтлером, при чем было добавлено, что соответствующая депеша к нашему посланнику в Вашингтоне уже отправлена. Как говорят, для ускорения этого решения как раз в нужный момент была получена телеграмма от папы, который оказывал на нас давление в том же направлении. «Теперь они идут у нас на поводу», заявил американский посол Джерар 27 августа; он, очевидно, очень низко оценивал наших дипломатов и сознавал, что Америка может делать с нами все, что хочет. Американцам, согласно сообщению одного из них, он уже 24 августа, на основании предложения фон-Ягова, сказал: «Америка встретит это заявление с радостью, мне интересно только, как встретит его Германия. Теперь один из двух должен уйти в отставку, либо Тирпиц либо Ягов». Уже 27 августа в английских и американских газетах появились статьи на тему «Tirpitz exit» (Тирпиц уходит). Эти известия были пропущены германской цензурой, т.-е. иностранным ведомством, еще раньше, чем решение было принято кайзером. Таким образом, на ближайшее время с подводной войной было покончено, в результате в Америке и в лагере наших врагов началось радостное ликование. Престиж Германии был поколеблен еще невиданным дотоле образом. В нейтральных державах сложилось определенное мнение, что Германия вынуждена к отступлению, между тем как положение Вильсона повсюду, и особенно в Америке, поднялось необычайно.

Ввиду усвоенной рейхсканцлером манеры добиваться своих целей, захватывая своих противников врасплох, я 27 августа обратился к его величеству с просьбой освободить меня от обязанностей морского министра, при чем я, как солдат, отдавал себя в его распоряжение для любого иного применения моих услуг. 30 августа моя просьба была отклонена. «С другой стороны, — говорилось в присланном мне по этому поводу приказе кабинета, — как в этом, так и во многих случаях раньше, я пришел к убеждению, что в морских вопросах, касающихся области внешней политики — а сюда относятся почти все вопросы морской войны — ваше сотрудничество с рейхсканцлером совершенно немыслимо». Поэтому кайзер считает нужным отказаться от регулярного привлечения меня к совещаниям по этим вопросам. «Однако я самым определенным образом отказываюсь освободить вас от обязанностей морского министра. Вы не можете сомневаться не только в том, что перемена на этом посту во время войны — в особенности же при нынешних личных отношениях в морском ведомстве — повлечет за собою ущерб в работе всего флота, но и в том, что ваш личный выход из этого ведомства в настоящий момент будет иметь самые опасные последствия в стране и за границей, избегать которых является одинаково моею и вашей обязанностью. Кроме того, во время войны я не могу допустить, чтобы офицер подавал в отставку из-за разногласий касательно применения вооруженных сил, которыми распоряжаюсь, в конечном счете, я сам, в качестве верховного вождя с полным сознанием моей ответственности».

После того, как я заявил, что содержание этого приказа кабинета делает невозможным мое пребывание в должности, кайзер дал мне короткую частную аудиенцию и одновременно обещал мне новый приказ, исправляющий содержание первого. Действительно, 19 сентября 1915 г. мне было дано от лица кайзера уверение, что в его виды всецело вхо-

дит «принимать во внимание мои взгляды касательно важнейших вопросов морской политики». Вследствие этого я решил не настаивать на моей отставке. В том же смысле советовали мне многие политические деятели и лица весьма высокого общественного положения.

Что же касается адмирала Бахмана, который протестовал против давления на кайзера со стороны канцлера, то он был уволен и заменен адмиралом фон-Гольцендорфом. Адмирал фон-Гольцендорф был уволен в запас после императорских маневров в 1912 г. До своего нового назначения он по многим поводам высказывался согласно с мнением Бетманна. Он получил предписание находиться не в главной квартире, но в Берлине; в это время обстоятельства сложились так, что мне тоже пришлось переехать туда.

4.

Я считаю полезным показать, как развивалась подводная война с точки зрения флотского командования, которое, за исключением Средиземного моря, Фландрии и Балтийского моря, руководило ее операциями. Тогдашний начальник штаба командующего флотом довел до моего сведения следующую таблицу:

4/II 1915. Об'явление военной зоны.

14/II 1915. Требование, ввиду важных политических соображений, дать по радиотелеграфу вышедшим в море подводным лодкам приказ воздержаться пока от нападения на суда под нейтральными флагами. (При тогдашнем состоянии радиотелеграфа на подводных лодках этот приказ был невыполним, так как подводные лодки были уже на далеком расстоянии. Впрочем, в то время каждый корабль плавал под нейтральным флагом.).

15/II 1915. Приказ из главной квартиры начать подводную и торговую войну против нейтральных судов не 18 фе-

враля, но по получении особого исполнительного приказа. В силу этого приказа выход в море лодок ближайшей смены должен был быть отложен, т.-е. должна была наступить пауза.

18/II 1915. Для датского и шведского судоходства оставляется свободная полоса между Линдеснесом и Тайном [1]), в которой запрещается разбрасывать мины и топить суда.

20/II 1915. Исполнительный приказ для Северного моря и Ламанша. Суда под американским и итальянским флагами также и в этой области должно щадить. Предусматривается широкая безопасная полоса для скандинавских судов, идущих в Англию.

22/II 1915. Исполнительный приказ для западного побережья. Особенно рекомендуется осторожность по отношению к американскому и итальянскому флагам.

7/III 1915. Свободная полоса для скандинавских судов отменяется, однако в ней не должно забрасывать мин; таким образом фактически она остается почти безопасной.

30/III 1915. Свободная полоса отменяется совсем.

2/IV 1915. После потери нескольких подводных лодок вследствие аварий: безопасность плавания собственных лодок должна стоять на первом плане. Всплывание лодок на поверхность не обязательно.

18/IV 1915. Новое предостережение в смысле пощады нейтральных.

24/IV 1915. То же самое.

7/V 1915. Инцидент с «Лузитанией». Во флоте рассматривается как крупный успех. Английский, т.-е. неприятельский пароход, не подлежащий никаким из'ятиям, кроме того, вооруженный. Командир лодки вызван в главную квартиру и весьма немилостиво принят начальником морского кабинета.

---

[1]) Линдеснес—мыс в южн. Норвегии, Тайн—река в сев. Англии, впадающая в Северное море.

6/VI 1915. Приказ не нападать на большие пароходы, в том числе и на неприятельские.

26/VI 1915. Письмо командующего флотом в морской штаб:

«Согласно моему взгляду, разделяемому всем флотом, мы не должны проявлять в подводной войне никакой уступчивости.

Основания:

1. Всякое отступление от об'явления военной зоны должно считать политическим поражением.

2. Цель об'явления военной зоны заключалась в том, чтобы прервать импорт и экспорт Англии, но не в том, чтобы уничтожать отдельные корабли. Из'ятия и вознаграждения для нейтральных как раз способствуют росту торговли с Англией под нейтральным флагом.

3. Уступчивость дает основания для утверждения наших врагов, будто задуманный нами способ войны носит варварский характер.

4. Только энергическое выполнение подводной войны уничтожает преимущества островного положения Англии. Для будущего развития Германии она имеет огромное значение. Отступление лишает наше подводное оружие его воздействия на Англию».

Командующий флотом просит дать ему возможность лично высказать перед представителями политического руководства свои основания, так как он с самого начала взял на себя ответственность за ведение подводной войны. Личное представительство командующего флотом отклоняется; вместо этого командующий подводными лодками вместе с одним из командиров вызывается к рейхсканцлеру для получения указаний.

19/VIII 1915. Инцидент с «Арабиком». Граф Бернсторф заявляет в Америке, что командир будет наказан. (Коман-

дирам подводных лодок снова предписывается соблюдать указанные ограничения.)

21/VIII 1915. Приказ впредь до выяснения положения более не высылать в море подводных лодок.

30/VIII 1915. Приказ впредь до нового распоряжения не топить также и малые пассажирские пароходы без предварительного предупреждения и спасения экипажа.

1/IX 1915. Командующий флотом телеграфирует начальнику морского кабинета для доклада кайзеру, что этот приказ может быть выполнен только с крайней опасностью для подводных лодок, за которую он не может взять на себя ответственность. Поэтому командующий флотом просит уволить его от должности. Ответ начальника морского кабинета, согласно которому его величество запрещает командующему флотом возражения против высочайших приказов.

18/IX 1915. Общее положение требует в ближайшие недели избегать всякой возможности нарушения предписаний касательно подводной войны. Посему приказание приостановить всякую подводную войну на западном побережье Англии и в Ламанше и вести ее в Северном море только в призовом порядке. Практически — полное прекращение всякого применения подводных лодок.

Таковы были впечатления во флоте. Ordre, contreordre. désordre!

Если пересмотреть все эти приказы и противоприказы, которые частью были неисполнимы, далее, если подумать о том, что они доходили до отдельных командиров подводных лодок чрез посредство различных командных инстанций, то станет понятно, какую путаницу и досаду должны были они вызывать у этих командиров благодаря непрестанному и часто противоречивому вмешательству политического руководства и морского кабинета. Жажда проявить свою деятельность, понимание своей задачи моряками, а также и их непосредственными начальниками толкали их к действию. Но

храбрым командирам подводных лодок грозили наказания и военный суд, если только оказывалось, что они не поняли неясных приказаний или если возникали какие-либо политические осложнения.

Несколько иначе действовала Англия в подобных вопросах морского могущества». Там оставался в силе вековой принцип, что все поступки английских моряков брались под покровительство перед лицом внешнего мира, коль скоро эти моряки в своих действиях проявляли энергию.

5.

Приблизительно в декабре 1915 г. во взглядах германского военного командования на подводную войну наступила перемена. Фронты армий стали неподвижны, и решение войны становилось все более затруднительно. Под этим впечатлением по инициативе военного командования 30 декабря 1915 г. и 5 января 1916 г. состоялись заседания в военном министерстве, посвященные вопросу о подводной войне. Генерал фон Фалькенгайн сообщил, что после того как теперь Болгария стала на нашу сторону, он готов высказаться в пользу неограниченной подводной войны, если морское ведомство даст гарантию успеха. Он заявил также, что осенью 1915 г. он поддерживал канцлера в его борьбе против подводной войны, так как, согласно уверений иностранного ведомства, он опасался, что в таком случае Болгария воздержится от перехода на нашу сторону. Однако сообщения Энвера, заявление Радославова и нашего посла в Константинополе фон-Вантгенейма самым решительным образом противоречат этим указаниям канцлера.

Во время заседания в военном министерстве я доказывал возможность и выполнимость подводной войны. Вместо прежнего об'явления военной зоны я рекомендовал своего рода запрет торговых сношений с Англией. Адмирал фон-Гольцен-

дорф охарактеризовал открытие подводной войны как выход для деятельности флота, но советовал начать ее не ранее 1 марта. Касательно решения насчет подводной войны и ее начала 1 марта Фалькенгайн, Гольцендорф, военный министр Вильд фон Гагенборн и я пришли к полному единству мнений.

Устное согласие Гольцендорфа на открытие подводной войны было подтверждено докладной запиской морского штаба от 7 января. Если мы отменим ограничения в подводной войне, — говорилось в этой записке, — то на основании предыдущего опыта можно питать надежду, что сопротивление Англии будет сломлено позднее чем через полгода. Записка признавала наличие американской опасности, однако заявляла, что если до осени 1916 г. Германия не добьется благоприятного для себя решения войны, то должна исчезнуть и надежда на такой мир, который в течение ближайших десятилетий дал бы ей существование, обеспечивающее ей свободное хозяйственное развитие. Еще одна докладная записка морского штаба с аналогичным содержанием от 12 февраля 1916 г. была направлена многим экспертам-экономистам, которые все высказались одобрительно и вообще в *немедленном* осуществлении неограниченной подводной войны усматривали единственный и последний шанс Германии.

С своей стороны, в феврале 1916 г. я отправил начальнику генерального штаба докладную записку о возможности и выполнимости подводной войны. По моему поручению, капитан Видеман 11 и 12 февраля имел обстоятельную беседу с генералом фон Фалькенгайном в главной квартире по поводу этой записки и вообще по всему вопросу подводной войны. Фалькенгайн сказал приблизительно следующее: «Мы все согласны, что Англия желает бороться до решительного конца. Решение заключается в обладании Бельгией. Если мы отдадим Бельгию, то мы погибли. Я стою за подводную

войну и определенно рассчитываю на ее выполнение. Я всецело буду поддерживать ее и проведу ее в жизнь».

В резкой противоположности к взгляду канцлера я уже тогда ясно видел, что дальнейшая отсрочка подводной войны влекла за собой величайшую опасность; я закончил вышеупомянутую записку следующими словами, которые, к несчастью Германии, оказались впоследствии совершенно справедливыми: «Немедленное и безоговорочное использование подводных лодок является безусловно необходимым. Дальнейшее откладывание неограниченной подводной войны даст Англии время для выполнения дальнейших военных и хозяйственных мер обороны, оно повысит в будущем наши потери и поставит под вопрос успех в ближайшее время. Чем скорее мы начнем подводную войну, тем раньше мы достигнем успеха, тем быстрее и решительнее мы уничтожим надежду Англии победить нас посредством войны на истощение. Вместе с Англией мы сломим также хребет всей коалиции наших противников».

Множество корпораций и отдельных лиц в это время обращались к рейхсканцлеру в целях защиты подводной войны. Среди этих обращений заслуживает упоминания письмо Гуго Стиннеса к канцлеру, которое, на основании обстоятельной информации, собранной в Швеции, приходит почти к тем же цифрам, как и я в моей докладной записке. Эти заявления политических деятелей и других лиц, занимавших влиятельное положение, подавались ими без всякого участия с моей стороны.

23 февраля в Вильгельмсгафене мне представился неожиданный случай сказать кайзеру, с какой радостью я узнал, что имеется в виду начать серьезную войну против английских торговых судов. Вопрос о войне против торговли превратился в вопрос о решении войны, и медлить с ним невозможно. Дело идет о борьбе германской нации за свое существование. Мелкие нейтральные державы не предста-

вляют никакой существенной опасности. Кайзер должен притти к какому-нибудь решению.

Решающий доклад у кайзера состоялся 6 марта 1916 г., но, вопреки упомянутому выше обещанию, я не был привлечен к нему. Когда я частным образом узнал о предстоящем заседании, я послал адмиралу фон Мюллеру запрос, ожидаюсь ли я на совещание у кайзера. На это последовал ответ фон Мюллера: «Нет, его величество не давал никаких приказаний насчет приглашения господина морского министра». Рейхсканцлер, Фалькенгайн и Гольцендорф присутствовали на заседании. Против мнения Фалькенгайна подводная война была отсрочена на неопределенное время. 8 марта я подал рапорт о болезни и с обратной почтой получил по телеграфу предложение подать прошение об отставке. Я подал его в следующей форме:

Берлин, 12 марта 1916 года.

Вашему величеству я служил в меру всех моих сил, чтобы споспешествовать жизненной задаче вашего величества, которая заключалась в том, чтобы указать германскому народу путь по морю в мир.

В решающей борьбе против врагов, которые хотят с мечом в руке преградить нам путь национального развития, ваше величество не нашли возможность следовать моему совету.

Влияние, которое ваше величество неоднократно мне всемилостивейше обещали, я при последних важных решениях касательно применения наших морских сил использовать более не получил возможности.

Мою обязанность по ведомству быть представителем правительства вашего величества перед народом в вопросах морского характера я более не могу выполнять так, как велит мне мой долг. Тяжкая забота при виде того, как рушится дело жизни вашего величества, и национальное будущее Германии на том пути, на который она вступила, делает для меня ясным, что мои услуги не могут более принести пользу правительству вашего величества.

Мою предшествующую просьбу освободить меня от моих обязанностей ваше величество принять не соизволили.

Расшатанность моих душевных сил под влиянием усилившейся в последнее время борьбы, которую мне приходилось выдерживать,

делает для меня неизбежным доложить вашему величеству, что я более не могу управлять делами морского министерства империи.

Согласно всемилостивейшему решению вашего величества я ныне осмеливаюсь всеподданнейше просить соизволить мне увольнение от моих обязанностей морского министра».

Моя отставка была утверждена 17 марта. Моим преемником стал адмирал фон-Капеле. Летом 1915 г. он был решительным приверженцем подводной войны. Однако перед вступлением в должность ему пришлось обязаться во всех вопросах морской политики сообразоваться с указаниями канцлера. К этим вопросам была причислена также и подводная война.

Мое значение при кайзере и канцлере в марте 1916 г. до такой степени упало, что я должен был считаться с тем, что в ближайшее же время меня заставят уйти по любому поводу. Уже раньше мне пришлось испытать тяжкие обиды. Я подал в отставку после того, как мои ближайшие советники пришли к убеждению, что далее откладывать ее невозможно, так как элиминирование моего сотрудничества вопреки всем данным мне обещаниям окончательно лишает меня возможности плодотворной работы. Кроме того, от близких к кайзеру лиц я слышал, что мои отношения с ним считаются непоправимыми. Я видел, как мы катились в пропасть, и не мог более брать на себя представительство перед рейхстагом и ответственность перед нацией за рискованное решение все более затягивать войну. Тем не менее, я не с легким сердцем ушел в отставку, так как я был убежден, что она только оживит уверенность наших врагов в победе. Я предложил кайзеру сделать мое увольнение менее заметным тем, что оно было бы дано мне под предлогом болезни; однако мое предложение было отклонено, и я мог впечатление этого события смягчить только тем, что в согласии с местными военными властями отказался принять предлагавшиеся в мою честь демонстрации широчайших кругов об-

щества, не взирая на огорчение их инициаторов и участников.

Если бы я мог предвидеть, что бой при Скагерраке снова укрепит мое положение, и что Гинденбург и Людендорф станут во главе командования, то наперекор всем унижениям я все же попытался бы выдержать и остаться; в таком случае, ввиду столь поколебленного осенью 1916 г. положения Бетманна, польская прокламация, может быть, не была бы издана, к миру с царем было бы приложено больше усилий, а подводная война была бы начата еще достаточно своевременно. Но кто может заглянуть в карты Провидению?

6.

24 марта 1916 г. был торпедирован французский пароход «Суссекс». На запрос Соединенных Штатов наш морской штаб еще до получения донесения командира подводной лодки ответил, что германское правительство принуждено предположить, что повреждение «Суссекса» надо приписывать иным причинам, а не нападению германской подводной лодки. Однако позже пришло донесение, что «Суссекс» действительно был торпедирован одною из наших подводных лодок. Согласно доклада особенно опытного и осторожного командира подводной лодки, «Суссекс» значился как военное судно, и на его палубе находилось большое число солдат в военной форме. Поэтому командир думал, что он действует всецело в согласии с своим правом.

На нашу ноту от 10 апреля, коей несоответствие фактам было доказано Америкой, последовала с ее стороны известная уничтожающая нота от 20 апреля, которая требовала немедленного отказа от принятого нами до сих пор метода подводной войны и грозила перерывом дипломатических сношений с германским правительством. После опубликования этой ноты я еще раз 24 апреля отправил кайзеру докладную

записку с настойчивой просьбой не уступать Вильсону. Ответа на эту записку я не получил; напротив, 4 мая правительство отправило Америке ноту, в которой оно уступало американским требованиям, однако призывало американское правительство принудить великобританское правительство вернуться к тем нормам международного права, которые были признаны до войны. Если же соответствующие шаги Соединенных Штатов окажутся безуспешными, то германское правительство будет считать себя поставленным перед новым положением, в котором оно должно будет сохранить полную свободу решения.

Вильсон потребовал наказания командира подводной лодки, который торпедировал «Суссекс». Адмирал, командующий морским корпусом во Фландрии, не применил к нему никакого наказания, так как командир действовал в пределах своего права. Вслед за тем командир был наказан самим кайзером. Слабые остатки подводной войны, еще имевшиеся у нас, практически исчезли совсем за исключением Средиземного моря.

Весьма показательным для характеристики тех сил, которые работали против подводной войны, является рассказ свидетеля о том, что произошло в главной квартире после получения вышеупомянутой моей записки. Для противников подводной войны она оказалась весьма нежелательной, но на кайзера она произвела глубокое впечатление, очевидно потому, что ее содержание укрепляло его собственные взгляды, так что он решил отклонить ноту Вильсона и отныне вести подводную войну без ограничения. Это решение кайзер сообщил канцлеру и военному командованию. Возражения канцлера сначала не имели успеха. Однако затем начальник морского кабинета фон-Мюллер стал энергично оказывать давление на кайзера в смысле уступки канцлеру, что, в конце концов, и случилось. При этом сыграло роль то обстоятельство, что начальник морского штаба, в противоре-

чии со своими прежними докладными записками, стал на сторону канцлера. При этом последнем решении кайзера мнение военного командования, как кажется, выслушано не было. Во всяком случае генерал фон-Фалькенгайн подал прошение об отставке, которая, однако, была отклонена.

Нота по поводу «Суссекса» является поворотным пунктом войны, она означает начало нашей капитуляции. Весь мир видел, что Америка сломила нас. Со времени этого решения мы пошли назад. Моральное возмущение по поводу подводной войны в Англии и Америке вначале являлось простым блёффом с целью запугать нас. Постепенно оно превратилось в нечто более серьезное. Те лица в Германии, которые тонко чувствовали идеальную и в сущности также в высшей степени реальную ценность престижа, были глубоко потрясены принятием уничтожающей ноты Вильсона. Благодаря решениям марта и мая 1916 г. Англия была освобождена от самой большой материальной опасности, какая когда-либо угрожала ей в течение всей ее истории. После того как германский народ с пренебрежением отбросил ниспосланный ему небом дар подводной войны — свой последний шанс, он не только предопределил свой собственный выход из числа мировых народов, но укрепил также волю Англии держаться до конца, до полного уничтожения германского народа.

Подводная война, которая была бы начата без всяких ограничений весною 1916 г., являлась фактором гадательным, как и всякий стратегико-политико-хозяйственный расчет. Однако ныне мы с большей уверенностью, чем когда-либо, может сказать, что она привела бы англичан к примирительному настроению, которое, конечно, никогда не выразилось бы столь жалким и бестолковым образом, как мирная резолюция 1917 г. демократических партий рейхстага, — для этого англичане слишком хорошие политики, — но практически оказалось бы достаточным, чтобы сделать возможным приемлемый для нас мир. Конечно, весною

1916 г. нельзя было терять ни одного месяца, не только по причине роста оборонительных средств врага, но также и по причине уменьшения нашей собственной силы сопротивления. Если бы самое большее после годичной подводной войны в Англии стала ощущаться нужда, то дух нашего собственного народа и запас его сил оказались бы еще достаточно высоки, чтобы дать ему возможность выжидать. По поводу решительного воздействия подводной войны, будь она предпринята в то время, и смертельной опасности, которая нависла бы над Англией, я теперь могу привести длинный ряд признаний со стороны англичан, — признаний, которые наша демократия и другие заинтересованные лица тщетно стараются придать забвению. Еще в 1917 г., т.-е. с опозданием на год, мы стояли прямо у цели, так что можно видеть, что подводная война, начатая лишь на полгода раньше, могла бы принести окончательное решение.

Так, например, журнал «Economist» от 7 сентября 1918 г. пишет:

«Хотя в то время немногие видели угрожающую опасность, мы были очень близки к потере войны, ибо мы забыли, что военное господство на морях теряет всякую цену, если не оказывается средств использовать подвластную нам морскую поверхность... Один раз за четыре последние года германцы подошли совсем близко к выигрышу войны. Это было не весною 1918 г., когда армии Англии и Франции поколебались под натиском германских атак. Это было весною 1917 г., наше положение на суше казалось благоприятным. Германцы, разбитые на Сомме, отступили на линию Гинденбурга и перешли на западном фронте к обороне. Россия еще являлась фактором в войне. И все же эта весна 1917 г. была в действительности самым критическим и страшным моментом, который мы пережили с начала войны. В течение короткого времени казалось, как будто наш флот становится бессильным, и наши сообщения, от которых за-

висело все, должны быть прерваны. Если бы потери Англии и Антанты продолжали оставаться так же велики, как в апреле, мае и июне 1917 г., то Германия выиграла бы войну раньше конца года. Однако наш флот... справился с подводной опасностью и уменьшил ее практические результаты».

Компетентный политический деятель Хаоцца Моней сделал следующее заявление в палате общин в ноябре 1918 г.:

«В апреле 1917 года германские подводные лодки действовали столь успешно, что в течение 9 месяцев Англия была бы разорена, если бы уничтожение кораблей продолжалось тем же темпом».

Это сообщение телеграфного агентства Рейтера от 15 ноября 1918 г. могло бы свести с ума германского патриота, если бы он мог ясно себе представить, какое непонимание сущности морской войны господствовало у нас и как оно задушило наше будущее, которому еще раз открывался путь спасения.

Своеобразие этого нашего внутреннего кризиса в моих глазах заключалось в том, что те гражданские деятели, которые свою надежду на удовлетворительный исход войны полагали не в силе нашего оружия, но в борьбе Вильсона за свободу морей и в добровольной склонности Англии к согла-шению, не ограничивались этим своим политическим убеждением, но считали необходимым обосновать его собственными суждениями в вопросах чисто морских и технических. Противореча всем авторитетам-специалистам, они присваивали себе право утверждать, что в исторический момент весною 1916 г. мы «обладали еще слишком малым количеством подводных лодок». Эти лица с Вильгельмштрассе или из редакции «Франкфуртской Газеты» в феврале 1917 г. заявляли с претенциозной самоуверенностью: «Мы начинаем подводную войну, правильно выбрав момент, ибо теперь у нас достаточное количество подводных лодок». Когда затем отложенная по их вине подводная война не дала таких быстрых

результатов, которые, согласно утверждениям специалистов, она принесла бы годом раньше, то и тут эти лица не укротили свою наглость: вместо того, чтобы устыдиться, что благодаря их проволочке действие подводных лодок было значительно ослаблено, они снова стали нападать на подводную войну в прямом противоречии с собственной точкой зрения в начале 1917 г. Чтобы вполне понять, какую игру вели с войной на море в тот час, когда решалась судьба Германии, пусть представят себе, что было бы, если бы журналисты, дипломаты и парламентарии пожелали высказывать решающие суждения в вопросах стратегии сухопутной войны. Но в жизненном вопросе морской войны у немцев было все допустимо. Вместо того, чтобы не выходить за пределы американского вопроса, политическую важность которого я сам всегда оценивал в полной мере, немец со свойственным ему инстинктом самоуничтожения успокаивал себя формулой: «в 1916 году мы имели недостаточно подводных лодок». Подобно тому как в оправдание уклонения от морского боя из меня сделали козла отпущения, ибо материальная часть флота оказалась будто бы слишком низкого качества, точно так же теперь те, которым из-за страха перед Вильсоном нехватало мужества для подводной войны, сваливали перед самими собой и перед всем миром вину на «слишком малое количество» подводных лодок. Эти повсюду распространяемые слухи были тем средством, с помощью которого в особенности дипломатические и демократические пособники нашего политического руководства помешали своевременной подводной войне и вместо быстрого сильного удара, который этим самым всего более соответствовал бы также и требованиям человечности, своим образом действий, изобличающим слабость и нечистую совесть, бросили нашу страну на путь медленного угасания [1].

---

[1]) Левые партии рейхстага несут столь тяжелую ответственность за соучастие в отсрочивании подводной войны, что чувство справед-

Поистине наш подводный флот в 1916 г. мог дать гораздо больше результатов в 1916 г., нежели в 1917 г., как я и предсказывал это в феврале 1916 г. В подводной войне важно не число подводных лодок, но единственно число потоплений. Для того, чтобы понять эту простую истину, наши стоявшие за проволочки политические деятели были слишком мудры. Эффективность подводных лодок падала по мере того, как оборонительные средства противника усиливались. Для выполнения оборонительных мероприятий требовались годы; мы подарили неприятелю эти годы. Победу в подводной войне мы могли выиграть только в определенный период времени; этот период мы упустили в страхе и надежде на Вильсона. Потрясающие цифры, доказывающие это, во время войны не могли быть преданы гласности, это давало противникам подводной войны возможность делать искажения. Из совокупности доказательств я беру один единственный факт. Весною 1916 г. при ограниченной, т.-е. недостаточной подводной войне цифра потоплений давала 17.000 тонн на один рейс одной подводной лодки. При неограниченной подводной войне, согласно опыту 1916 г., цифра потоплений оказывается, по крайней мере, втрое большей. *Таким образом в то время можно было достигнуть 51.000 тонн на один рейс и одну лодку. Летом 1917 года цифра потоплений одного рейса одной лодки давала 14.000 тонн, а осенью уже только 9.000 тонн!* Весною 1916 г. в предстоящем бюджетном году было предусмотрено двести пять подводных лодок, числившихся на действительной службе, в постройке или на испытании; из них в постройке находилось 147, которые должны были быть готовы еще до истечения бюджетного года.

Приведенные цифры дают возможность определить, какие результаты должна была бы принести подводная война

ливости обязывает меня сказать, что некоторые цельные люди среди социал-демократов в начале 1916 года вполне разделяли мою точку зрения, не имея возможности провести ее в жизнь.

в 1916 г. Следует согласиться с англичанами, что в то время они проиграли бы войну, если бы у нас оказалось мужество ее выиграть. Достаточно перелистать дневники командиров подводных лодок за 1916 г., чтобы убедиться, с какою горестной досадой им приходилось упускать из-под носа самую богатую и верную добычу. Тогда становится очевидным, что при каждом рейсе в то время они могли бы достигнуть впятеро или вшестеро больших результатов, чем годом позже.

Наше поведение весною 1916 г. говорило всему миру за исключением некоторых немецких дипломатов и демократов: Германия погибает.

7.

Происшествия, вызвавшие переход к неограниченной подводной войне 1 февраля 1917 г., я могу затронуть лишь вкратце, так как в то время я был уже не у дел. Насколько я в них осведомлен, они кажутся мне характерными для дезорганизации бетманновских приемов управления.

Идя навстречу инициативе графа Бернсторфа, Бетманн содействовал мирному посредничеству Вильсона, но сам же пошел наперекор ему своим собственным мирным предложением, а также подводной войной. Теперь нам известно, что германское правительство поощряло Вильсона в его намерении выступить посредником мира; поэтому понятно, что наше решение начать неограниченную подводную войну означало для него личное оскорбление. С другой стороны, опубликованные теперь новые документы только подтверждают мое прежнее мнение, что чрез посредство Америки нам нечего было ожидать приемлемого для нас мира. Вильсон и его помощники в разговорах с представителями Германии постоянно подчеркивали, что по отношению к Англии они ни за что не желают применять давление американской «мощи».

Интересы и цели Америки шли совершенно в другом направлении, сохранение германской империи было для нее безразлично, так что, по моему убеждению, единственный путь, по которому мы могли бы достигнуть мира, лежал через Россию. Осенью 1916 г., ввиду нападения Румынии, верховное командование придавало серьезное значение ошибочным уверениям канцлера и нашего посланника фон-Кюльманна в возможности об'явления нам войны Голландией, и потому оно согласилось с известной отсрочкой подводной войны. После разгрома Румынии картина изменилась. Военное командование сомневалось, что мы сможем выдержать еще одну зиму (1917 — 18 г.). Так как начальник морского штаба фон-Гольцендорф счел возможным обещать, что через полгода подводной войны Англия обнаружит склонность к миру, то желание создать возможность мира к августу 1917 г. таким образом предопределяю, что нам следует начать подводную войну в феврале этого года. Однако этот расчет имел только условное значение, и возводить его на степень догмата было невозможно.

Наше несчастье заключалось в том, что руководство подводной войной сосредоточивалось теперь в руках государственного человека, который внутренне был против нас и потому также и в этой последней стадии в значительной степени парализовал ее действие подобно тому, как раньше запрещал ее. В 1916 г. мы, быть может, еще могли себе позволить ослаблять ее действие исключениями в пользу тех или других нейтральных держав. В 1917 г. время для этого самоограничения было уже упущено. Теперь это была наша последняя карта, на которую мы ставили все; поэтому все военные, политические, личные и технические средства должны были быть подчинены требованиям подводной войны. Флот должен был отодвинуть на второй план все другие задачи и предоставить для постройки лодок и моторов весь наличный персонал и оборудование. Армия должна была дать

работников, политика — своей деятельностью дополнять военное руководство, дипломатия должна была оставить свою выжидательную позицию, но всем сердцем принять участие в деле. Вместо этого для европейских нейтральных держав были допущены исключения, ослабившие действие подводной войны и лишившие ее в техническом и военном отношении той полной сосредоточенности, которая в этой поздней стадии дела единственно могла придать ему необходимую эффективность. Основной порок всего нашего способа ведения войны, а именно отсутствие единства и стойкости, равных единству и стойкости англичан, продолжал оставаться в силе все время, пока государством управляла система Бетманна.

Если политическое руководство брало на себя ответственность за подводную войну, в которую оно не имело веры, а затем не колебалось испортить ее выполнение, то в самом деле перспективы этой войны в сравнении с 1916 годом становились неизмеримо хуже. Вплоть до моей отставки морское министерство строило столько лодок, сколько было вообще возможно. Я трижды об'ехал все верфи лично, обследовал каждый эллинг, в целях достигнуть наивысшей производительности работы.

Мне неизвестно, продолжалась ли и *после* моего ухода постройка лодок с той же энергией, которая была необходима. Однако решающее значение имели успехи оборонительных мер неприятеля, которые превзошли все наши опасения в этом смысле. Англия вступила в войну совершенно неподготовленной к защите против подводных лодок. Коль скоро она поняла смертельную опасность этого орудия, она с помощью обильной средствами Америки лихорадочно принялась создавать приемы обороны, которые только в 1917 г. начали давать весьма ощутительные результаты. Ибо количественно индустрия Антанты превосходила нашу, и таким образом защита росла в гораздо большей прогрессии, не-

жели числу наших подводных лодок. Временами мы теряли в 1918 г. больше подводных лодок, чем строили новых.

Конечно, в общем это можно было предусмотреть уже в 1916 г. Вот перечисление нескольких главнейших защитительных средств Англии: превращение торговых кораблей в военные посредством размещения на них 15.000 пушек и обученной артиллерийской прислуги, систематическое наблюдение моря посредством аэропланов, дирижаблей и судов, широкое применение подводных слуховых аппаратов, создание истребителей подводных лодок, ловушек и водяных бомб; устройство защитительных препятствий разного рода, как, напр., сетей и мин; далее, косвенные меры, как, например, расширение втрое американских верфей, лихорадочная постройка новых торговых судов, накопление запасов, усовершенствование службы осведомления, монополизирование и рационирование тоннажа, и, наконец, постоянно растущее давление на нейтральные державы, закончившееся отобранием их судового тоннажа.

В результате этих мероприятий получилось то уменьшение эффективности подводных лодок, которое, как изложено выше, оставило отдельной лодке только одну пятую часть ее действительной силы. Достаточно подумать только о том, что позднее против нас боролись многие тысячи постепенно построенных истребителей и подводных лодок.

В феврале 1916 г. наши подводные лодки могли чувствовать себя среди неприятельских кораблей, как волки в стаде овец, между тем как позже им приходилось вступать в правильный бой. Простая работа разрушения превратилась в опасную борьбу, стоившую больших потерь.

Возникает вопрос, не произошло ли бы так, что подводная война, будучи начата не весной 1917 г., а весной 1916 г., ровно на год раньше, привела бы на материк те толпы американских солдат, которые изменили к худшему наше положение на западном фронте?

В ответ на этот вопрос я считаю нужным указать лишь на то, что весною 1916 г. вероятность отправки войск Америкой была гораздо менее значительна, нежели спустя год. По крайней мере бо́льшая эффективность подводной войны, равно как еще слабое развитие американского судостроения в 1916 г., сильно ограничили бы возможности развертывания военных сил Америки. В то время ее вооружения находились еще только в зародыше. Кроме того, является сомнительным, созрела ли Америка для войны в 1916 г. Настроение целых областей страны и влиятельных кругов было еще недостаточно обработано и ставило серьезные препятствия Вильсоновской политики престижа. Согласно взгляду нашего посланника фон-Гинтце, который в то время проехал через Америку, возвращаясь из Пекина, только известная мексиканская депеша Циммермана, всего более оскорбившая как раз дружески настроенные к Германии области Штатов, оказала решительную помощь Вильсону в его намерении выступить против нас с оружием в руках.

Как бы то ни было, если бы даже в 1916 г. Америка стала действовать точно так же, как в 1917, упреждение событий на один год было бы для нас все же выгоднее, пока мы и наши соперники сохраняли еще свежие силы. Конечно, Америка всегда желала не допустить полного поражения Англии. Но, с другой стороны, и задача подводной войны в 1916 г. заключалась в том, чтобы предотвратить полное поражение Германии. Согласно всему опыту тогдашнего и последующего времени, в 1916 г. ежемесячный результат подводной войны равнялся бы, по крайней мере, 700.000 тонн, а позднее, вероятно, 1.000.000 тонн; я не привожу здесь более высокие оценки опытных командиров. О воздействии этого факта можно сказать, что достигнутое им разложение мирового хозяйства и боевой силы Англии, не говоря уже об общих политических последствиях, значительно и прочно облегчило бы наш западный фронт и в сильной степени сокра-

тило бы роль Америки в сухопутной войне. Кроме того, тот прирост судового тоннажа, который принес Антанте 1917 год, был невозможен годом раньше, так как вновь заложенные верфи еще не функционировали. Было бы нелепостью отрицать, что и мои взгляды на подводную войну, высказанные весною 1916 г., заключали в себе неучитываемые факторы, которые были способны исказить ожидаемый результат. Однако в то время у нас было уже достаточно опыта, чтобы видеть, что чем дольше длилась война, тем более угрожающей становилась позиция Америки. В 1916 г. она стала для нас более опасна, нежели в 1915 г. Ее отношение все время находилось в состоянии развития, и этому развитию мы должны были глядеть прямо в лицо.

8.

История подводной войны длинна и полна скорби. При том методе, которого держалось наше политическое руководство в последние годы, промахи следуют один за другим в смутном потоке событий.

Начало подводной войны, об'явление запретной зоны были актами преждевременными, необдуманными, их форма была неудачна и об'явлена миру с излишней помпой. Затем избранная позиция была покинута, при чем мы постоянно обнаруживали слабость и робость. Мы склонились перед Вильсоном и помогли ему усилить свое влияние в Америке. Получилось впечатление, что мы действуем с нечистой совестью, и это придало веру утверждению англичан, будто бы подводная война есть нечто безнравственное. Таким образом нашим поведением мы затруднили возобновление подводной войны и сделали ее опаснее. Ибо после того, как мы столь долго отказывались от нашего права, стало казаться, что и мы видим в подводной войне нечто противное законам человечности, между тем как никто не возвышал голоса, если

Англия творила гораздо худшие вещи. В смысле решительности, жестокости и цинического удушения противника образ действий Англии во много раз превосходит наш собственный; правда, она превосходит нас также и искусным умением навязывать свою точку зрения даже тем, кого она угнетает. Таким образом благодаря нашим колебаниям германский народ в своей безграничной способности верить иностранцам был совершенно сбит с толку и терпеливо примирился с английским способом вести войну голодом, который в нашу цветущую страну внес банкротство и революцию, чахотку и смерть, как с велением божественного мирового порядка. Напротив, подводная война об'являлась чем-то жестоким и безнравственным, хотя она поражала главным образом корабельные грузы и стоила неприятелю ничтожное количество человеческих жизней, за все годы меньше жизней, чем сколько гибло за один день немецких солдат на западном фронте или сколько ежедневно погибало немецких граждан благодаря продолжению голодной блокады уже после того, как мы сложили оружие. Ибо английское ханжество и германское безрассудство не знают границ.

Приказы командирам подводных лодок представляют сплошную цепь приступов к действию, сменяющихся препятствиями к нему и противоречиями; они стоили нам лучшей германской крови, но зато отняли у нас конечный успех. Подводная война не удалась потому, что Германия не сумела последовательно и твердо проводить ту идею, что всякое законное средство, которым обладала морская война, должно быть применяемо без всяких ограничений до конца.

Однако, если мы отказывались от этой последовательности, то уже весной 1916 г. мы должны были не скрывать от себя ожидающего нас поражения. Если бы мы приняли этот факт раньше, он не был бы так ужасен, как впоследствии. У армии и дипломатии не было никакого средства предотвратить поражение. В таком случае продолжать войну против

Англии было преступлением. Время работало против нас. В течение некоторого, однако, недолгого времени флот еще имел средство, чтобы поразить Англию в самое сердце. Вопрос заключался лишь в том, хотели ли мы в его применении пойти на риск вызвать войну с Америкой? Если нет, то в таком случае мы становились все слабее и слабее вплоть до самой катастрофы. Если да, тогда нельзя было терять ни одного месяца. Решение было просто. Мы не смели топтаться перед ним на одном месте. Рассчитывать на посредничество Америки против Англии значило попросту терять время. Так я смотрел на положение в то время, и события показали, что оно и в действительности было таково.

Заявление 8 февраля 1916 г., что мы будем нападать на вооруженные торговые суда, было просто игрою и надувательством нашего народа. Позднее совершенно правомерное потопление «Суссекса» было сначало отрицаемо нами, как факт, а затем признано нами как наша провинность. Вместо того, чтобы после этого двукратного послушания взять, наконец, твердый тон по отношению к Вильсону, осенью 1916 г., не считаясь со взглядами Гинденбурга и адмирала Шеера, вновь начались половинчатые попытки в подводной войне. Затем последовало противоречивое сочетание неограниченной подводной войны и мирных шагов с начала 1917 г. Наконец, была предпринята неограниченная подводная война, которая за год перед тем явилась бы актом уверенности в победе мощной нации, теперь же казалась жестом отчаяния, выполненным в неуверенности и при померкнувшем престиже. Но и этим дело не кончилось: в руках политического вождя, который сам не верил по-настоящему в ее успех, она протекала болезненно, парализовалась политикой, была плохо организована в смысле построек новых лодок и слабо обоснована в стратегическом отношении.

Если бы в Германии могли предусмотреть русскую революцию, то, быть может, в 1917 г. нам не пришлось бы

рассматривать подводную войну как наше последнее средство. Однако в январе 1917 г. не было заметно еще ни одного внешнего признака русской революции. С другой стороны, также и правительство Германии, очевидно, не вполне отдавало себе отчет в разрушительном действии ошибок нашей дипломатии в ее методах обращения с Вильсоном, в особенности начиная с ноты о «Суссексе» и кончая мексиканской депешей Циммермана; только эти ошибки сделали возможной ту поразительную энергию, с которой американский народ бросился в эту войну, столь чуждую его собственным интересам.

Трудно сказать, начал ли бы я подводную войну весною 1917 г., зная все учитываемые в то время факторы, если бы я был ответственным руководителем государства. Правда, наше запутанное положение едва ли давало нам иной выход, если мы желали попытаться избегнуть окончательного крушения. Ценность подводной войны была уже значительно понижена, а связанная с нею опасность увеличилась. В качестве непосвященного частного лица я в то время имел внутреннее предчувствие, что она являлась опасно запоздавшим средством, однако взгляды должностных лиц убеждали меня, что это должно и можно испробовать. И в самом деле, если бы в то время мы сосредоточили все наши силы на этой цели, как нашем последнем шансе, как это в свое время сделала Англия в деле воспрепятствования подводной войне, если бы мы оживили стойкость нашего народа, а не подавляли ее, в таком случае мы все еще могли бы достигнуть если не победы, то, по крайней мере, приемлемого мира. Позднею осенью 1918 г. верховное морское командование было еще убеждено, что, несмотря на все трудности, подводные лодки наносили Англии все еще столь тяжелые потери, что весною 1919 г. можно было ожидать значительного повышения ее готовности к миру. Подводная война была принесена в жертву в самый неблагоприятный для нас момент в октябре 1918 г., как раз

когда она могла быть снова пущена полным ходом благодаря значительному увеличению числа подводных лодок. Весь флот питал такую крепкую веру в плодотворность этой тяжелой и опасной работы, которая поглотила все лучшие его силы, что внезапное прекращение подводной войны еще до заключения перемирия, основанного на предварительных условиях мира, произвело на весь личный состав уничтожающее моральное действие. Моряки чувствовали себя обманутыми, когда правительство по требованию Вильсона отказалось от этого в то время важнейшего орудия войны. Это чувство разочарования и упадок духа явились одной из причин того, что доверие матросов к своему начальству было жестоко поколеблено.

Для приемлемого мира нам недоставало лишь немногого. Если мы не сумели его добиться, то причина этому лежит не в военной силе. Когда Гинденбург и Людендорф были, наконец, призваны к верховному командоваию, армия, конечно, была уже неспособна осуществить его. Приемлемый мир мог стать осуществимым благодаря флоту, в первый раз осенью 1914 г. действиями большого флота, второй раз и с еще большею вероятностью весною 1916 г. действиями подводных лодок. Всего ужаснее в нашем нынешнем положении — это сознание, что оно могло быть избегнуто не только политическими, но также и военными средствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

1.

Германский народ не понял значения моря. В роковой час своей судьбы он не использовал флот. Этому флоту ныне я могу только поставить надгробный памятник. Германский народ в своем быстром восхождении к мировому значению и в своем еще более быстром падении с высоты благодаря временному ничтожеству своей политики и недостатку национального сознания пережил трагедию, равной которой не знает история.

Обозревая трагическую судьбу нашего флота, неотделимую от судьбы народа, можно притти к заключению, что всякая попытка какого-либо европейского государства сравняться с Англией на море является заранее обреченной на неудачу. Однако я думаю, что обстоятельное и беспристрастное историческое исследование не может притти к такому окончательному выводу.

Испания была владычицей мира в то время, когда Англия из земледельческого народа в борьбе против испанского серебряного флота — worstword ho! — превращалась в пиратское государство и, в конце концов, уничтожила великую Армаду. Испания умела завоевывать войной и некоторое время держать в своей власти заморские колонии, но ей не хватало торговой предприимчивости, второго важного условия для приобретения длительного значения на море.

Голландия обладала богатейшей торговлей и этим привлекла алчность Англии. У нее был также хороший военный флот, который однажды под командой Рюйтера навел пушки на Лондон и дал Голландии справедливый мир. Но Голландия была мала, она не опиралась на собственную обширную территорию. Германия лежала растерзанная тридцатилетней войной в то время, как Людовик XIV совершил великую историческую ошибку, напав с тыла на своего естественного союзника, Голландию. Однако Нидерланды, быть может, могли бы продержаться дольше и дотянуть до того времени, когда в лице Германии вырос для них новый союзник, если бы амстердамские негоцианты не слишком придавали значения своим ежегодным барышам и не сидели сложа руки на мешках с перцом. Невзирая на настойчивые увещевания своего великого адмирала, они допустили упадок своего флота в мирном бездействии и вызвали этим упадок Голландии.

Под'ем Франции к морскому значению был соответственно ее внутренним отношениям колеблющимся; путь, открытый Ришельё и Кольбером, неоднократно был оставляем. Тем не менее перед революцией морское значение Франции стояло наравне с английским. В значительной степени благодаря ему Вашингтону удалось отвоевать Америке свободу. Сюффрен уравновешивал англичан в Индии, а Средиземное море было по преимуществу французским. Революция уничтожила офицерский корпус флота и сделала негодными корабли и личный состав. Тогда Наполеон убедился на опыте, что даже его энергия и гений не умели одним манием руки создать морскую силу, и таким образом численно превосходный франко-испанский флот был побежден качественно превосходящим его флотом Нельсона и его «band of brothers».

Морской престиж Англии после этого пережил все XIX столетие.

На пороге XX века Германия обладала всеми главными предпосылками для приобретения значения на море: торго-

влей мирового масштаба и промышленной энергией, коих гигантский размах был даже слишком поспешен, военным искусством, организаторскими дарованиями и трудолюбием, государственной мощью и патриотизмом. Ей было предоставлено лишь короткое время, чтобы наверстать давно упущенное. Мы были уже близки к нашей мировой цели, когда роковая политика бросила нас в войну против четырех сильнейших морских держав Европы, из коих одна Англия была вдвое сильнее нас. С самого начала мы не могли рассчитывать на полную победу над Англией; однако я могу высказать убеждение, что наши морские силы, беря их в целом, были хороши и уже достаточно велики, чтобы так прижать Англию, что для нас стал бы возможен мир, который позволил бы нам снова залечить понесенные потери. Чтобы достигнуть этого, мы должны были вполне понять сущность направленной против Германии войны на истребление, мы должны были действовать в войне и политике сообразуясь с этим, и прежде всего пустить в дело наши морские силы без ограничений, своевременно и под единым руководством. Упускать благоприятные возможности мы не имели права ввиду общего положения.

Ужаснее, чем знаменитая продажа германского флота Аннибалом Фишером [1]), был конец нашего императорского флота. Тогдашнее начинание наших отцов было преждевременно и предпринято с негодными средствами, наше же было предпринято хотя и поздно, все же не слишком поздно; оно могло бы удасться, ибо опиралось на Пруссию и Германию. Возобновят ли его когда-либо наши внуки, это сокрыто во мраке будущего. Если же им суждено это сделать, то пусть наш опыт даст им веру и послужит уроком.

---

[1]) Аннибал Фишер (1784—1868) по поручению германского союзного правительства в 1852 г. продал германский флот.

2.

Если с некоторым чутьем реальности обозреть восхождение Пруссии и Германии от эпохи полного развала тридцатилетней войны и до высшего расцвета в июле 1914 года, то его успех кажется почти чудом. В середине Европы, с недостаточным доступом к мировым морским путям, скудная естественными богатствами, открытая отовсюду и к тому же окруженная народами, и раньше и теперь готовыми напасть на нее — таково было положение Германии. Быть может, по причине этих условий существования, но, быть может, в еще большей степени по причине характера нашего народа вышло так, что развитие мощи и процветания Германии выросло не из самого народа, но явилось почти как художественное произведение, созданное рядом творцов государства, которых послала нам судьба в течение последних трех столетий. Может ли кто-либо думать, что «вечный» рейхстаг, который подверг опале Фридриха Великого, что Франкфуртский парламент или какое-либо другое народное собрание смогут повести нас вперед? Пруссия и Германия были более всего созданием отдельных людей, которые требовали верности долгу и подчинения интересам государства, которые сумели провести это требование и обладали способностью указать народу цели и пути.

На пороге нового столетия мы вступили в новую фазу с изменившимися условиями существования. Если наш народ не хотел зачахнуть, то со своей цветущей индустрией он был принужден принять участие в мировом масштабе. Государства поддерживаются силами, которыми они созданы. Эти силы для Пруссии-Германии заключались в реальной мощи и отдаче всего себя государственному целому, а не во фразах о братстве народов, которые так мастерски были использованы англо-саксами в целях порабощения германского народа.

Я был убежден, что миссия Германии на благо Европы и всего мира еще не была выполнена. Нам уже почти удалось ввести Германию в новую эпоху. Уже значительные морские силы в высокой степени дополняли те средства, с которыми мы могли с честью поддерживать мир или, в случае неизбежности, с успехом выдержать войну. Они представляли, кроме того, великое и необходимое орудие, чтобы более основательно ввести наш народ в круговорот и дух мира. Если наше будущее бессилие на море еще более усилит наш упадок и сделает невозможным наше восстановление, то грядущие поколения, быть может, вспомнят когда-либо эту мысль.

После того как мы погубили мир и проиграли войну, после того как мы лишились мощи и чести, виновники несчастья стоят на развалинах и искажают историю; они отнимают у нашего бедного и политически неодаренного народа веру в себя и в закономерность его истории, они хулят прежнее государство, его расцвет и достижения, между прочим, также и его флот, который в действительности был нашим величайшим козырем в политике. Они изо всех сил стараются порвать нить, которая связывает нас с прошлым развитием. Наше прежнее государство, конечно, в известных отношениях нуждалось в усовершенствовании, однако, оно обладало полной способностью к развитию для нового времени и для потребностей детей наших детей. Но революция выбросила за борт все то, что создало наше величие, она была величайшим преступлением против нашего будущего.

Крушение следует приписать не нашей прежней государственной системе, но ее недостаточному личному представительству в политике. Наше общество отчасти погрузилось в малодушное потребление своего великого наследства; материалистическая идеология распространилась в народе; влияние общего, равного и прямого избирательного права, всегда

ведущее к господству демагогов, уже не уравнивалось в достаточной мере сильным правительством или верхним слоем, обладавшим сильным характером. Таким образом лица, представлявшие государство в войне, оказались не на высоте своей задачи в правительстве, в союзном совете и в рейхстаге. Если бы хотя один из законодательных факторов функционировал правильно, то бедствие никогда не разразилось бы над нами в таких размерах.

Наши противники поставили у себя диктаторов, которые в случаях нужды железными средствами поддерживали волю их народов к победе и истреблению. Наше же государственное руководство спокойно предоставляло развиваться процессу внутреннего разложения в самый опасный час истории Германии, когда все мысли и сердца должны быть направлены на борьбу с внешним врагом. Дурные инстинкты нашего народа были обострены тем разлагающим негерманским духом, который постепенно стал господствующим в нем, и которому наша народность, повидимому, еще неспособна оказать сопротивление. До понимания целого, всей совокупности государства наша демократия еще не доросла.

Новая эпоха начала свое господство с того, что в дополнении ко всем несчастиям народа она отняла честь у нашего народа и отдала его на позор всему миру; таким образом для наших врагов стало возможно уничтожить нас без всякой пощады, ибо теперь они могли также и более благородным элементам своего населения, равно как и почему миру внушить убеждение, что мы являемся преступниками и недостойны иного обращения. Печальным воплощением такой перемены к нам является в моих глазах адмирал Битти. 28 августа 1914 г. он дал такой сигнал спасенным с погибшего «Майнца» офицерам и матросам: «Я горжусь тем, что могу принять на борт моей эскадры столь храбрых людей». Напротив, в ноябре 1918 г. он дал такой приказ своему экипажу перед встречей с германскими моряками, сдававшими

свои суда англичанам: «Не забывайте, что ваши враги — презренные скоты».

Хотя я и опасаюсь, что Германия упустила свой последний час, чтобы подняться до значения мирового народа, все же, по крайней мере, из нынешней трясины и распущенности она лишь в том случае сможет подняться к новой жизни, если она во-время одумается и в согласии со своими старыми традициями поймет снова те силы, которые создали ее величие. Лично я не думаю, что это может произойти в республиканских формах; для этого нам нехватает многих качеств, которые отличали швейцарцев на Рютли; сюда присоединяется трудное географическое положение, постоянный приток негерманских элементов, а также различие вероисповеданий. Все это делает необходимым для германского государства регулятор в виде монархической власти. Какую бы принципиальную позицию к вопросу о конституции мы ни занимали, перерыв нашей исторической традиции является ошибкой метода. Великие деяния Гогенцоллернов, которые не могут быть изглажены даже совершенными ошибками, с необходимостью определяют также и будущие судьбы нашего народа.

Республиканская идея, как она развилась у нас, основывается на таких обещаниях в пользу масс, которые являются неисполнимыми. Чтобы удержать массы в своих руках, демократия принуждена ставить впереди «права», а «обязанности» отодвигать на второй план. Такой метод никогда не приведет к под'ему. Даже и в том случае, если республиканская форма принесет Германии больше творческой государственной энергии, нежели я ныне могу признать в ней, то все же мы должны будем вернуться к принципу нашего прежнего государства, а именно, что только работа для целого в своих конечных результатах может принести благо также и индивиду, тогда как неограниченное выдвигание вперед партийных и индивидуальных интересов ведет к гибели государства.

Ныне на всех немцах, обладающих государственным сознанием, лежит долг сплотиться вокруг одной идеи, воспрепятствовать разрушению всех материальных и моральных ценностей и положить предел дальнейшему развалу. Спасти из германской сущности то, что еще возможно спасти, — вот цель, достойная труда и забот благородных умов.

Но наша главная надежда — подрастающее поколение. Мы еще никогда не были народом рабов. В течение двух тысяч лет наш народ всегда умел подняться из падения.

Если бы эти воспоминания послужили этой цели и дали поопору вере в самих себя, то этим была бы выполнена последняя служба, которую я еще могу сослужить моей родине.

Государственное Издательство РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

СОВРЕМЕННАЯ ГЕРМАНИЯ И ЕЕ ИСТОРИЯ

Анжеран, Ф. Лотарингские границы и силы Германии. Ц. 1 р. 20 к.
Барт, Э. В мастерской германской революции. Ц. 1 р.
Бисмарк, О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. С предисл. М. Павловича. Ц. 75 к.
Вернер, Н. Баварская социалистическая революция. Ц. 90 к.
Вернер, Н. Евгений Левинэ. Ц. 18 к.
Водовозов. Западная Европа и Америка после войны. Ц. 35 к.
Германские репарации и доклад комиссии экспертов. Под ред. Ф. А. Ротштейна. Ц. 30 к.
Современное положение Германии. Диаграммы. Ц. 3 р.
Дран, Э. Подпольная литература в Германии во время мировой войны. Ц. 90 к.
Зиновьев, Г. Война и кризис социализма. Ч. 1-я и 2-я. В одном томе. Ц. 1 р.
Зиновьев, Г. Германский кризис и задачи партии. Ц. 30 к.
Зиновьев, Г. Двенадцать дней в Германии. Ц. 25 к.
Зиновьев, Г. Мировая революция и Коммунистический Интернационал. (Перевод речи на съезде германской независимой партии в Галле 14 октября 1920 г.). Ц. 15 к.
Зиновьев, Г. Проблемы германской революции. Ц. 35 к.
Карта Германии. Ц. 60 к.
Каутский, К. Как возникла мировая война. По документам Германского Министерства Иностранных Дел. С пред. и вступ. статьей М. Покровского. Ц. 1 р.
Каутский, К. Эльзас-Лотарингия. Ц. 90 к.
Лапинский, П. Рурская победа г. Пуанкаре и развал Европы. Ц. 60 к.
Ленин и Брестский мир. Статьи и речи Н. Ленина в 1918 году о Брестском мире. С вводной статьей и примеч. Н. Овсянникова. Ц. 80 к.
Леонтьев. Компартия в Германии. Ц. 60 к.
Лифшиц, Б. Профсоюзы Германии. Ц. 60 к.
Лукин-Антонов, Н. Очерки по новейшей истории Германии. 1890—1914 г.г. Ц. 1 р. 75 к.
Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 г.г. Том I. Ц. 4 р. 50 к. Том II. Ц. 2 р. 25 к.
Майский, М. Современная Германия (экономика, политика, рабочее движение). Ц. 70 к.
Маркс, К. Революция и контр-революция в Германии. Ц. 20 к.
Меньшой. Мы с вами в Берлине. Ц. 20 к.
Меринг, Ф. История Германии с конца средних веков. Ц. 1 р. 20 к.
Меринг, Ф. История германской социал-демократии. Том I. Ц. 1 р. 25 к. Том II. Ц. 1 р. 40 к. Том III. Ц. 2 р. Том IV. Ц. 2 р.
Мстиславский, С. Д. Классовая война в Германии. Ц. 2 р.
Мюллер, Р. Германские профессиональные союзы до и после революции. Ц. 2 р.
Носке, Г. Записки о германской революции. Ц. 60 к.

Павлов, М. Германия и Россия. Ц. 45 к.

Павловский, Е. Быть ли Германии колонией. С приложением статьи Е. Варги. Ц. 60 к.

Панкратов, А. Фабзавкомы в германской революции. Ц. 90 к.

Полонская, Л. Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы. 1913—1924 г.г. в фактах и цифрах. Изд. 2-е, переработан. Ц. 1 р. 50 к.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. Ц. 1 р. 50 к.

Радек, Карл. Германская революция. Том I. Империализм, война и возникновение германской компартии. Ц. 2 р. 50 к. Том II. Ноябрьская революция в Германии. Стр. 350. Ц. 2 р.

Радек, Карл. Гинденбург. Ц. 20 к.

Радек, Карл. Роза Люксембург. Ц. 60 к.

Радек, Карл. От Бебеля к Бармату. Как германская социал-демократия стала партией взяточников и спекулянтов. Ц. 20 к.

Сеньобос, Ш. Политическая история современной Европы. Том I. Ц. 1 р. 30 к.

Солнцев, С. Рабочие бюджеты в связи с теорией обеднения.

Солнцев, С. Германия и Рурская проблема. Ц. 45 к.

Цеткин, К. Революционный бой 1919 г. Ц. 20 к.

Шейдеман, Ф. Крушение Германской Империи. Ц. 75 к.

Энгельс, Ф. Революция и контр-революция в Германии. Ц. 40 к.

Энгельс, Ф. Сила и экономика в создании Германской Империи. Ц. 30 к.

Эрцбергер, М. Германия и Антанта. Ц. 1 р. 50 к.

